

ФИЛЕБЪ.

ФИЛЕВЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Филебъ для отчетливаго пониманія есть одинъ изъ труднѣйшихъ діалоговъ Платона: прочитайъ его, не вдругъ обнимешь мыслию какъ цѣлость его содержанія, такъ и полный строй его формы, и только настойчивое изслѣдованіе заключающагося въ немъ ученія и пристальное наблюденіе надъ его ходомъ и развитіемъ уловятъ наконецъ и покажутъ ясно главный его предметъ и истинно-художественный планъ.

Къ имени Филеба, которымъ озаглавленъ этотъ разговоръ,—и такъ озаглавилъ его, безъ сомнѣнія, самъ Платонъ,—критика вѣковъ послѣдующихъ прибавила еще другое—объяснительное или прагматическое заглавіе: *ἡ περὶ ἡδονῆς, ὁβὺς ὑδωλστωίῃ*. Но, повѣряя эту прибавку вступленіемъ, всѣмъ ходомъ діалога и самими его результатами, мы ясно видимъ, что она сдѣлана ошибочно, или по крайней мѣрѣ неточно. Встрѣтивъ еще во вступленіи понятія: *τὸ ἀγαθόν, ἡ ἡδονή, τὸ φρονεῖν, τὸ ἀμείνω καὶ λόφω γενέσθαι*, и потомъ сообразивъ, что во всемъ разговорѣ объ удовольствіи говорится больше, нежели о чемъ нибудь другомъ, критикъ не усомнился ввести въ его заглавіе терминъ:

περί ἡδονῆς, тогда какъ существенное-то между тѣми понятіями, для котораго предлагаются къ разсмотрѣнію ἡδονῆ и φρόνησις, есть τὸ ἀμείνω γυεῖσθαι. Сократъ въ самомъ началѣ бесѣды почти такъ поставляетъ вопросъ, рѣшеніемъ котораго она должна заняться: *что лучше—удовольствіе или разумность?* Но явно, что удареніе въ этомъ вопросѣ падаетъ на слово *лучше*, а не на удовольствіе; слѣдовательно, тема Филеба есть именно это *лучше*, взятое отрѣшенно, какъ высшее благо. Что дѣйствительно такова задача разсматриваемаго діалога, доказывается и тѣмъ результатомъ, до котораго онъ достигъ и которымъ закончилъ свое развитіе: этотъ результатъ есть опредѣленіе и указаніе различныхъ степеней блага, чрезъ приложеніе къ нимъ мѣры или мѣрности, признаваемой благомъ высшимъ.

Но что могло расположить Платона къ рѣшенію вопроса о высшемъ благѣ, и какъ смотрѣлъ онъ на этотъ предметъ?—Почти нѣтъ сомнѣнія, что философъ возбужденъ былъ къ сему труду различіемъ существовавшихъ тогда мнѣній,—въ чемъ состоитъ высшее благо человѣка. Мнѣній касательно сего предмета въ философскихъ школахъ вообще было два: одни изъ философовъ высшимъ благомъ человѣческой природы почитали удовольствіе, а другіе, отвергая и уничтожая удовольствіе, высшее благо поставляли въ знаніи и разумности. Извѣстно, что такое раздвоеніе взгляда на высшее благо произошло даже между послѣдователями Сократа. Сторону удовольствія сильно поддерживалъ Аристиппъ, хотя трудно опредѣлить, далеко ли простирался его идонизмъ. Свидѣтельства Ксенофонта (Mem. II, 1), Аристотеля (Metaph. III, 2), Секста Эмпирика (Adv. mathem. VII, 11), Диогена Лаэртія (VI, 92) и другихъ не совсѣмъ удовлетворительно выясняютъ идею этого ученія. Впрочемъ, оно распространилось тогда широко и господствовало надъ умами многихъ, какъ говорится объ этомъ и въ Филебѣ (р. 67 C): οἷς πιστεύοντες—οἱ πολλοὶ χρίζουσι τὰς ἡδονὰς εἰς τὸ ζῆν ἡμῖν εὖ κρατίστας εἶναι κ. т. л. Защитниками же другаго мнѣнія,

полагавшаго высшее благо въ разумности и знаніи, между прочими, были Эвклидъ и вообще ученые, вышедшіе изъ школы мегарской: по ихъ воззрѣнію, наилучшее есть то, что мыслится умомъ, или разумѣваемое существо, къ которому относится всякое познаніе и которому подобенъ и сроденъ, какъ говорили они, самый умъ. Такое свидѣтельство объ Эвклидѣ находимъ мы у Діогена Лаэртія (II, 106): τὸ ἀγαθὸν πολλοῖς ἀπεφαίνετο ὀνόμασι καλούμενον ὅτι μὲν γὰρ φρόνησιν, ὅτι δὲ θεόν, καὶ ἄλλοτε νοῦν, καὶ τὰ λοιπά: τὰ δὲ ἀντιχείμενα τῷ ἀγαθῷ ἀνῆρει. Это подтверждается и словами Цицерона (Academ. II, 42): quorum (megaricorum) fuit nobilis disciplina, cujus, ut scriptum video, princeps Xenophanes,— qui id bonum solum esse dicebant, quod esset unum et simile et idem semper. Къ мегарцамъ въ этомъ отношеніи близко подходили и такъ называемые элейцы или эретрійцы, о которыхъ въ томъ же мѣстѣ Цицеронъ говоритъ такъ: a Menedemo autem, quod is Eretria fuit, Eretriaci appellati, quorum omne bonum in mente positum et mentis acie, qua verum cerneretur. Болѣе же всѣхъ этихъ Сократовыхъ послѣдователей покровительствовалъ уму, какъ высшему благу, говорятъ, Антисеенъ (см. Ritter, Hist. Phil. Vol. II, p. 126) и касательно сего ученія едва ли не ближе другихъ подходилъ къ смыслу Сократа, который, по свидѣтельству Діогена Лаэртія (II, 31), говорилъ: ἐν μόνον ἀγαθὸν εἶναι τὴν ἐπιστήμην. Да и не однѣ школы сократическія изслѣдывали въ тѣ времена значеніе высшаго блага; этого же предмета касалась и другая отрасль философовъ, вышедшая изъ школы Димокрита Абдерскаго, который, въ своемъ сочиненіи Κέραс Αμαλθείας, высшее благо поставлялъ, говорятъ ¹, ἐν εὐθυρία или συμμετρία и ἀταραξία, то есть, въ спокойствіи и неустрашимости души, не возмущающейся ни страхомъ, ни удовольствіемъ,—и прибавляютъ, будто бы ходилъ слухъ,

¹ Stob. Eclog. II, p. 74—76, 244 sqq. Cic. de Fin. V, 8, 29. Diog. Laërt. IX, 45.

что изъ этого Димокритова сочиненія кое-что заимствовалъ и Платонъ. При такомъ всеобщемъ стремленіи Сократовыхъ послѣдователей и прочихъ философовъ того времени рѣшать вопросъ о высшемъ благѣ, быть не могло, что бы лучший и знаменитѣйшій изъ учениковъ Сократа не тронулъ того же самаго вопроса. Важность этого предмета должна была занимать умъ Платона тѣмъ болѣе, что онъ еще съ ранней поры разработывалъ его стихіи,—философскую свою дѣятельность, подражая учителю, направлялъ къ раскрытію силы и природы добродѣтели; ибо первые написанные Платономъ діалоги, по нашему мнѣнію ¹, тѣ, въ которыхъ онъ строго держался предѣловъ нравственнаго Сократова возрѣнія, не поднимаясь еще къ идеальному созерцанію вещей. Когда же идея въ умѣ его созрѣла и озарила всю область философской его познавательности, тогда выразилась она и въ ученіи о высшемъ благѣ,—и вышелъ на свѣтъ Филебъ. Но высшее благо въ Филебѣ разсматривается не какъ абсолютное и само въ себѣ совершенное, а какъ благо въ жизни человѣка, обосновывающее возможно прочное его счастье. Платонъ полагалъ—и, конечно, справедливо—что собственно человѣческаго блага негдѣ больше искать, какъ въ самомъ человѣкѣ, то есть, въ наибольшемъ совершенствѣ его природы, ручающемся за соотвѣтственную мѣру его блаженства. Извѣстно, что человѣческая личность, по его представленію, какъ бы двусторонняя (Tim. p. 41 E sqq.): одна сторона ея разумная—λογιστικόν, другая неразумная—ἄλογον. Посему и благо разсматриваетъ онъ подъ двумя типами, называя ихъ удовольствіемъ и разумностію. Одинъ изъ этихъ типовъ относится къ той части человѣческой природы, которую составляетъ умъ, направляющійся къ изслѣдованію и познанію истины; другой находится въ ближайшемъ отношеніи къ чувственной нашей жизни, обнаруживающейся пожеланіями и инстинктивными стрем-

¹ См. Соч. Плат. ч. 1, стр. 49 и 345; ч. 2, стр. 148.

леніями. Разсмотрѣвъ оба эти типа, Платонъ не рѣшается признать высшимъ благомъ ни того ни другаго, но, не выступая изъ природы человѣка, считаетъ нужнымъ смѣшать ихъ, чтобы этой смѣсью положено было дѣйствительно наилучшее и надежнѣйшее основаніе человѣческому счастью. По его мнѣнію, добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, пользуясь дарованными ему способностями, держалъ ихъ во взаимномъ согласіи и не позволялъ чувствамъ или душевнымъ возмущеніямъ нарушать гармонію жизни. Слѣдовательно, высшее благо составляетъ онъ въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, условливаемомъ подчиненіемъ удовольствій владычеству ума.

Опредѣливъ задачу и показавъ предметъ Филеба, нужно еще обратить вниманіе на характеристику разговаривающихъ въ немъ лицъ. Сократъ разсматриваетъ избранный предметъ подъ формою бесѣды съ Протархомъ и Филебомъ: кто были эти лица и какими чертами характеризуются они въ Филебѣ?—Оба Сократовы собесѣдники представляются въ диалогѣ людьми молодыми, благороднаго происхожденія, съ образованіемъ, полученнымъ въ школахъ софистовъ и риторовъ; по крайней мѣрѣ такими именно чертами обрисовывается Протархъ. Онъ въ Филебѣ называется сыномъ Калліаса (р. 19 В), необыкновеннаго въ то время богача и усерднаго покровителя софистовъ¹; былъ слушателемъ Горгіаса (р. 58 А sq.) и хвалителемъ Горгіасовой риторики, понимаемой въ смыслѣ науки убѣждать, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлялъ, какъ видно, и мнѣнія Аристиппа (р. 12 D, 38 А, 42 D sq.), которыя глубоко напечатлѣлись въ его душѣ и съ трудомъ уступали Сократову анализу. Впрочемъ, этотъ собесѣдникъ ведетъ разговоръ спокойно, въ отвѣтахъ своихъ самостоятеленъ, но безъ дерзости и раздраженія, вообще выдерживаетъ болѣе тонъ ученика, чѣмъ равносильнаго Сократу изслѣдователя;—и Сократъ, имѣя въ виду конечно

¹ См. Protag. р. 311 А; Apol. Socr. р. 19 Е прим.

его молодость, а можетъ быть и искреннее желаніе дойти путемъ философскаго мышленія до истины, нѣсколько разъ обращается къ нему съ звательнымъ ὦ παῖ. Сравнительно съ Протархомъ, меньше выпуклости замѣтно въ характеристикѣ личности Филебовой. Можно думать, что и Филебъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей; потому что Протархъ, упоминая о прочихъ, присутствовавшихъ при разговорѣ, всякій разъ говоритъ такъ, что одинъ только Сократъ представляется человѣкомъ пожилымъ, а всѣ другіе—какъ бы еще юношами. Въ діалогѣ хотя и не высказывается, гдѣ именно происходила эта бесѣда, однакожь видно, что собесѣдники были не одни, что съ ними находилось нѣсколько лицъ безъ рѣчей: указанія на это ясны. Въ одномъ мѣстѣ (р. 15 С), Протархъ говоритъ Сократу: καὶ πάντας τοίνυν ἡμᾶς ὑπόλαβε συγχορεῖν σοὶ τοὺς δὲ τὰ τοιαῦτα; въ другомъ (р. 16 А): ἄρα οὖν, ὦ Σώκρατες, οὐχ ὄρας ἡμῶν τὸ πλῆθος, ὅτι νεοὶ πάντες ἐσμέν; и опять (р. 19 D): ἡμεῖς σοὶ μετὰ παιδιᾶς ἠπειλήσαμεν, ὡς οὐκ ἀφήσομεν οἰχάδε σε κ. т. л.; и еще: σὺ τήνδε ἡμῖν τὴν συνουσίαν, ὦ Σώκρατες, ἐπέδωκας πᾶσιν (р. 19 С). Всѣ эти выраженія показываютъ, что разговоръ Сократа съ Филебомъ и Протархомъ долженъ былъ происходить въ какой нибудь гимназіи или палестрѣ и что Филебъ принадлежалъ къ числу собравшихся тамъ молодыхъ людей. Этому мнѣнію не только не противорѣчитъ обращеніе Филеба къ своимъ товарищамъ съ словомъ παῖδες (р. 16 В), но еще подтверждаетъ его: потому что Сократъ насмѣшливо пародируетъ такое его обращеніе, какъ по возрасту ему несвойственное. Если бы Филебъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, былъ какой нибудь софистъ, или учитель присутствовавшихъ при разговорѣ дѣтей: то это въ продолженіе бесѣды, конечно, чѣмъ нибудь обнаружилось бы. Заключенія о Филебѣ какъ о софистѣ нельзя выводить и изъ того, что онъ передалъ Протарху взятую на себя роль Сократова антагониста; потому что въ діалогахъ Платона это не единственный примѣръ передачи разговора однимъ сверстникомъ дру-

гому: подобнымъ образомъ и въ Софистѣ, и въ Политикѣ мѣсто разсуждавшаго съ Сократомъ юноши Теэтета заступаетъ младшій Сократъ. Но, не смотря на то, что Филебъ представляется такимъ же юношею какъ и Протархъ, или, можетъ быть, немного старше послѣдняго, образъ его мыслей и нравственный характеръ далеко не походятъ на мышление и душевное настроеніе Протарха. Оба они защищаютъ удовольствіе: но сынъ Калліаса, держась взгляда Аристиппова, не вовсе отвергаетъ разумность, а только подчиняетъ ее ощущеніямъ низшей природы человѣка. Напротивъ Филебъ требуетъ исключительно удовольствій, рѣшительно отказывается отъ внушеній ума ради интересовъ жизни животной, и противъ умственныхъ побужденій выражается даже съ раздраженіемъ и какою-то ненавистію, утверждая, что удовольствіе можетъ быть и безъ нихъ, и что, сколько бы Сократъ ни доказывалъ противное, его доказательства не поколеблютъ этихъ убѣжденій: ἐμοὶ μὲν, говоритъ, πάντως ἡδονὴ ἥδονῃ δοκεῖ καὶ δοξεῖ (р. 12 А). Изъ этого видно, что во взглядѣ Филеба больше отрицательности, чѣмъ у Протарха: онъ въ природѣ человѣка не хочетъ знать и цѣнить ничего человѣческаго, и цѣнить ее просто какъ животную, опредѣляя ея достоинство однимъ несмысленнымъ удовольствіемъ. Это не идонистъ, а сенсуалистъ, ищущій наслажденій внѣшнихъ, матеріальныхъ; это скорѣе наслѣдникъ духа Димокритова и эпикуреецъ до Эпикура. Въ Филебѣ и самъ Сократъ является не вполне такимъ, каковъ онъ почти во всѣхъ другихъ діалогахъ Платона. Здѣсь мы видимъ его обыкновеннымъ учителемъ, подобнымъ всякому другому философу: здѣсь онъ бесѣдуетъ, не скрывая своихъ убѣжденій подъ любимымъ покровомъ незнанія, и даже не пользуется столь свойственною ему индуктивною методою собственно для обличенія ложныхъ понятій, заявляемыхъ собесѣдниками, но большею частію идетъ открыто къ своей цѣли, и положительный тонъ рѣчи изрѣдка смягчаетъ только шуточкою (р. 28 С; 30 Е. Сравн. р. 20 А, 21 D). Если Филеба

въ этомъ отношеніи будемъ сравнивать съ другими діалогами, въ которыхъ Сократъ болѣе или менѣе догматиченъ, то во всѣхъ ихъ причиною такого явленія признаемъ разницу между значеніемъ Сократа, какъ гражданина, и возрастомъ юношей, не вступившихъ еще въ жизнь самостоятельную. Бесѣдуя съ софистами, или вообще съ людьми, присвоившими себѣ извѣстную мѣру мудрости, сынъ Софрониска тотчасъ прятался за своимъ незнаніемъ и являлся олицетворенною ироніею; напротивъ, когда надобно было говорить съ юношами, сознававшимися, что они еще незнакомы съ философскою истиною, тогда эротематическая его метода принимала характеръ учительный.

Послѣ предварительныхъ нашихъ разсужденій о Филевѣ, теперь можно уже приступить къ анализу его содержанія. Начало Сократовой бесѣды въ Филевѣ заставляетъ предполагать, что эта бесѣда была только продолженіемъ разговора, происходившаго между Сократомъ и Филебомъ о высочайшемъ человѣческомъ благѣ. Филевъ утверждалъ, что для человѣка, равно какъ вообще для животныхъ, лучше всего наслаждаться удовольствіями и удовлетворять влеченіямъ чувственной природы. Напротивъ Сократъ доказывалъ, что чувственные наслажденія и соединенныя съ ними удовольствія не заслуживаютъ имени высшаго блага,—что гораздо чище и благороднѣе ихъ разумность и знаніе. Ни тотъ ни другой изъ этихъ собесѣдниковъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, пока Филевъ, соскучившій наконецъ долго тянувшимся споромъ, не передалъ защищаемого имъ мнѣнія одному изъ своихъ друзей, Протарху, чтобы онъ продолжалъ отстаивать предметъ состязанія. И такъ, на это начало Филеба надобно смотрѣть какъ на практическій переходъ отъ безыскусственной, безсвязной, беспорядочной и потому бесполезной эристической бесѣды къ бесѣдѣ основательной, отчетливой, правильной, діалектической. Посему одинъ новѣйшій критикъ Платона невѣрно судить, что *da das Gespräch als ein schon in der Fortset-*

zung begriffenes erscheint und also gleich mitten in die Sache hineinführt, то это, будто бы, есть das Zurücktreten der Künstlerischen Seite des Dialogs ¹⁾. Напротивъ, здѣсь-то, послѣ бесплодныхъ споровъ, и открывается поприще диалектическаго искусства. Діалектика обыкновенно требуетъ, чтобы прежде всего точнѣйшимъ образомъ опредѣлены были взаимно-противорѣчащія мнѣнія двухъ спорящихъ сторонъ, потомъ предлагались способы и условія соглашенія ихъ; а въ началѣ Филеба Сократъ это самое и дѣлаетъ. То есть, поставивъ на видъ пункты несогласія своего съ Филебомъ, онъ обращается къ Протарху съ слѣдующею мѣрою примиренія ихъ: если, кромѣ защищаемыхъ двумя сторонами благъ, именно, кромѣ разумности и удовольствія, найдется, говорить, какое нибудь третье, стоящее выше ихъ обоихъ, то преимущество, по справедливости, надобно будетъ дать тому изъ нихъ, которое окажется сроднѣе съ этимъ третьимъ. Это начало Филеба можно почитать вступленіемъ въ діалогъ (р. 11—12 A).

Внимательно всматриваясь въ это вступленіе, мы, при всей его краткости и простотѣ, замѣчаемъ въ немъ зерно обширной и весьма сложной работы. Съ логической точки зрѣнія, здѣсь предполагается не больше, какъ построеніе обыкновеннаго силлогизма, то есть, требуется два непосредственно несоединимые термина—удовольствіе и разумность—привести во взаимную связь посредствомъ третьяго или средняго, который надобно найти, чтобы потомъ получить общую посылку умозаключенія,—и, подъ эту высшую мѣру блага подводя каждое изъ благъ данныхъ и спорящими сторонами защищаемыхъ, вывести наконецъ слѣдствіе въ пользу того или другаго. Но эта, по видимому, простая и легкая задача на самомъ дѣлѣ требуетъ большихъ усилій и вызываетъ умъ не только на формальныя соображенія, но

¹⁾ Die genetische Entwicklung d. Plat. Philosophie v. Fr. Susemihl, 2 Th. 1 Abth. S. 1.

и на реальную изслѣдовательность; потому что и для наведенія, и для подведенія, и для выведенія логическаго представляются здѣсь вещи конкретныя, которыя сперва нужно подвергнуть анализу, чтобы онѣ могли войти въ ту или въ другую посылку силлогизма. Первый моментъ предначертанной вступленіемъ задачи состоитъ въ томъ, чтобы найти средній терминъ для соглашенія двухъ спорныхъ, или—высшее благо для оцѣнки другихъ, вступившихъ во взаимное состязаніе о преимуществѣ. Но найти это благо, по мнѣнію Платона, можно только въ тѣхъ благахъ данныхъ, отдѣливъ въ нихъ то, что обще имъ обоимъ, и это общее охарактеризовавъ свойственными ему чертами. Стало быть, явно, что первымъ дѣломъ представляется здѣсь анализъ разумности и удовольствія, а вторымъ—наведеніе отъ частныхъ выраженій того и другаго къ заключающемуся въ нихъ общему, которое, принявъ свойственныя себѣ черты, имѣетъ теперь значеніе высшаго блага. Совершивъ это изслѣдованіе, Платонъ получаетъ первую посылку силлогизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ оканчиваетъ и *первый отдѣлъ* діалога (р. 12 В—22 А). Послѣ сего подъ эту посылку, кажется, оставалось бы только подводить тѣ спорныя блага одно за другимъ и смотрѣть, которое изъ нихъ сроднѣе съ найденнымъ благомъ высшимъ: но и удовольствіе и разумность въ частныхъ своихъ выраженіяхъ такъ различны и неопредѣленны, что, вводя ихъ въ сферу найденнаго высшаго блага подъ одними типами, вмѣстѣ съ тѣмъ не введешь подъ другими, а потому задача въ отношеніи ко всѣмъ имъ должна оставаться нерѣшенною. Это поставляетъ Платона въ необходимость искать высшаго рода какъ удовольствій, такъ и разумности, чтобы, нашедши его, удовольствіе и разумность подвести подъ идею высшаго блага въ значеніи родовомъ. Но, для опредѣленія рода этихъ благъ, нужно было Платону указать ихъ мѣсто и значеніе въ ряду всѣхъ явленій природы, и чрезъ то обозначить ихъ особыми родовыми признаками. А это значитъ, что философъ нашъ на новой точкѣ созерцанія дол-

женъ былъ начать свое дѣло космологическимъ синтезомъ, то есть, все существующее различить, какъ безпредѣльное, опредѣляющее, смѣшанное, и причину смѣшенія,—слѣдовательно, вторую посылку силлогизма представить опять подъ формою силлогистическою, которая, въ свою очередь, для подведенія второй своей посылки подъ первую, потребовавъ новаго анализа тѣхъ благъ, привела къ заключенію, что удовольствіе относится къ безпредѣльному, а разумности указала мѣсто въ опредѣляющемъ и причислила ее къ роду причины. Такимъ образомъ Платонъ опредѣлилъ родовое значеніе спорныхъ благъ, стало быть, приготовилъ содержаніе для второй посылки перваго силлогизма, и этимъ заключилъ *второй отдѣлъ* діалога (р. 22 В—31 В). Теперь оставался самый актъ подведенія, за которымъ должно было слѣдовать заключеніе силлогизма,—очевидно, въ пользу разумности. Но въ человѣческой жизни не только удовольствіе, даже самая разумность имѣетъ сторону являемости и смѣшенія. Посему Платону, для подведенія этихъ смѣшанныхъ благъ подъ идею высшаго блага, надлежало не отдѣлять ихъ одно отъ другаго, а примирять чрезъ смѣшеніе правильное, для правильнаго же смѣшиванія, найти мѣру въ приложеніи высшаго блага къ жизни человѣка. Такою мѣрою Платонъ признаетъ истинность, симметричность и красоту. Этимъ канономъ, по ученію Платона, должна быть оцѣниваема и упорядочиваема всякая смѣсь удовольствія и разумности, и этимъ оканчивается *третій отдѣлъ* діалога (р. 31 С—65 А). Но отсюда слѣдовало, что, поставляемые предъ идеєю высшаго блага, какъ предъ зеркаломъ, всѣ человѣческія блага являются одни ниже другихъ, на пяти степеняхъ: 1) идея высшаго блага; 2) жизнь, устрояемая по образцу этой идеи; 3) умъ или разумность; 4) искусства и науки; 5) чистыя удовольствія. Это—заключеніе силлогизма и *последній отдѣлъ* діалога (р. 65 В—67 В).

Мы сдѣлали краткій очеркъ всего Филеба съ тѣмъ, чтобы показать логическую связь его частей и отношеніе от-

дѣльныхъ изслѣдованій. Держась этой нити, намъ легче будетъ теперь войти въ подробности его содержанія, понять значеніе частныхъ его мыслей, замѣтить повороты заключающихся въ немъ изслѣдованій и оцѣнить удивительную художественность въ развитіи его плана.

Когда собесѣдники условились въ способѣ изслѣдованія спорнаго предмета, тогда Сократъ предложилъ свое замѣчаніе, что удовольствія, по его наблюденію, относятся не къ одному и тому же роду, но представляются весьма различными, такъ что надобно внимательно отдѣлять ихъ одни отъ другихъ, чтобы, назвавъ всѣ добромъ, не сказать лжи. Протархъ сперва не соглашается съ Сократовымъ наблюденіемъ и, не отвергая объективнаго различія удовольствій, всѣ ихъ мыслить въ единствѣ рода, просто какъ удовольствіе. Сократъ не опровергаетъ этого Протархова взгляда и только говоритъ, что единство рода не мѣшаетъ быть разнообразію содержащихся въ немъ видовъ. И это нужно сказать не только объ удовольствіи, но и о знаніи, которое, въ существѣ будучи одно, тѣмъ не менѣе включаетъ въ себѣ множество и разнообразіе. Различивъ такія стороны удовольствія и знанія, Сократъ открываетъ теперь то третье высшее благо, которое предполагалъ найти, и видитъ его въ τῷ ἔν καὶ πολλᾷ, такъ какъ τὸ ἔν καὶ πολλᾷ тождественно и въ удовольствіи и въ разумности. Но, соотвѣтственно тождественному въ обоихъ благахъ τῷ ἔν, надлежало отождествить въ нихъ и πολλᾷ; а πολλᾷ τῆς ἡδονῆς, взятая μετὰ πολλῶν τῆς φρονήσεως и противоположенный τῷ ἔν, представляются сознанію какъ отрицательное ἀπειρον, или безпредѣльное, не имѣющее въ себѣ ничего для самоограниченія или самоизмѣренія. Если положимъ, что Платоново τὸ ἔν есть идея сама въ себѣ, то Платоново τὸ ἀπειρον будетъ матерія сама въ себѣ. Въ этомъ ученіи объ одномъ, безпредѣльномъ и многомъ не трудно конечно усмотрѣть слѣды взглядовъ пифагорейскаго и элейскаго; однакожъ означеннымъ терминамъ сихъ школъ Платонъ придалъ оригинальное значеніе, а сло-

вомъ τὰ πολλὰ первый назвалъ формы, содержащіяся въ родѣ, и занимающія средину между τὰς ἐνάδας или μονάδας (Phileb. p. 15 A, B; 16 D) и τὰ ἅπαιρα. Вопросъ объ одномъ и многомъ во времена Платона былъ, кажется, въ большомъ ходу, и нравился преимущественно эристикамъ, потому что указывалъ способъ построить множество софизмовъ и забавлять хитросплетеніями. Объ этомъ Платонъ часто упоминаетъ въ Софистѣ (p. 251 A. В. С) и въ Парменидѣ (p. 120 C sqq.), гдѣ, равно какъ и въ Филебѣ, эристики подвергаются самымъ колкимъ замѣчаніямъ. Они, или по невѣжеству или съ цѣлью обмануть, обыкновенно смѣшивали неизмѣняемыя идеи вещей съ удобоизмѣняемыми о нихъ понятіями, которымъ свойственно совмѣщать въ себѣ одно и многое (p. 14 E sq.). Посему философъ совѣтуетъ теперь не обращать вниманія на эти ребяческія игрушки людей легкомысленныхъ, но тотчасъ приступать къ изслѣдованію того, что доступно для одного ума, сознаваясь впрочемъ, что изслѣдованіе такихъ вещей соединено съ нѣкоторыми трудностями (p. 15 B. C). Это одно и многое онъ старается прояснить такъ, чтобы чрезъ его разсужденіе открылось и живо выразилось значеніе методы синтетической и аналитической. При рѣшеніи каждаго вопроса, говоритъ онъ, сперва надобно схватить и разсмотрѣть *одну общую идею*, которою, будто нитью, держатся и связуются всѣ частности; ибо таковъ неизмѣняемый и неизъяснимый законъ природы, что все есть одно и многое—все заключаетъ въ себѣ единство и безпредѣльность (p. 16 C). Нашедши и прояснивши себѣ идею, потомъ слѣдуетъ приступить къ разсмотрѣнію содержащихся подъ нею формъ и частей, и никакъ не переходить вдругъ къ безпредѣльному и недѣлимому. Когда же опредѣлены будутъ формы, тогда можно уже перейти и къ отдѣльностямъ. Этимъ именно отличается, говоритъ, истинная и настоящая діалектика отъ эристическаго или спорчиваго способа разсужденій (p. 17 A). Послѣ сего Сократъ, для большей ясности высказаннаго ученія, беретъ примѣръ изъ области

грамматики и музыки; но тутъ нетерпѣливый Филевъ, превравъ молчаніе, заявилъ, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ относится это къ настоящему предмету (р. 17 E). Тогда Сократъ благоразумно замѣтилъ Филебу, что послѣ онъ пойметъ, къ чему это говорится, а теперь, чтобы дѣло было ясно, надобно довести его до конца: прежде, то есть, философъ показалъ обыкновенный ходъ методы аналитической, а теперь намѣренъ показать, какъ обыкновенно развивается метода синтетическая. И такъ, взявъ примѣръ изъ области грамматики, Сократъ объясняетъ этимъ, что отъ вещей безпредѣльныхъ можно восходить къ формамъ и частямъ, а отъ формъ и частей, наоборотъ, можно переходить къ высшему роду (р. 18 C). Въ этомъ замѣчательнѣйшемъ мѣстѣ Филеба Платонъ изложилъ свои мысли о синтетической и аналитической методѣ съ такою ясностію, что діалектическая методологія, какъ видно, была ему совершенно извѣстна. Не бесполезно замѣтить, что этого предмета касается онъ также въ Федрѣ, Софистѣ, Политикѣ, Парменидѣ и Государствѣ; но тамъ говорится о немъ довольно коротко и необстоятельно. Въ Федрѣ можно указать относящееся сюда мѣсто р. 265 D sqq. Въ Софистѣ см. р. 253 D sq., въ Парменидѣ—р. 129 B sqq. Въ Политикѣ достойно замѣчанія въ этомъ отношеніи все, что говорится на pp. 262 A—285 A sqq. Въ Государствѣ нужно взять въ сравненіе L. V, р. 454 A sqq., VII, р. 534 B sqq. Впрочемъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ, важность діалектической методологіи разсматривается примѣнительно къ частной цѣли разсужденія. Такъ напримѣръ, въ Софистѣ и Политикѣ философъ упоминаетъ объ этомъ съ цѣлью предложить ученіе о дѣленіи и разчлененіи изслѣдованія, по способу мегарской школы; въ Парменидѣ—для того, чтобы исправить и улучшить мегарскую методу доказыванія предмета; въ Федрѣ опять—чтобы показать великое вліяніе діалектики на всю науку мудрости. Но въ Филевѣ всѣ эти частныя цѣли соединяются въ одну общую, и о діалектической методѣ говорится съ надлежащею

полнотою,—за что Платона еще въ древности почитали отцомъ аналитическаго философствованія (Diog. Laërt. III, 24. Aristot. Anal. I, 1. Top. I, 1 и 10). Даже Аристотель признается, что ловкостію своей методы въ изслѣдованіяхъ Платонъ далеко превосходилъ всѣхъ прежнихъ философовъ, уподоблявшихся больше неученымъ бойцамъ, и съ этой стороны оказалъ наукамъ безсмертную услугу.

Разсмотрѣвъ вообще роды и формы вещей и показавъ два пріема методы для восхожденія къ высшему роду, а отъ вышаго рода для нисхожденія къ низшимъ видамъ, Сократъ приступаетъ теперь къ изслѣдованію родовъ и формъ удовольствія и разумности, и полагаетъ, что чрезъ это, можетъ быть, правильнѣе опредѣлится ихъ достоинство. Вопросъ, очевидно, предполагается здѣсь поставить такъ: что такое въ удовольствіи и знаніи—то третіе и общее имъ, τὸ ἐν καὶ πᾶσι, какъ высшее благо? Явно, что это формальное выраженіе, въ которомъ проявилась идея, надлежало воплотить, облечь въ какія нибудь болѣе осязательныя черты,—и Сократъ, по своему обыкновенію, въ случаѣ преднамѣреваемаго синтетическаго хода бесѣды, обращается къ божественному авторитету и говоритъ: «кажется, кто-то изъ боговъ привелъ мнѣ на память, что ни удовольствіе, ни разумность не есть добро, что добро есть иное—третье, отличное отъ нихъ и лучшее, чѣмъ оба они»; и потомъ это искомое добро постепенно характеризуетъ такъ: «добро есть нѣчто въ себѣ совершенное, по природѣ довлѣющее и для всѣхъ возжеланное» (р. 20 В. С. D). Если же, говорить, оно таково, то о наилучшей жизни судить будетъ легко; ибо ни жизнь, проводимая въ удовольствіяхъ, ни та, которая постоянно пользуется разумностію, не будетъ тогда жизнію совершенною, такъ какъ она лишь отчасти сдѣлаетъ чело-вѣка счастливымъ и оставить въ немъ чувство недовольства, а для иныхъ покажется просто не стоящею того, чтобы желать ея. Такъ напримѣръ, никто конечно не пожелалъ бы, чтобы его жизнь слагалась изъ однихъ удовольствій,

не присоединяя къ себѣ нисколько разумности, пониманія, памяти; потому что безъ этого невозможно и наслажденіе удовольствіями. То же должно сказать и объ умѣ, знаніи, памятованіи и правильномъ мнѣніи, если бы со всеѣмъ этимъ не соединялась извѣстная мѣра удовольствія. Кому пріятна была бы жизнь, совершенно чуждая удовольствій? И такъ, мы не погрѣшимъ, заключаетъ Сократъ, если скажемъ, что ни удовольствіе одно само по себѣ, ни разумность одна сама по себѣ не заслуживаютъ имени добра. Мы должны постановить, что доброю будетъ та жизнь, въ которой разумность и знаніе взаимно смѣшиваются.—Вотъ первая или бѣльшая посылка силлогизма, составляющаго логическую ткань всего діалога. Она можетъ быть выражена такъ: *высшее добро есть τὸ εὖ καὶ πολλὰ τῆς ἡδονῆς καὶ τῆς φρονήσεως*, или *такая смѣсь этихъ благъ, которая сама въ себѣ совершенна, по природу удовлетворительна, и для всѣхъ возжелательна*. Извѣстно, что это положеніе Платона о высшемъ благѣ человѣка было сильно порицаемо Аристотелемъ (*Ethic. Nicom. I, 6, § 12 sqq*). Но замѣчательно, что, унизивъ приведенное Платоново положеніе и поставляя на его мѣсто свое собственное, Аристотель высказалъ въ немъ почти то же самое, что Платонъ. По его мнѣнію, послѣднее и высшее благо есть не иное что, какъ *τὸ τῶν πρακτῶν ἀπάντων τέλος*, то есть, цѣль всѣхъ дѣлъ человѣка. Но эта цѣль есть не относительное что нибудь, а безусловное само въ себѣ; если же такъ, то явно, что высшее благо прежде всего есгь *ἐν τι μόνου τέλειον*, или—*ἀπλῶς τέλειον*: потому что *τέλειόν ἐστιν*, какъ говоритъ *Magn. Mor. I, 2, p. 7 ed. Bekk.*, *οὐ παραγενομένου μηδενὸς ἔτι προσδεόμεθα: ἀτελέες δὲ, οὐ παραγενομένου προσδεόμεθα τινος*. А отсюда слѣдуетъ, что то благо возжелательно само для себя, а не для чего нибудь другаго; стало быть, оно будетъ, какъ и у Платона, *καθ' αὐτὸ αἰρετόν ἀεὶ καὶ μηδέποτε δι' ἄλλο*. Имѣя же свою цѣль въ себѣ самомъ, то благо будетъ, конечно, самодовольно; потому что *τὸ τέλειον ἀγαθόν (ἐστὶν) καὶ αὐτάρκες*. Послѣ сего явно, что украшенная такимъ благомъ

жизнь будетъ для всѣхъ вождельбною и ни въ чемъ не нуждающуюся (*αἰρετόν ποιεῖ τὸν βίον καὶ μηδενὸς ἐνδεῆ*),—слѣдовательно, счастливою. Счастіе, которое Аристотель называетъ словомъ *εὐδαιμονία*, есть не что иное, какъ наилучшая жизнь, по Платону, состоящая изъ смѣси удовольствія и разумности, сдѣланной согласно съ законами вѣчнаго ума. Замѣтимъ мимоходомъ, что о причинахъ, почему ни одно удовольствіе, ни одна разумность недостаточны для высшаго блага, говорится также *De Rep. VI, p. 505 B sqq*: по тамъ этотъ предметъ, соотвѣтственно намѣренію писателя, разсматривается иначе; потому что тамъ рѣчь идетъ объ идеѣ высочайшаго блага, которое само по себѣ абсолютно, а не о наилучшей жизни. Кромѣ того, не бесполезно будетъ сообразить, чтò о необходимости удовольствія и мудрости для счастливой жизни говорится *Legg. V, p. 732 D sqq*.

Нашедши высшую посылку силлогизма, или положеніе о высшемъ благѣ человѣка, Сократу слѣдовало теперь этою мѣрою опредѣлить относительное достоинство удовольствія и разумности, или относительную близость этихъ благъ къ благу высшему. Но такъ какъ идея высшаго человѣческаго блага требуетъ, чтобы удовольствіе и разумность подвдимы были подъ положеніе о высшемъ благѣ въ смѣшеніи, то чрезъ это естественно возбуждается новый вопросъ о частныхъ формахъ удовольствія и разумности, и рѣшеніе сего вопроса можетъ быть произведено уже не высшимъ благомъ, но, по требованію діалектической методы, разсмотрѣніемъ частныхъ формъ той и другой ингредіенціи подъ высшимъ родомъ каждой изъ нихъ; высшіе же ихъ роды могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ цѣлымъ рядомъ началъ, распредѣляющихъ всѣ вещи въ природѣ по родамъ ихъ. Поэтому Сократъ обращается теперь къ высшимъ началамъ всѣхъ вещей, мимо которыхъ ничто не рождается и не достигаетъ свойственнаго себѣ совершенства. Это мѣсто весьма важно для уразумѣнія вообще философіи Платона.— Я думаю, говоритъ Сократъ, что разумность далеко превос-

ходнѣе удовольствія, и, если это справедливо, удовольствію нельзя дать ни перваго ни втораго мѣста; даже и третье-то, какъ предвижу, ему не достанется (р. 22 E sqq). Но, чтобы довести это до очевидности, нужны другаго рода доказательства, отличныя отъ прежнихъ (р. 23 B). Все существующее есть или *безпредѣльное*, или *предѣль*. Къ этимъ двумъ родамъ прибавимъ составившійся изъ нихъ третій—*смѣшанный*. Затѣмъ присоединимъ и четвертый, опредѣляющій мѣру смѣшенія безпредѣльнаго и предѣла и называющійся *родомъ причины*. И такъ, у насъ есть четыре начала; они помогутъ намъ вѣрно оцѣнить достоинство удовольствія и разумности. Начнемъ съ *безпредѣльнаго*, которое однакожъ нѣкоторымъ образомъ заключаетъ въ себѣ многое, такъ какъ можетъ дѣлиться на какіе нибудь роды и части (до р. 24 A). Къ безпредѣльному относится то, что не имѣетъ ни опредѣленной мѣры, ни извѣстнаго основанія, и не принимаетъ никакой степенной мѣры, не признаетъ никакого закона количественности и качественности (р. 24 A—E). Изъ этого должно быть ясно, какова природа *конечнаго* или *предѣла*, какъ противнаго безпредѣльному: что принимаетъ въ себя извѣстную мѣру, число, основаніе, то, естественно, относится къ предѣльному (р. 25 A). Если, теперь, безпредѣльное сходится въ одно съ предѣльнымъ, и чрезъ то какъ бы очертывается извѣстными гранями, то рождается третій родъ, называемый *смѣшаннымъ* (*συνμεικμένον*), и въ своемъ объемѣ содержитъ все, что есть добраго и совершеннаго какъ въ природѣ вещей, такъ и въ человѣческой жизни. Отсюда происходитъ надлежащее здоровье тѣла, отсюда—музыка, отсюда—благораствореніе воздуха, отсюда—красота, не только тѣлесная, но и душевная; отсюда беретъ свое начало всякое превосходство (р. 25 A—26 D). О *четвертомъ* же родѣ надобно сказать то, что все происходящее и рождающееся необходимо производится нѣкоторою причиною; такъ что то третье надобно почитать не чѣмъ инымъ, какъ ея произведеніемъ, сложеннымъ ею изъ безпредѣльнаго и пре-

дѣльнаго (р. 26 E—27 B). Вотъ четыре начала, отъ которыхъ должно производить все, что рождается.

Это, сказали мы, есть важнѣйшее мѣсто для уразумѣнія всей философіи Платона: безъ него едва ли можно было бы правильно истолковать Тимея и Парменида, образцовые діалоги Платоновы. Напротивъ теперь и темный Парменидъ становится ясенъ, и недоступный Тимей дѣлается доступнымъ; потому что философу хотѣлось одни и тѣ же начала примѣнить какъ къ міру нравственному, проявляющемуся въ удовольствіи и разумности, такъ и къ идеямъ, или къ происхожденію всѣхъ вещей. Древніе писатели говорятъ, что Платонъ въ изложенномъ ученіи слѣдовалъ Филолаю. Кромѣ другихъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ *Прокль* (Theol. Plat. 1, 5, p. 13; III, 7, p. 132. Ad Tim. 1, p. 26, p. 54). Посему не лишнимъ дѣломъ будетъ кратко предложить здѣсь мнѣнія этого знаменитаго пифагорейца и сравнить ихъ съ ученіемъ Платона, чтобы видно было, что между ними общаго и въ чемъ они расходятся. Взявъ за основаніе отрывки сочиненія Филолаева, изданные Беккомъ (Philolaos des Pithagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes. Berlin. 1819), и слѣдуя замѣчаніямъ другихъ древнихъ и новыхъ критиковъ, мы можемъ, кажется, удовлетворительно объяснить смыслъ относящихся къ нашему предмету понятій Филолая. Онъ училъ такъ: *Все существующее* (τὰ ἔντα) *или предѣльно или безпредѣльно* (ἢ περαίνοντα ἢ ἀπειρα), *или то же самое и предѣльно и вмѣстѣ безпредѣльно*; потомъ къ этому прибавляетъ: *такъ какъ вещи составлены и не все изъ предѣльнаго, и не все изъ безпредѣльнаго, то явно, что міръ и всѣ находящаяся въ немъ особенности сложены изъ предѣльнаго и вмѣстѣ безпредѣльнаго*,—то есть, изъ того и другаго сложенаго въ одно. И такъ, Филолай принималъ два начала вещей: одно—предѣльное, другое—безпредѣльное. Такъ думали и прочіе пифагорейцы; только, пользуясь именами чиселъ, они предѣльное называли τὸ ἕν, а безпредѣльное, ἀρίστον,—*двада* (Brandis. De perdit. Aristot. libris

de Bono p. 27. *Sext. Emp. Adv. mathem.* X, 262 sqq.) Τὸ ἄπειρον Филолай понималъ какъ грубую и безформенную матерію міра, которая не ограничивается ни предѣломъ, ни мѣрою, ни иными какими либо отношеніями: поэтому оно и не есть предметъ познанія; ибо все, познаваемое умомъ, должно быть познаваемо по предѣлу, числу и отношенію (*Boeckh.* p. 49). Изъ этого видно, почему Филолай полагалъ, что и въ самомъ образовавшемся уже мірѣ осталось еще нѣчто безпредѣльное—время и пустота (τὸ κενόν) (см. *Stobaeus*, *Eclogg. Phys.* p. 380, 82. *Boeckh.* p. 108, 102): тогда какъ пустота, поколику природа вещей, по его мнѣнію, произошла изъ сочетанія предѣльнаго и безпредѣльнаго, должна была находиться не въ мірѣ, но окружать міръ и, по закону дыханія, поглощаться имъ, чтобы въ порядкѣ вещей не открылось какого нибудь возмущенія (см. *Aristot. Phys.* III, 4; *ibique Simpl.* p. 104 B. *Auscultat. Phys.* IV, 6 et *fragm. ap. Stob.* 1, 21. 2. *ap. Boeckh.* p. 167). Въ такомъ космологическомъ взглядѣ Филолая мы, вмѣстѣ съ Беккомъ (p. 108), усматриваемъ оригинальную мысль,—что міръ въ цѣломъ своемъ составѣ есть какъ бы животное, имѣющее способность дышать и посредствомъ дыханія возстановляющее свои силы. Предѣльное Филолай употребляетъ большею частію въ числѣ множественномъ—τὰ περαινόντα; а у Аристотеля оно называется иногда τὸ πεπερασμένον, иногда τὸ πέρας (*Metaphys.* I, 5; I, 7; III, 1. 4; X, 2. *Ethic. Nicom.* II, 5. *Phys.* III, 4). Различныя также имена даетъ ему и Платонъ: либо τὸ πεπερασμένον, либо τὸ πέρας ἔχον, чаще же τὸ πέρας. Иные думаютъ, что подъ предѣльнымъ Филолай разумѣлъ чистую форму, какъ подъ безпредѣльнымъ—способную формоваться матерію; но это мнѣніе намъ кажется несправедливымъ, потому что въ такомъ случаѣ ученіе Филолая далеко отступало бы отъ пифагорейскаго. Мы полагаемъ, что какъ пифагорейцы не мыслили своихъ чиселъ безъ матеріи, такъ и Филолай своему предѣльному приписывалъ нѣчто матеріальное. По нашему мнѣнію, предѣльное почиталъ онъ

силою и природою дѣйствующею, которая, всему прочему давая форму, сама однакожь не есть пустая форма;—напротивъ, безпредѣльное представлялъ какъ матерію, не имѣющую никакого качества, но до того воспріимчивую относительно качествъ, что можетъ характеризоваться всякими и измѣняться всячески. Стало быть, въ производящемъ Филолай на первомъ планѣ видѣлъ силу, а въ производимомъ прежде всего усматривалъ матерію. Но въ томъ и другомъ искалъ онъ того и другаго; потому что матерія не пришла бы въ сдѣвленіе, если бы не связывалась силою и не восприняла ея, да и сила ничего не произвела бы, если бы не было матеріи. И такъ, Филолаево предѣльное есть само въ себѣ одно, всегда тождественное, постоянное и чрезъ то именно способное давать другому извѣстную форму, опредѣленные условія существованія. Справедливость этого объясненія вытекаетъ изъ словъ самого Филолая, который, говорить, что тѣ два начала, по своей природѣ, ни подобны, ни сродны между собою, и потому никогда не сойдутся въ одно, если не привзойдетъ число и гармонія (*Stob. p. 468. Boeckh. p. 62 sqq.*). Въ самомъ дѣлѣ, на что этимъ указывается, какъ не на опредѣляющую силу, заключающуюся въ природѣ предѣльнаго, какъ бы, то есть, ἐν τῷ πεπερασμένῳ τὸ πέραс было ὁ ἀριθμὸς καὶ ἡ ἀρμονία, или самая способность давать формы вещамъ?—Отсюда ясно будетъ и то, почему пифагорейцы полагали, что силу и природу вещей надобно опредѣлять числами и чиселъ не отдѣлять отъ ней (*Aristot. Metaph. I, 5. 6. XI, 6. XIII, 3. Phys. III, 4. Simplic. p. 104 B*). Но, полагая, что одно начало вещей, чрезъ гармоническое отношеніе чиселъ, можетъ сходиться съ другимъ, Филолай требовалъ однакожь, чтобы соединеніе ихъ было мудрое, а для сего признавалъ необходимую причину сочетанія этихъ началъ, которая была бы выше ихъ и предписывала имъ соединеніе дѣйствительно гармоническое, для опредѣленной цѣли. Такимъ образомъ, кромѣ двухъ началъ, у Филолая является третье, τὸ ἐν, то есть единое высочайшее и послѣднее, τὸ πρῶ-

τον ἐν (см. *Iambl. ap. Boeckh. p. 150. Archyt. ap. Stob. 1, p. 714. Syrian. ad Aristot. Metaph. XIII, p. 102 B. Ritter, Hist. Philos. I, p. 398 sqq.*). Подъ этимъ третьимъ началомъ разумѣлъ онъ Бога, въ которомъ созерцается источникъ всякой рожденной сущности (см. *Philol. ap. Boeckh. p. 151*). Высочайшее и послѣднее существо, по его представленію, какъ бы средоточіе, помѣщенное среди вселенной, распространяетъ дивную свою силу на всѣ части міра, по всѣмъ направленіямъ, и служить животворнымъ ея началомъ (*Lactant. De Fals. Relig. 1, 5. Cyrill. с. Julian. 1, p. 30*). Значить, свое Божество Филолай еще не отдѣлялъ отъ души міра: это отдѣленіе сдѣлано въ первый разъ Платономъ. Такъ какъ Богъ, по ученію Филолая, есть источникъ и начало всякаго рожденія вещей, то Сиріанъ (ad *Metaphys. XIII, p. 102 A. B*) полагаетъ, что Богомъ постановлены предѣльность и безпредѣльность. Поэтому Проклъ (*Theol. Plat. III, 7, p. 137*) θεὸν называетъ πέρας καὶ ἀπειρίας ὑποστάτην (сравни. *Boeckh. Philol. p. 53 sqq. Brandis. Histor. Philos. 1, p. 483*).

Таковы, по Филолаю, начала міра, и въ представленіи этихъ началъ отъ Филолая недалеко, кажется, отступилъ и Платонъ: надобно однакожь помнить, что первый относилъ ихъ только къ происхожденію міра, а послѣдній указывалъ имъ точку приложенія вездѣ—и въ природѣ вещей и въ человѣческой жизни. Въ безпредѣльномъ Платонъ видитъ непрестанную смѣну количества и качества (р. 25 С) и не замѣчаетъ никакой опредѣленной формы бытія. А это очень сходно съ мнѣніемъ Филолая о матеріи. Потомъ, предѣлъ, или τὸ πέρας, по Платону, есть ὁποῖα παύει πρὸς ἄλληλα τὰναντία διαφόρως ἔχοντα; а это тоже не отличается отъ пифагорейскаго, особенно когда и Платонъ не думалъ при этомъ о чистой формѣ, но представлялъ ее какъ нѣчто третье, τὸ συμμεγμένον, или μικτὴν καὶ γεγενημένην οὐσίαν (р. 26 А). Разница только въ томъ, что Филолай здѣсь видитъ одно начало, а Платонъ въ одномъ различаетъ два, то есть, περαι-

υου, или силу ограничивающую, и самое дѣйствіе ограниченія—μικτήν οὐσίαν. Наконецъ, надъ этими началами у Платона поставляется еще причина, τὸ αἴτιον, что конечно соотвѣтствуетъ первой Филолаевой единицѣ. Но отнюдь нельзя думать, будто Платонъ, подобно Филолаю, разумѣлъ здѣсь только Бога: напротивъ, въ этомъ пунктѣ ученія онъ далеко отступилъ отъ Филолая, и потому, вмѣсто Филолаева τοῦ ἐνός, не безъ особеннаго намѣренія поставилъ τὸ αἴτιον, понимая подъ этимъ словомъ какъ бы причину раждательную, отъ которой должно производить природу и совершенство всякой вещи родившейся. Стало быть, свое τὸ αἴτιον Платонъ принималъ въ смыслѣ болѣе обширномъ, то есть разумѣлъ подъ нимъ и идею добра, какъ бы опредѣлительницу совершенства всякой вещи, и причастный этой идеѣ человѣческій умъ, какъ бы проистекшій изъ ума божественнаго, и даже самый божественный умъ, какъ источникъ человѣческаго ума и идеи добра. Поэтому, примѣнительно къ различію вещей, о которыхъ идетъ рѣчь, τὸ αἴτιον у Платона является въ различныхъ смыслахъ, и понимается либо какъ τὸ ποιοῦν и τὸ δημιουργοῦν, либо какъ ἡ τῆς міξεως καὶ γυεύσεως αἰτία (р. 27 А. В. С). Гдѣ идетъ рѣчь о цѣлости всего существующаго, тамъ τὸ αἴτιον, безъ сомнѣнія, есть Богъ, или совершеннѣйшій Умъ (см. Tim. р. 27 D, р. 28 С. Legg. X, р. 904. Phileb. р. 28 С. D); а гдѣ говорится о другихъ вещахъ, тамъ это слово не вдругъ слѣдуетъ относить къ Богу, но довольно разумѣть подъ нимъ идею добра или умъ человѣческій, который, какъ происшедшій отъ Бога и потому облеченный нѣкоторою властію устроить порядокъ въ человѣческой жизни, можетъ быть почитаемъ также причиною ея усовершенствованія.

Разрѣшивъ вопросъ о высшихъ началахъ вещей (р. 27 C sqq.), Сократъ далѣе говорить: перенесемъ это къ настоящему изслѣдованію цѣнности удовольствій и разумности. Мы уже видѣли, что счастливая жизнь должна быть смѣшана изъ обоихъ этихъ благъ: но какъ смѣшать ихъ? въ

какой пропорціи?—Чтобы рѣшить это, надобно удовольствіе и разумность разсмотрѣть отдѣльно,—первое и послѣднюю подъ своимъ родомъ: тогда видно будетъ, какое мѣсто и значеніе, по достоинству своихъ родовъ, должны занимать они въ жизненной нашей смѣси. Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ Сократъ, что удовольствіе и скорбь надобно отнести къ безпредѣльному; потому что эти чувствованія не имѣютъ ни формы ни предѣла,—ничѣмъ не ограничиваются. Но разумность, знаніе, умъ слѣдуетъ, кажется, почитать чѣмъ-то превосходнѣе удовольствій; потому что умъ есть правитель неба и земли, если только мы правильно мыслимъ, что міръ управляется не произволомъ случая, а умомъ и мудростію. Когда же такъ, то понятно, что должно думать и объ умѣ человѣческомъ. Душа наша, безъ сомнѣнія, какъ бы вылилась или почерпнута изъ ума всемірнаго, хотя тѣ роды безпредѣльнаго, предѣльнаго, смѣшаннаго и причины далеко превосходнѣе того, что произведено ими въ мірѣ (pp. 27 C—30 C). Но разумность не можетъ быть безъ души; слѣдовательно, по силѣ причины и дѣйствія, въ Зевсовой природѣ есть царская душа, а въ другихъ—другое прекрасное. Отсюда же, очевидно, слѣдуетъ, что умъ и разумность близки къ роду причины (p. 30 D. E). И такъ, мы нашли, заключаетъ Сократъ, о чемъ спрашивалось: теперь видно, къ какому роду относится разумность, и къ какому—удовольствіе (p. 31 A. B). Что разумность относится къ роду причины, или что человѣческій умъ есть искра Божества,—это положеніе Ксенофонтъ приписывалъ прямо Сократу (Метог. I, 4, 8): но еще прежде Сократа защищали его Гераклитъ и Пивагоръ. Послѣдній, по свидѣтельству Діогена Лаэртія (VIII, 28), училъ такъ: εἶναι τὴν ψυχὴν ἀπόσπασμα αἰθέρος (т. е. міровой души),—ἀθάνατον τε εἶναι αὐτὴν, ἐπειδήπερ καὶ τὸ ἀφ' οὗ ἀπέσπασται ἀθάνατόν ἐστιν. Почти то же говорилъ и Гераклитъ (см. *Sext. Emp. Adv. math.* VII, 124 sqq.).

Признавъ, что разумность содержится въ родѣ причины,

а удовольствіе—въ родѣ безпредѣльнаго, Сократъ, по видимому, могъ бы теперь, чрезъ подведеніе этихъ родовъ подъ первую посылку силлогизма, или подъ идею высшаго блага, придти къ заключенію, что, въ ряду человѣческихъ благъ, разумности слѣдуетъ занимать второе, а удовольствію—третье мѣсто. Но онъ еще прежде догадывался (р. 22 E sqq.), что даже и третьяго мѣста удовольствіе не получить, и теперь свою догадку намѣревается оправдать самымъ изслѣдованіемъ, или анализомъ видовъ удовольствія. По роду, удовольствіе, какъ сказано, заключается въ объемѣ безпредѣльнаго, а по рожденію, или по частнымъ своимъ формамъ, оно содержится въ родѣ смѣшанномъ, который, послѣ безпредѣльнаго и предѣла, стоитъ на третьей или общей степени—ἐπι τῷ κοινῷ, и въ которомъ удовольствіе смѣшивается съ скорбію,—слѣдовательно, не заслуживаетъ имени блага, или, по крайней мѣрѣ, поставяетъ на видъ необходимость различенія формъ удовольствія, чтобы видно было, которыя изъ нихъ стоютъ предъизбранія и сближенія съ высшимъ благомъ человѣческой жизни. И такъ, въ этомъ отдѣлѣ Сократъ разсматриваетъ формы удовольствія и весьма характеристично отмѣчаетъ особенности каждой изъ нихъ. Здѣсь говорится, что есть удовольствія тѣлесныя и душевныя, чистыя и нечистыя, истинныя и ложныя, хорошія и худыя,—и вообще достоинство удовольствій взвѣшивается обстоятельно. Трудно сказать опредѣленно, имѣлъ ли въ виду Платонъ при этомъ мнѣнія современныхъ ему философовъ; но кажется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ намекаетъ на ученіе то Антисеена, то Аристиппа. Прежде всего изслѣдывается у него причина и происхожденіе удовольствія и скорби: то есть, гармонія, возможная въ смѣшанномъ родѣ причины, бывъ возмущена въ природѣ животнаго, выражается скорбію, а по возстановленіи въ прежнее состояніе, отзывается удовольствіемъ. Это объясняется чувствомъ голода, жажды и другими ощущеніями (см. р. 31 D—32 B). Точно такъ это ученіе излагается и въ Государствѣ (IX, р.

581 E sqq. 585 A) и въ Тимей (р. 64 sqq.), хотя въ послѣднемъ мѣстѣ предметъ разсматривается больше φυσιολογικῶς. Подобное ученіе встрѣчаемъ и у стоиковъ, о которомъ см. *Cicer. Tuscul. III, 25*. Но это описаніе относится особенно къ впечатлѣніямъ тѣлеснымъ; посему съ стр. 32 С—Сократъ начинаетъ разсматривать удовольствія и скорби собственно душевныя, прояснивъ же отдѣльно природу тѣхъ и другихъ, представляетъ легко разрѣшимымъ вопросъ: всѣхъ ли удовольствій нужно желать, или нѣтъ?

Философъ сперва изслѣдываетъ состояніе животныхъ, прежде чѣмъ чувствуютъ они удовольствіе или скорбь. Это безразличіе чувствованія, по его мнѣнію, весьма важно для правильнаго сужденія объ удовольствіи и скорби. Извѣстно, говоритъ онъ, что жизнь, посвященную мудрости, почитая счастливѣйшею, люди старались жить такъ, чтобы и не радоваться и не скорбѣть: эта жизнь должна быть почитаема истинно божественною, такъ какъ богамъ несвойственны ни радость ни печаль. Отсюда можно бы уже заключить, что разумности въ ряду жизней надобно дать если не первое, то второе мѣсто. Но обратимся ко второму роду удовольствій,—къ тому, который находится въ душѣ. Онъ получаетъ свое начало особенно отъ памяти, что легко усмотрѣть, если будетъ показано, что такое *память* (μνήμη) и *ощущеніе* (αἰσθησις). Тѣлесныя впечатлѣнія бываютъ двоякаго рода: одни возникаютъ и гаснутъ еще въ тѣлѣ, не перешедши въ душу; а другія ощущаются и тѣломъ и душою и возбуждаютъ движеніе, или общее обѣимъ сторонамъ чело-вѣческой жизни, или свойственное одной изъ нихъ. И такъ, если душа не трогается ими, ей приписывается ἀναίσθησία, а когда затрогивается—αἰσθησις, или ощущеніе. Сохраненіе такого ощущенія называется памятью. Отъ памяти отличается *воспоминаніе* (ἀνάμνησις), бывающее тогда, когда душа, чувствовавшая нѣчто обще съ тѣломъ, возстановляетъ это чувствованіе сама по себѣ. Такъ разсуждаетъ Сократъ о способностяхъ души, какъ необходимыхъ условіяхъ для ощу-

щенія удовольствія. Съ этимъ его ученіемъ не бесполезно сравнить, что говорится въ Тимей (р. 42 А sqq.; 43 В—Е; 61 А sqq.), гдѣ подробно показаны начало и причины τῆς αἰσθητικῆς. Стоитъ также снести съ этимъ, что объ ощущеніи и памяти высказываетъ Плотинъ (Ennead. L. IV, р. 836. Т. II, ed. Creuzer). Но, чтобы еще яснѣе было значеніе удовольствія, Сократъ считаетъ нужнымъ уразумѣть также природу *пожеланія*. Пожеланіе, по его мнѣнію, имѣетъ свою почву не въ тѣлѣ, а въ душѣ, и проявляется тогда, когда мы, ощутивъ нѣкоторую пустоту, желаемъ восполнить ее. А это бываетъ такъ, что при помощи памяти мы какъ бы касаемся того, что можетъ произвести восполненіе, и вспоминаемъ о самомъ восполненіи. Этотъ предметъ разсматривается и въ Тимей (р. 42 А. sqq.), причемъ показывается разнообразная связь удовольствія съ пожеланіемъ. А Стобей (Eclogg. Ethic. р. 132) и Ямблихъ (De vit. Pythag. § 205) говорятъ, какъ учили объ этомъ пифагорейцы. Но удовольствія, продолжаетъ Сократъ, если они условливаются памятью и сопровождаются пожеланіемъ, бываютъ *не чисты*, потому что происходятъ отъ непріятнаго чувства пустоты и отъ пріятнаго воспоминанія о прошедшемъ состояніи,—каковой мысли Платонъ касается и въ Горгіасѣ (р. 496 А—497 А), полагая, что пожеланіе всегда соединяется съ нѣкоторою тягостію. Доказывается же это положеніе чрезъ разсмотрѣніе различныхъ впечатлѣній, свойственныхъ тѣмъ, съ которыми это случается. Во первыхъ, можетъ случиться, что мы будемъ находиться въ такомъ состояніи, которое есть среднее между опустѣніемъ и восполненіемъ. А когда бываетъ такъ, мы въ одно и то же время чувствуемъ и удовольствіе и скорбь: ибо, мучимые какимъ-то непріятнымъ чувствомъ пустоты и вмѣстѣ припоминая ощущаемое нѣкогда противное этому чувству пріятное, то есть, переставъ мучиться и однакожь не восполняясь, мы хотя и радуемся, поколику ожидаемъ восполненія, но тутъ же и скорбимъ, поколику чувствуемъ тягость пустоты. Иногда можно нахо-

даться и подъ сугубымъ впечатлѣніемъ, когда въ будущемъ восполненіи мы вовсе отчаяваемся, а прежде ощущаемое пріятное помнимъ: тогда и тѣло мучится, и душа печальна. Изъ этого видно, что такія удовольствія не чисты, а смѣшанны, и всегда соединены съ нѣкоторымъ чувствомъ скорби (р. 34 С—36 В). Но если удовольствія часто бываютъ не чисты, то многія изъ нихъ естественно должны быть *ложны*. Ложными удовольствіями и скорби называются тогда, когда мы радуемся или скорбимъ, не имѣя основанія ни для того ни для другаго, и это случается отъ ложныхъ мнѣній, вызывающихъ радость или печаль; мнѣнія же происходятъ отъ ощущенія и памяти. Для пріобрѣтенія мнѣній прежде всего требуются чувственные впечатлѣнія, по принятіи которыхъ они тотчасъ составляются. Съ чувственными впечатлѣніями стоитъ въ связи память, и вписываетъ въ наши души рѣчи и сужденія. Если вписываніе бываетъ вѣрно, то рождается истинное мнѣніе и истинная рѣчь; а когда нѣтъ,—произойдутъ ложныя мнѣнія и ложныя сужденія. Къ этому присоединяется и другая способность души—*фантазія*, вносящая въ душу образы представленій и сужденій, которыя тоже могутъ быть иногда истинны, иногда ложны. Эти образы, выражая не только прошедшее и настоящее, но и будущее, вселяютъ въ насъ надежду, съ которою мы проводимъ всю жизнь. Но какъ мнѣнія, такъ и надежды наши часто бываютъ ложны; и отсюда опять происходятъ и ложныя радости, ложныя удовольствія. Пусть мы и въ самомъ дѣлѣ исполнялись бы чувствомъ радости; но какъ скоро мнѣнія наши ложны, надежды безразсудны,—радость пустая, бессодержательная необходимо должна сопровождаться и удовольствіемъ пустымъ, суетнымъ. О всемъ этомъ Сократъ разсуждаетъ до стр. 41 А, и напоминаетъ прекрасное мѣсто Теэтета (р. 187 В sqq.), гдѣ говорится о томъ же предметѣ, также мысли въ Менонѣ (р. 97 А, В), Симпосіонѣ (р. 200 А), Государствѣ (VI, р. 506 С sqq.) и Тимей (р. 37 В sqq.); и во всѣхъ этихъ мѣстахъ Платонъ

вѣренъ самому себѣ. Но будемъ слѣдовать за ученіемъ Сократа о ложныхъ удовольствіяхъ. Ложныя удовольствія, говоритъ Сократъ, происходятъ не изъ однихъ ложныхъ мнѣній; можно указать и на другой источникъ ихъ. Когда предметъ пожеланій бываетъ впечатлѣнія, противныя тѣмъ, которыми движется самое тѣло, тогда въ одномъ и томъ же человѣкѣ, въ одно и то же время, сходятся удовольствіе и неудовольствіе. Притомъ, какъ то, такъ и другое по природѣ безпредѣльно, поколику принимаетъ въ себя *больше* и *меньше*. Какимъ же образомъ стали бы мы опредѣлять величину того и другаго? Вѣдь въ такомъ случаѣ одни изъ удовольствій и скорбей могутъ показаться больше или меньше, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ; а потому иныя будутъ ложны (р. 41 В—42 С). Есть и третіе начало ложныхъ удовольствій. Если наше тѣло не движется ни въ ту, ни въ другую сторону—ни восполняется опустѣвши, ни опустѣваетъ восполнившись: то въ немъ не должно быть ни удовольствія, ни скорби. Хотя мудрецы и правильно говорятъ, что тѣло наше непрестанно получаетъ впечатлѣнія, однакожь животныя не чувствуютъ всего, что съ ними бываетъ. Въ насъ не проявляется сознанія возрастанія и состарѣванія. Посему мы обыкновенно чувствуемъ только большія перемѣны, и при этомъ получаемъ или удовольствіе, или неудовольствіе; а умѣренныхъ и малыхъ не чувствуемъ. Отсюда происходятъ три состоянія, въ которыхъ можно находиться: мы или чувствуемъ удовольствіе, или скорбимъ, или не ощущаемъ ничего, ни пріятнаго ни непріятнаго; и однакожь есть люди, которые одно отсутствіе скорби почитаютъ высшимъ удовольствіемъ,—слѣдовательно, вовсе уничтожаютъ удовольствіе, если не признаютъ его въ себѣ. А отсюда проистекаетъ новый родъ ложнаго удовольствія (р. 42 С—43 D). Этотъ родъ разсматривается такъ, что вмѣстѣ опровергается мнѣніе философовъ, разумѣвшихъ подъ удовольствіемъ предѣлъ скорби. Такими философами, какъ извѣстно, были Антисѣенъ и его послѣдователи; и имъ-то

Платонъ (р. 41 С. D) приписываетъ *δυσχέρειαν τινα φύσεως οὐκ ἀγευυοῦς*. Природа удовольствія, продолжаетъ Сократъ, особенно очевидно становится при взглядѣ на удовольствія сильнѣйшія. Въ комъ они замѣчаются, въ здоровыхъ или больныхъ,—рѣшишь тотчасъ. Удовольствіе бываетъ тѣмъ выше и сильнѣе, чѣмъ настойчивѣе было предшествующее пожеланіе. Напримѣръ, больные горячкою, или другими подобными болѣзнями, больше жаждутъ, чѣмъ другіе—здоровые. Изъ этого открывается, что сильнѣйшія удовольствія проявляются при какомъ нибудь поврежденіи души и тѣла; такъ что почитать ихъ чѣмъ-то хорошимъ никакъ нельзя. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ надобно разсмотрѣть, чтобы понять, какъ, при всей ихъ силѣ, примѣшиваются къ нимъ скорби. Смѣшанныя удовольствія, о которыхъ теперь говорится, могутъ быть разсматриваемы въ трехъ отношеніяхъ, поколику онѣ возникаютъ или въ душѣ, или въ тѣлѣ, или тамъ и тутъ. Въ тѣлѣ являются они, когда, озябнувъ, мы согрѣваемся, или, страдая чесоткою, чешемся, и т. п.; а это конечно не свободно отъ скорби. Въ душѣ и тѣлѣ бываютъ они, когда, какъ сказано, опустѣвшіе, мы ожидаемъ восполненія. А въ одной душѣ чувствуются они, когда мы движемся гнѣвомъ, ненавистью, ревностью и другими страстями. Все это—выраженія горести; а потому, сколь ни велико было бы соединенное съ такими чувствованіями удовольствіе, они никогда не бываютъ свободны отъ скорби. Тоже и трагическое представленіе возбуждаетъ пріятныя и вмѣстѣ непріятныя ощущенія; не иное дѣйствіе производитъ на душу и комедія. Да и цѣлая жизнь человѣка есть смѣсь пріятнаго съ непріятнымъ (р. 43 D—50 D). Такимъ образомъ, къ удовольствіямъ обыкновенно примѣшиваются скорби: слѣдовательно, они не чисты. Но нѣтъ ли также и удовольствій *чистыхъ*?—Для рѣшенія сего вопроса, говоритъ Сократъ, я долженъ прежнее свое мнѣніе подвергнуть новому пересмотру. Не вѣрю тѣмъ, по понятію которыхъ удовольствіе состоитъ въ прекращеніи скорби, а

только пользуюсь ихъ свидѣтельствомъ, что есть удовольствія мнимыя. Уступаетъ, то есть, Платонъ, что философы, поставлявшіе удовольствіе въ отсутствіи скорби, тоже имѣли въ виду нѣчто справедливое, ибо мыслили объ удовольствіяхъ ложныхъ и смѣшанныхъ: но они не знали, что бываютъ также удовольствія чистыя, не отрицательныя, а положительныя, и теперь онъ указываетъ источникъ ихъ. Одинъ родъ такихъ удовольствій относится, говорить, къ вещамъ, подлежащимъ чувствамъ, а другой—къ занятію искусствами и науками. Истинныя удовольствія почерпаются отъ цвѣтовъ и формъ, отъ большей части пріятныхъ запаховъ, звуковъ, и отъ другихъ подобныхъ вещей, которыя, не возбуждая тягостнаго чувства опустѣнія, тѣмъ не менѣ производятъ нравящееся восполненіе. Сюда должны мы отнести не тѣ звуки, цвѣта, формы, запахи, которые щекочутъ наши чувства и наводятъ на что нибудь другое, а тѣ, которые просты, постоянны и доставляютъ душѣ какъ бы извѣстную пажить знанія. Отъ этихъ, какъ показано въ Симпосіонѣ (р. 210 B sq.), весьма легко восходить къ идеямъ. Удовольствія, получаемыя отъ занятія искусствами и науками, бываютъ чисты тогда, когда къ занятію ими не присоединяется никакая непріятная жажда учиться (р. 50 E—52 B), когда, то есть, наука не приковывается ни къ какой частной цѣли и не ограничивается тѣсными предѣлами, примѣняясь къ насущнымъ потребностямъ жизни, но отъ частнаго восходитъ къ общему, отъ измѣняющагося—къ постоянному, отъ временнаго—къ вѣчному. А какъ это бываетъ, видимъ изъ прекрасныхъ мѣстъ въ Симпосіонѣ (р. 210 B sqq.) и Государствѣ (VI, р. 485 A sqq.; VII, р. 521 D sqq.), которыя проливаютъ весьма много свѣта на это мѣсто Филеба. Мы раздѣлили удовольствія на чистыя и не чистыя, говорить далѣе Сократъ;—но теперь надобно указать и на другое различіе между ними. Одни изъ нихъ бываютъ порывистѣе, а другія тише и спокойнѣе: первымъ мы приписываемъ неумѣренность, послѣднимъ—умѣренность. При всей

однакожь измѣряемости своей, они все-таки должны быть относимы къ роду не предѣльнаго, а безпредѣльнаго; потому что самыя степени ихъ измѣняемости безпредѣльны (р. 52 С—D). Притомъ, надобно еще смотрѣть, что есть въ нихъ истиннаго. Къ истинному же относится не великость или множество, а чистота и подлинность. Посему удовольствіе тѣмъ ближе подойдетъ къ истинѣ, чѣмъ будетъ оно чище и свободнѣе отъ скорби (р. 52 Е—53 В). Наконецъ, и то нужно замѣтить, что удовольствіе не останавливается на дѣйствительно существующемъ, но находится въ непрестанномъ движеніи, какъ говорятъ и самыя друзья удовольствій. А отсюда видно, какъ надобно думать о достоинствѣ удовольствія. Въ природѣ вещей различаются *γένεσις* и *οὐσία*, или *бытное* и *сущность*. *Гένεσις* всегда бываетъ для чего другаго, и къ нему относится; а *οὐσία* существуетъ само по себѣ и не стремится ни къ чему другому. Но то, для чего рождается другое, рождающееся для другаго, надобно относить къ числу благъ; а то, что существуетъ для другаго и ни самостоятельности, ни цѣли въ себѣ самомъ не имѣетъ, не можетъ почитаться благомъ. Слѣдовательно, удовольствіе, усматриваемое всегда въ движеніи и происхожденіи, не должно быть причисляемо къ благамъ. Люди, приписывающіе все удовольствію, такъ какъ съ рожденіемъ необходимо соединяется разрушеніе, признають дѣломъ самымъ превосходнымъ и изберутъ рожденіе и разрушеніе, а не ту третью жизнь, въ которой нѣтъ ни радости ни скорби (р. 53 С—55 А). Это мѣсто Филеба находится въ ближайшемъ сродствѣ съ разсужденіями Сократа въ Горгіасѣ (р. 491 D, 497 E sqq.). Но излагаемое здѣсь ученіе Платона объ удовольствіи, какъ о бытномъ, *περὶ τῆς γενέσεως*, опровергаетъ Аристотель (*Ethic. Nicom. VII, с. 11—14, и X, 1—5*): о свойствѣ и природѣ удовольствія разсуждаетъ онъ очень остроумно, полагая, что удовольствіе въ опредѣленное время не есть *κίνησις* или *γένεσις*, но есть явленіе абсолютное, — *τὸ τῆς ἡδονῆς εἶδος ἐν ὁριστῷ χρόνῳ τέλειον*, или *τὸ ἡδεσθαι ἐν τῷ ὄντι ὅλον τι*.

Разсмотрѣвъ формы удовольствія, содержащагося подъ высшимъ родомъ безпредѣльнаго, Сократъ долженъ былъ теперь показать и формы разумности, отнесенной имъ къ роду причины. Разумность, по его мнѣнію, получаетъ свойственный себѣ обликъ въ наукахъ и искусствахъ,—и вотъ каковы его разсужденія объ этомъ предметѣ. Науки и искусства, говоритъ онъ, бываютъ двухъ родовъ. Одни относятся къ необходимымъ потребностямъ жизни и составляютъ τὸ εἶδος δημιουργικόν или χειροτεχνικόν; а другія имѣютъ въ виду образование и улучшение жизни—τροφήν καὶ παιδείαν. Изъ тѣхъ работныхъ искусствъ (Сократъ начинаетъ съ низшихъ и постепенно восходитъ къ высшимъ), одни чище, другія не столь чисты, поколику одни болѣе, другія менѣе приближаются къ знанію. Къ наилучшимъ между ними надобно отнести искусства математическія—*арифметику, геометрію, статику*, которыя суть какъ бы ἡγεμονικαί, потому что безъ нихъ прочія работныя искусства имѣли бы мало твердости и управлялись бы только догадливостію и навыкомъ. Къ худшему роду искусствъ относятся *музыка, медицина, земледѣліе, кораблевозженіе, военачальствованіе*,—потому что они не заключаютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго, а основываются на одномъ соображеніи и упражненіи. Но не то слѣдуетъ сказать объ искусствахъ, пользующихся пособіемъ математики. Плотничество, напримѣръ, представляетъ больше точности и ясности, именно потому, что пользуется мѣрами, нормами, правильниками и другими орудіями, взятыми изъ области математики. Поэтому нужно различать два рода искусствъ, разсматриваемыхъ отдѣльно отъ наукъ математическихъ: одни поддерживаются помощью математики, и оттого бываютъ точнѣе и опредѣленнѣе; а другія не прибѣгаютъ къ этой помощи, и оттого водятся догадками и привычкою. Но и математическія науки опять дѣлятся на два рода: математика или останавливается на разсматриваніи предметовъ частныхъ, подлежащихъ чувствамъ, или возвышаетъ умъ къ тому, что постигается только мыслию,

и имѣеть въ виду сверхчувственныя понятія величины, количества, чиселъ и формъ. Отсюда происходитъ и двойное употребленіе математики: одно народное, другое философское. Но сколь ни точны, сколь ни близки къ истинѣ науки математическія, однакожь онѣ не могутъ сравниться съ тою превосходнѣйшею наукою (діалектикою), которая направляется единственно къ созерцанію того, что неизмѣнно, всегда постоянно и дѣйствительно существуетъ, и которая потому прочія искусства какъ бы заключаетъ въ своемъ объемѣ, поколику изслѣдуетъ причины и основанія всѣхъ вещей. И вотъ превосходства и важности такой-то науки многіе люди съ умомъ ограниченнымъ не ощущаютъ, но останавливаются на предметахъ чувствовостигаемыхъ, либо на однихъ мнѣніяхъ (р. 55 D—59 D). Это говоритъ философъ о формахъ разумности, выражаемой науками и искусствами. Не трудно замѣтить, что перечисленныя науки и искусства располагаетъ онъ на пяти степеняхъ знанія: первое и высшее мѣсто даетъ діалектикѣ или философіи, которую превозноситъ также въ Государствѣ (VII, р. 531 D sqq.) и Теэтетѣ (р. 176 C); второе—наукамъ чистой математики; третье—наукамъ математики народной (причину этого см. De Rep. VII, р. 522 C sqq., 527 A. B); четвертое—искусствамъ работнымъ, получающимъ точность отъ наукъ математическихъ, а пятое—прочимъ изъ искусствъ работныхъ, математикою не пользующимся. Кому это распределеніе показалось бы несправедливымъ, тотъ можетъ сравнить Gorg. р. 451 C sqq., Phaedr. р. 248 E sqq., De Rep. VII, р. 530 D sqq.,—и увидить, что такое философъ имѣлъ тутъ въ виду. Достоинство наукъ онъ опредѣлялъ здѣсь относительною близостію ихъ къ истинѣ; а относительная близость ихъ къ истинѣ должна была указать имъ то или другое мѣсто относительно къ высшему благу человѣка. Изслѣдованіе наукъ и искусствъ у Платона произведено въ совершенной параллели съ изслѣдованіемъ удовольствій. Содержась въ отдѣльныхъ родахъ высшихъ началъ, какъ удоволь-

ствія, такъ и науки, подъ одною формою разумности, сходятся частными своими проявленіями въ третьемъ общемъ началѣ—смѣшенія. Но смѣшанность удовольствій не такова, какъ смѣшанность наукъ и искусствъ: въ первыхъ пріятное смѣшивается съ непріятнымъ или скорбію, а въ послѣднихъ истина входитъ въ смѣсь съ мнѣніями и чувственными представленіями. Тѣ, постепенно облагораживаясь, могутъ войти въ рядъ благъ человѣческой жизни только подъ формою удовольствій чистыхъ; а эти, постепенно оставляя область мнѣній, сближаются съ идеею человѣческаго блага только подъ формою діалектическаго созерцанія неизмѣнной истины.

Такъ какъ формы удовольствій и наукъ, по свойству смѣшивающихся въ нихъ частей, различны, а между тѣмъ надобно, чтобы онѣ составляли одно смѣшеніе и, подъ видомъ одного смѣшенія, входили въ объемъ высшаго человѣческаго блага, *ὡς τὰ πᾶσι πρὸς τὸ εὖ*; то Сократъ, по разсмотрѣніи формъ удовольствія и знанія, приступаетъ теперь къ смѣшиванію ихъ между собою. Это начинаетъ онъ съ стр. 59 D. E, гдѣ какъ бы указываетъ на готовую уже матерію смѣшенія для образованія счастливой жизни, и потомъ говорить: Добро, по природѣ, какъ прежде сказано, заключаетъ въ себѣ ту особенность, что бываетъ довольно самимъ собою и не нуждается ни въ какой другой вещи, тогда какъ ни удовольствіе, ни знаніе не имѣютъ такого свойства. Если это положеніе захотимъ мы удержать и теперь,—а слѣдуетъ,—то надобно какъ бы начертать нѣкоторый образъ блага, чтобы потомъ судить, удовольствію ли, или знанію должны мы дать второе мѣсто. Какъ же начертать его?—Прежнія разсужденія приводятъ насъ къ мысли, что блага надобно искать только въ жизни смѣшанной и размѣренной. А гдѣ благо, тамъ смѣшенію естественно быть прекрасному. Слѣдовательно, смѣшеніе удовольствія и разумности должно быть прекрасное. Но хорошо ли мы сдѣлаемъ, если смѣшаемъ все удовольствіе со всею разумностію?—Это было бы не безопасно. Поступимъ же такъ: зная, что въ разумности

одно не вѣрно, другое вѣрнѣе, и изъ искусствъ одни менѣе точны и отчетливы, другія точнѣе и отчетливѣе, смѣшаемъ сперва вѣрнѣйшее въ нихъ и точнѣйшее,—и будемъ смотрѣть, достаточно ли этого для счастливой жизни. Возьмемъ сперва науку, занимающуюся тѣмъ, что не раждается и не погибаетъ, но всегда сохраняетъ свое тожество: явно, что необходимостямъ жизни она не удовлетворить. Смѣшно было бы наше состояніе, если бы мы непрестанно созерцали предметы божественные, а о вещахъ человѣческихъ не имѣли бы никакого понятія. Поэтому нужны намъ и науки математическія; да не можемъ мы обойтись и безъ другихъ, напримѣръ, безъ музыки, хотя онѣ водятся догадками и навыкомъ, и не бываютъ свободны отъ примѣси ошибокъ. Впрочемъ и представить нельзя, какой бы вредъ получили тотъ, кто зналъ бы всѣ науки и искусства,—лишь бы не чуждался онъ и тѣхъ, которыя отличаются точностью и основательностью (р. 62 D). Обратимъ теперь вниманіе и на удовольствія. И изъ нихъ прежде всего допустимъ истинныя и не заключающія въ себѣ ничего обманчиваго; потому что истинныя удовольствія весьма удобно соединяются съ разумностію. Затѣмъ посмотримъ, можно ли принять и всѣ такъ называемыя необходимыя. Для сужденія объ этомъ, надобно положить въ основаніе мысль о пользѣ и вредѣ: всѣ ли они полезны, или иныя вредятъ? Выдерживаютъ ли они въ этомъ отношеніи сравненіе съ науками и искусствами, которыя, какъ замѣчено, никогда и никому не вредны? Науки и искусства, можетъ быть, и не чуждались бы общества удовольствій; но иное дѣло—умъ и разумность: они, кромѣ удовольствій истинныхъ и тѣхъ, которыя сопровождаются здоровьемъ и воздержаніемъ и сами сопутствуютъ добродѣтели, не принимаютъ никакихъ другихъ; потому что удовольствія дурныя и безумныя съ умомъ и разумностію уживаться не могутъ. И такъ, въ общество разумности, обнаруживающейся науками и искусствами, такихъ удовольствій допускать нельзя, если хотимъ, чтобы смѣшеніе

ихъ было прекрасно. Но какимъ образомъ сдѣлать его прекраснымъ, чтобы оно подошло подъ идею высшаго блага?— Для рѣшенія этого вопроса, высшее благо должно, такъ сказать, само предпослать разумности и удовольствію гармоническое сочетаніе собственныхъ своихъ признаковъ, чтобы знанія и удовольствія соединялись по немъ какъ по образцу или программѣ, и въ такой смѣси, входя въ сферу высшаго блага, служили содержаніемъ счастливой жизни. Сократъ полагаетъ, что этотъ образецъ, или, говоря собственными его словами, «причина смѣшенія» есть *красота, соразмѣрность и истина*. И если блага нельзя схватить однимъ видомъ и заключить въ одно понятіе, то схватимъ его, говоритъ Сократъ, по крайней мѣрѣ этими тремя, и заключимъ въ эти три формы (р. 64 А—65). Эта глубокая мысль философіи Платона не одинъ разъ встрѣчается въ его сочиненіяхъ. Философъ хочетъ сказать, что идея блага внутреннимъ своимъ существомъ войти въ міръ явленій не можетъ, и умъ ея сущность постигнуть не въ состояніи. (Прекрасное мѣсто объ этомъ читается въ Государствѣ, VI, р. 505 А sqq. VII, р. 517 С sqq.). Посему, гдѣ ни случается ему прилагать эту идею къ опредѣленію нравственного достоинства человѣческой жизни, онъ отнюдь не дерзаетъ произносить ее, какъ нѣчто одно, само въ себѣ абсолютное,—но указываетъ только на признаки, подъ которыми она познается въ природѣ вещей и, примѣнительно къ предмету рѣчи, описываетъ ее различнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, De Rep. VI, р. 508 Е: «Это, доставляющее истинность познаваемому и дающее силу познающему, называй идеею блага, причиною знанія и истины». VII, р. 517 С: «На предѣлахъ вѣдѣнія идея блага едва созерцается; но, будучи предметомъ созерцанія, даетъ право умозаключить, что она во всемъ есть причина всего праваго и прекраснаго, въ видимомъ родившая свѣтъ и его господина, а въ мыслимомъ—сама госпожа, дающая истину и умъ, и что желающій быть мудрымъ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ долженъ

видѣть ее». (См. Legg. XII, p. 965 C). Посему-то и здѣсь Сократъ не представляетъ самаго ея образа, а только схватываетъ какъ бы внѣшнія ея черты, по которымъ можно было бы судить о нравственной добротѣ удовольствія и разумности и установить смѣшеніе этихъ формъ жизни. Но почему беретъ онъ три признака, и почему именно истину, соразмѣрность и красоту?—Истина, понимаемая здѣсь въ смыслѣ, какъ говорится, объективномъ, а не субъективномъ, въ представленіи блага требуется необходимо, такъ какъ безъ нея ничто не можетъ быть тѣмъ самымъ и такимъ, какимъ что либо должно быть по своей природѣ. Но чтобы предметъ получилъ истинность и былъ такимъ, какимъ долженъ быть по природѣ, то есть, соотвѣтствовалъ своей цѣли, надобно, чтобы и части его находились между собою въ гармоническомъ соотношеніи и не производили возмущенія въ цѣломъ; а это и называется соразмѣрностью. О необходимости той *μετρίου* для блага см. Politic. p. 283 D sqq. Изъ соединенія же истины и соразмѣрности естественно выходитъ красота; ибо доброе и совершенное не можетъ не быть прекраснымъ. Tim. p. 87 C: *πάν δὴ τὸ ἀγαθὸν καλόν, τὸ δὲ καλὸν οὐκ ἄμετρον*. Означенные признаки идеи блага постановлены Сократомъ и для того, чтобы по нимъ видно было, разумность ли, или удовольствіе болѣе сродно съ высшимъ благомъ челоуѣка. Сравнимъ ихъ, говорить Сократъ, относительно къ истинѣ: тотчасъ окажется, что удовольствіе въ этомъ отношеніи стоитъ далеко ниже разумности, которая или тождественна съ истиною, или, по крайней мѣрѣ, очень близка къ ней. То же выйдетъ, если будемъ примѣнять къ нимъ соразмѣрность; ибо нѣтъ ничего неумѣреннѣе удовольствія, а разумность обыкновенно украшается мѣрностію. Если же возьмемъ въ расчетъ красоту, то и тутъ преимущество остается на сторонѣ разумности; потому что никто никогда не видывалъ ее ни постыдною ни безобразною, тогда какъ удовольствія, чѣмъ сильнѣе бываютъ они, тѣмъ безобразнѣе (p. 65 A—E). Этимъ оканчи-

ваетъ Сократъ разсмотрѣніе способа, которымъ подвергнутыя анализу формы удовольствія и разумности должны быть подведены подъ высшую посылку силлогизма, чтобы потомъ каждая изъ нихъ, вошедши въ заключеніе, заняла приличное себѣ мѣсто въ ряду предполагаемыхъ благъ человѣческой жизни. Теперь предъ судомъ идеи высшаго блага, требующаго истины, соразмѣрности и красоты въ смѣшеніи благъ, стоятъ уже не просто роды удовольствія и разумности, но многоразличныя формы ихъ, заключающіяся въ тѣхъ родахъ, и ожидаютъ приговора объ относительномъ своемъ достоинствѣ и правѣ участвовать въ устроеніи счастья чело-вѣка.—Что же такое объявляетъ имъ заключеніе?

Въ заключеніи силлогизма и вмѣстѣ діалога первое мѣсто указывается τῷ περὶ μέτρον καὶ τὸ μέτριον καὶ καιρὸν καὶ πάντα, ὅποσα τοιαῦτα χρῆ νομίζειν τῇ ἀτίδῳ ἤρῃσθαι φύσιν, то есть, относящемуся къ мѣрѣ, мѣрности и благовременности,—всему, чему приписывается природа вѣчная; на второмъ мѣстѣ поставляется τὸ εὐμμετρον καὶ καλὸν καὶ τὸ τέλειον καὶ ἰκανόν, καὶ ὅποσα τῆς γενεᾶς αὐ ταύτης ἐστίν, то есть, соразмѣрное, прекрасное, совершенное, довлѣющее—и все, заключающееся въ этомъ родѣ вещей; третье мѣсто назначается τῷ νοῦ καὶ φρονήσει, или уму и разумности; четвертое затѣмъ отводится наукамъ, искусствамъ и правильнымъ мнѣніямъ; на пятое же, наконецъ, отсылаются удовольствія,—и то чистыя, безъ скорби, а прочимъ въ ряду благъ не дается никакого мѣста. Объявивъ такой приговоръ, Сократъ прибавляетъ: «Послушаемъ же, что изъ этого слѣдуетъ. Имѣя въ виду такое заключеніе, я досадовалъ не только на Филеба, но и на многихъ другихъ, почитавшихъ высшимъ благомъ удовольствіе, и думалъ, что умъ и разумность выше его. Потомъ мнѣ пришло на мысль, что есть и еще блага, и если одно изъ нихъ окажется превосходнѣе другаго, то, подвизаясь за умъ, я буду отстаивать въ его пользу противъ удовольствій и второе мѣсто. Затѣмъ открылось, что ни удовольствіе, ни разумность не могутъ удержать за собою имя

совершеннаго блага; потому что ни то ни другое не само-довольно. И мы дѣйствительно нашли нѣчто выше ихъ, и увидѣли, что съ этимъ высшимъ гораздо сроднѣе умъ, чѣмъ удовольствіе. А отсюда и вытекло, что природѣ удовольствія могло быть предоставлено наконецъ только пятое мѣсто,— и это по всей справедливости. Удержать за собою первую степень оно никакъ не можетъ, хотя бы возстали въ его пользу быки, лошади и всѣ другія животныя.» Изложивъ это, Сократъ сказалъ: такъ отпустите ли меня?—Остается еще немногое, отвѣчалъ Протархъ, и ты, вѣроятно, не уйдешь отсюда прежде насъ. Я напомяну тебѣ объ остальномъ (р. 66 А—67 С).

Эта послѣдняя часть діалога съ одной стороны имѣетъ, очевидно, важнѣйшее значеніе для правильнаго уразумѣнія и объясненія всего сочиненія, съ другой—представляетъ, по самой своей краткости, много темнаго и спорнаго. Останавливаясь на этомъ мѣстѣ, люди ученые особенно расходились въ своихъ мнѣніяхъ касательно смысла и распредѣленія благъ человѣческой жизни. Мы кратко замѣтили еще въ самомъ началѣ введенія, что въ Филевѣ идетъ рѣчь не о высочайшемъ, послѣднемъ и абсолютномъ благѣ, а скорѣе— о концѣ благъ, къ которому люди должны стремиться. Помня это, мы не придемъ къ мысли, будто Сократъ, когда перечисляетъ онъ блага, простирается за предѣлы человѣческой жизни. Если въ томъ мѣстѣ, гдѣ изслѣдованіе касается высшихъ родовъ, духъ Сократа и возносится къ созерцанію вселенной и самого Бога, то вопросъ и въ этомъ случаѣ имѣется въ виду тотъ же: что составляетъ превосходство и счастье человѣка? Какъ скоро, въ самомъ началѣ бесѣды, предложены были относительно сего предмета два мнѣнія, Сократъ тотчасъ же постановляетъ нѣкоторые признаки возможнаго для человѣка высшаго блага, и доказываетъ, что ни разумность безъ удовольствія, ни удовольствіе безъ разумности не должны быть предметомъ нашихъ стремленій, но что жизнь наша должна слагаться изъ того и другаго,

лишь бы только умъ и разумность ограничивали силу непомѣрно раздражающихся удовольствій. Когда же это было доказано, рѣчь немедленно пошла объ оцѣнкѣ спорныхъ благъ. Цѣлью такихъ изслѣдованій могло быть, конечно, не иное что, какъ обсужденіе вопроса: что надобно думать о высшемъ человѣческомъ благѣ,—если не хотимъ придти къ заключенію, что Платонъ забылъ о своемъ намѣреніи и вовсе произвольно вдался въ длинное разсмотрѣніе этого предмета. Но онъ, кажется, самъ опасался, какъ бы его читатели не пришли къ подобной мысли, и потому заставляетъ Сократа съ особенною выразительностію высказать, что онъ разсуждаетъ именно о томъ благѣ, которое въ самомъ дѣлѣ доступно человѣку. «Пусть тотъ и другой изъ насъ, говоритъ Сократъ (р. 11 D), постарается показать такое состояніе и расположеніе души, которое могло бы всѣмъ людямъ доставить жизнь счастливую». Да и въ концѣ бесѣды,—тамъ, гдѣ показывается, что надобно поставить на первомъ мѣстѣ,—ясно сказано (р. 66 A): «удовольствіе есть *приобрѣтеніе* не первое и даже не второе, но первымъ (то есть *приобрѣтеніемъ*, κτήμα) будетъ относящееся къ мѣрѣ, мѣрности и благовременности». Посему даже и то, что въ ряду благъ занимаетъ первое мѣсто, должно быть понимаемо, какъ благо для человѣка удобопріобрѣтаемое, слѣдовательно удобоосуществимое человѣческою жизнію. Это высшее благо, какъ сказано, есть τὸ περὶ μέτρον καὶ τὸ μέτριον καὶ χαίριον καὶ πάνθ' ὀπίσα τοιαῦτα χρῆ νομίζειν τῆν ἀδίον ἤρῃσθαι φύσιν. Что разумѣется подъ этимъ?—Отвѣчать не трудно. Этими словами философъ выражаетъ идею абсолютнаго блага, сколько человѣческой умъ можетъ объять ее и приложить къ благоустроенію жизни. Объ абсолютной идеѣ высшаго блага, какова она сама по себѣ, взятая отдѣльно, мыслить нельзя; потому что человѣческой умъ, согласно съ сужденіемъ самого Платона, какъ мы прежде видѣли, понять и разумѣть ее не въ состояніи. И такъ, хотя идея блага, относящаяся къ области міра умосозерцаемаго, ко-

торый объемлется только Богомъ, и идея высшаго блага, сколько она присуща людямъ, по природѣ есть одна и та же; однакожъ много значить, вполне ли и всецѣлую ли постигаетъ ее человѣческій умъ. Платонъ отрицалъ такое постиженіе; потому что видѣлъ безсиліе человѣческой разумности, далеко не имѣющей необходимыхъ условій, чтобы вмѣстить въ себѣ совершенное знаніе вещей божественныхъ. Оттого-то и философію называлъ онъ только любовью мудрости, и цѣлью человѣка поставлялъ, чтобы онъ только уподоблялся Богу, но никакъ не надѣялся сравниться съ Нимъ (Theaet. p. 176 A. B; De Rep. VI, p. 501 B. C; X, p. 613 A). Оттого-то идея блага и получила имя только идеи, что она съ одной стороны управляетъ человѣческою жизнію, а съ другой—предлежитъ созерцанію человѣческаго ума, и по этой причинѣ называется τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως κτῆμα. Такъ какъ эта идея наилучшей жизни, живущая въ душѣ и тождественная съ образомъ высшаго блага, но не вполне понимаемая умомъ, показываетъ намъ, въ чемъ состоитъ совершенство и счастье всей нашей жизни, то она одна должна быть почитаема причиною и устроительницею нашего счастья. Какъ Богъ весь этотъ міръ образовалъ по образцу идеи блага, и самъ есть источникъ, причина и вмѣстѣ образъ всякаго совершенства вещей происшедшихъ: такъ и совершенство человѣческой жизни будетъ осуществляться тогда, когда человѣкъ станетъ созерцать идею блага и съ ея законами согласовать свою дѣятельность. Дѣйствуя такъ, онъ будетъ стремиться къ предустановленной для него цѣли, то есть, уподобляться Богу. И такъ, мы, кажется, не погрѣшимъ, если положимъ, что та же самая идея, относимая къ жизни человѣка, есть вмѣстѣ и τὸ αἴτιον всякаго ея совершенства, и τὸ μέγιστον κτῆμα, какое только могло достаться въ удѣлъ смертнымъ.

Переходимъ къ другому по степени благу, которое Платонъ называетъ τὸ ζῴμετρον καὶ καλὸν καὶ τὸ τέλειον καὶ ἰκανόν καὶ πάνθ' ὁποῖα τῆς γενεᾶς αὐ ταύτης ἐστίν. По нашему мнѣ-

нiю, различiе между этимъ благомъ и предъидущимъ должно ясно представляться каждому. Прeжними выраженiями указывалось на причину и начало всякой нравственно-доброй жизни; а этими означается, безъ сомнѣнiя, то, чтò силою и могуществомъ дѣйствующей причины производится на самомъ дѣлѣ, и становится прекраснымъ, стройнымъ, совершеннымъ и довлѣющимъ. Что же это такое въ мирѣ явленiй?—Это, очевидно, есть совершенство, а слѣдовательно—и счастье человѣческой жизни, развитой по идеѣ высшаго блага, къ которой, какъ къ цѣли, стремятся всѣ, кому дорого высшее благо. Здѣсь мы имѣемъ τὸ εὐμετρεμένον, какъ выше имѣли τὸ αἰτιον; здѣсь открывается предъ нами τὰ πολλὰ, какъ выше мы видѣли τὸ ἓν. Но это τὰ πολλὰ организовано по идеѣ τοῦ ἐνός, или высшаго блага,—и составляетъ гармонiю жизни. Отсюда понятно, почему второстепенное благо называется τὸ εὐμετρον καὶ καλόν. Равно понятенъ смыслъ и слѣдующихъ за этими словъ—τὸ τέλειον καὶ ἰκανόν: это—несомнѣнные признаки жизни совершенно счастливой и для всѣхъ вождельной (р. 20 В). Штальбомъ различаетъ блага первыхъ двухъ степеней, какъ τὸ ἓν ideale и τὸ ἓν reale. Съ точки зрѣнiя германской философи послѣдняго времени, это дѣленiе обыкновенное: но оно, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и въ настоящемъ, представляется намъ неточнымъ и съ воззрѣнiемъ Платона несогласнымъ. Платонъ никогда не отличалъ, да и не слѣдуетъ отличать, идеальнаго отъ реальнаго; потому что все идеальное реально и все реальное идеально. Отнимите отъ идеи реальность,—идея сдѣлается не больше, какъ отвлеченнымъ понятiемъ. Отнимите опять отъ реальности идею,—реальное превратится въ предметъ чувственнаго воззрѣнiя, въ матерiю. Слѣдуя взгляду Платона, на отношенiе благъ первой и второй степени надобно смотрѣть какъ на отношенiе предмета умосозерцаемаго, ноумена, къ предмету, перешедшему въ миръ явленiй, феномену. И жизнь, развитая по идеѣ высшаго блага, дѣйствительно, есть не иное что, какъ перешедшая въ

явленіе идея. Формы нравственно доброй жизни—это плоть и кровь идеи: чрезъ эти формы и въ нихъ самихъ она выходитъ наружу, не переставая въ то же время жить въ самой себѣ и быть реальнымъ предметомъ умственнаго созерцанія.

Затѣмъ распредѣленіе благъ на степеняхъ третьей, четвертой и пятой не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній, и показанное нами значеніе блага на каждой степени подтверждается авторитетомъ древней критики Платонова Филеба. Такъ, мы читаемъ у Стобея (*Eclogg. Ethic. I, p. 85, ed. Heeren*): *πρώτου μὲν γὰρ τὰγαθόν τὴν ἰδέαν αὐτὴν ἀποφαίνεται, ὅπερ ἐστὶ θεῖον καὶ χωριστόν· δευτέρου δὲ τὸ ἐκ φρονήσεως καὶ ἡδονῆς συνθετόν, ὅπερ ἐνίοις δοκεῖ κατ' αὐτὸ εἶναι τέλος τῆς ἀνθρωπίνου ζωῆς· τρίτου αὐτὴν καθ' αὐτὴν τὴν φρόνησιν· τέταρτον τὸ ἐκ τῶν ἐπιστημῶν καὶ τεχνῶν συνθετόν· πέμπτον αὐτὴν καθ' αὐτὴν τὴν ἡδονήν.* Съ этимъ не бесполезно также сравнить разсужденія Плотина въ *Эннеадѣ* (I, 6. 7; VI, 7), гдѣ говорится о благѣ и различныхъ его видахъ. Но, положивъ пять степеней блага человѣческой жизни и къ пятой отнесши удовольствія только чистыя, что могъ сказать Платонъ о прочихъ удовольствіяхъ? Были критики, относившіе ихъ къ шестой степени благъ. Это въ послѣднее время утверждалъ Штейнгардтъ (*Meletematt. Plotin. p. 14*) и удивлялся, какъ другіе не замѣтили, что философъ распредѣлялъ блага не по пяти, а по шести степенямъ. Но у Платона мысль была вовсе не та. На вызовъ Протарха напомнить Сократу объ удовольствіяхъ не чистыхъ, Сократъ замолчалъ и кончилъ бесѣду, показывая своимъ молчаніемъ, что удовольствія не чистыя не заслуживаютъ имени благъ, и по тому не должны входить въ программу счастливой жизни. Да и могъ ли этотъ философъ дать имъ мѣсто между благами, не противорѣча самому себѣ? По его понятію, не чистыя удовольствія возмущаютъ гармонію совершеннаго счастья, или правильный строй нравственно-доброй жизни,—слѣдовательно, никакъ не могутъ совмѣщаться и соединяться съ прочими благами. Они не

сообразны ни съ однимъ изъ тѣхъ признаковъ, которыми опредѣляется гармоническое сочетаніе жизненныхъ формъ, подводимыхъ подъ идею высшаго блага: въ нихъ нѣтъ ни истинности, ни соразмѣрности, ни красоты, которыми условливается жизнь счастливая. Платонъ τὸ ἄπειρον удовольствій настолькоъ лишь допускалъ въ человѣческой жизни, насколько могло оно подчиняться полагаемымъ силою ума предѣламъ. И такой взглядъ на удовольствія не чистыя совершенно согласенъ съ характеромъ и направлениемъ всей философіи Платона.

Если же наше мнѣніе о значеніи Сократова молчанія на предложеніе Протарха и о причинѣ внезапнаго перерыва бесѣды, тогда какъ контекстъ требовалъ бы, по видимому, ея продолженія, должно быть признано справедливымъ; то, конечно, несправедлива будетъ догадка, будто Филебъ есть сочиненіе не конченное, или будто его окончаніе не дошло до насъ. Мы полагаемъ, что никакъ нельзя согласиться съ Астомъ, когда онъ, имѣя въ виду начало діалога, а еще больше конецъ его, утверждаетъ (*De vita et scriptis Platonis* p. 293 sq.), что Филебъ, въ ряду Платоновыхъ діалоговъ, есть только одна часть задуманнаго Платономъ большаго сочиненія, котораго другія части или не были написаны, или въ послѣдующія времена утратились,—хотя свое мнѣніе Астъ нѣсколько подкрѣпляетъ и тѣмъ, что въ одномъ мѣстѣ Филеба (p. 50 D) Сократъ говоритъ: «во всемъ этомъ я намѣренъ дать тебѣ отчетъ завтра». Мы полагаемъ, говорю, что это несправедливо; потому что изъ древности не дошло до насъ ни одного свидѣтельства, которымъ указывалось бы на какія нибудь Платоновы сочиненія, какъ на дополнительные части Филеба. А приведенныя Астомъ слова Сократа значатъ вовсе не то, чего онъ хочетъ. Сказавъ, что о нѣкоторыхъ вещахъ будетъ данъ отчетъ завтра, философъ выразилъ этимъ только свое желаніе, при такомъ обиліи предметовъ, требующихъ изслѣдованія, избѣжать околичностей, непосредственно къ дѣлу

не относящихся. И такіе обороты въ Филевѣ встрѣтишь не одинъ разъ. Сюда относятся, напр., тѣ мѣста, гдѣ представляется, будто Сократъ спѣшить и просить собесѣдниковъ, чтобы они отпустили его, если онъ выполнитъ свое обѣщаніе (см. р. 19 D. E; р. 23 B; р. 50 D).

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩИЯ:

СОКРАТЬ, ПРОТАРХЪ и ФИЛЕБЪ.

Сокр. Смотри-ка, Протархъ, что намъренъ ты теперь го-11. ворить за Филеба, и противъ какого нашего ¹ положенія хочешь спорить, если оно высказано не по твоимъ мыслямъ. В. Угодно ли, мы кратко представимъ мнѣнiя обѣихъ сторонъ?

Прот. Безъ сомнѣнiя, угодно.

Сокр. Филебъ добромъ ² для всего живущаго почитаетъ разгулъ, удовольствiе, наслажденiе и все, что согласно съ этимъ родомъ; а мы споримъ съ нимъ,—не это, говоримъ, но умствовать, мыслить, помнить и сродное съ тѣмъ, также правильное мнѣнiе и истинныя умозаключенiя,—вотъ

¹ Противъ какого нашего положенiя, πρὸς τίνα τὸν παρ' ἡμῶν (λόγον). Выраженiе: ὁ παρ' ἡμῶν λόγος должно быть отличаемо отъ выраженiя: ὁ παρ' ἡμῶν λόγος. Ὁ λόγος παρ' ἡμῶν есть мнѣнiе, повторяемое у насъ; а ὁ λόγος παρ' ἡμῶν есть такое положенiе, которое принимается и защищается нами. См. ниже р. 20 А: τὰ νῦν ἀμφισφητούμενα παρ' ἡμῶν. De Rep. IV, р. 435 А: καὶ φαερῶν γενομένην (τὴν δικαιοσύνην) βεβαιωσάμεθ' ἂν παρ' ἡμῶν αὐτοῖς.

² Здѣсь говорится, очевидно, о высочайшемъ благѣ, въ которомъ должно состоять счастье человѣка, хотя Платоново выраженiе: ἀγαθὸν εἶναι φησι τὸ χαίρειν х. т. л. и не совсѣмъ ясно указываетъ на это, потому что ἀγαθὸν стоитъ въ немъ безъ члена. Не все равно—сказать: εἶναι τὴν ἡδονὴν ἀγαθόν, и εἶναι τὴν ἡδονὴν τὸ ἀγαθόν. Aristot. Analytic. Prior. L. 1, с. 40, р. 49, ed. Bekker. Но Платонъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ опускаетъ членъ. Phaedon. р. 76 D, 77 А; De Rep. VI, р. 506 С; Hipp. М. р. 293 Е.

С. что лучше и превосходнѣе удовольствія во всемъ, что кому доступно; и приобрѣтать это, кто можетъ,—значить приобрѣтать самое полезное, какъ для нынѣшнихъ людей, такъ и для будущихъ. Не то ли, думаю, Филевъ, говорили оба мы?

Фил. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. Такъ принимаешь ли, Протархъ, положеніе, какое теперь даютъ ¹?

Прот. Необходимо принять; потому что прекрасный Филевъ у насъ отсталъ.

Сокр. Однакожь это дѣло надобно всячески довести до правды.

Д. *Прот.* Конечно, надобно.

Сокр. Давай же, кромѣ того, согласимся и въ этомъ.

Прот. Въ чемъ?

Сокр. Пусть тотъ и другой изъ насъ постарается показать такое состояніе и расположеніе души, которое могло бы всѣмъ людямъ доставить жизнь счастливую. Не такъ ли?

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Стало быть, вы покажете веселое, а мы—мыслящее?

Прот. Слѣдуетъ.

Сокр. Но чтò, если представится иное—превосходнѣе этихъ? И когда тò иное окажется сроднѣе съ удовольствіемъ, е. не будемъ ли, думаю, оба мы ниже той жизни, которая близко держится этого иного, и тогда жизнь, преданная удовольствію, не станетъ ли выше жизни мыслящей?

Прот. Да.

Сокр. А какъ скоро она будетъ сроднѣе съ разумностію,—разумность станетъ выше удовольствія, удовольствіе же—ниже? Такъ ли мы условимся въ этомъ, или какъ?

¹ Образъ выраженія здѣсь объясняется пословицею: δέχεσθαι τὰ δίδόμενα ἀνάγκη. См. Gorg. p. 499 С. Выражаетъ ее и Цицеронъ (Epist. Famil. 1, 1, 5): quod dat, accipimus.

Прот. Мнѣ-то нравится такое условіе.

Сокр. А Филебу какъ? Ты что скажешь?

Фил. Мнѣ нравится и будетъ нравиться, чтобы выше стояло непременно удовольствіе: а ты, Протархъ, самъ узнаешь.

Прот. Но, передавъ намъ вести рѣчь, ты уже не въ правѣ, Филебъ, ни соглашаться съ Сократомъ, ни противорѣчить ему.

Фил. Правда: поэтому я чистъ теперь предъ богинею и свидѣтельствуюсь ею самою. В.

Прот. Въ томъ-то и мы—твой свидѣтели: ты дѣйствительно говорилъ, что говоришь; а что далѣе будетъ слѣдовать, Сократъ, это мы постараемся довести до конца вмѣстѣ съ Филебомъ,—будетъ ли на то его воля, или какъ ему угодно.

Сокр. Надобно постараться, начавъ съ самой-таки богини, которая, говорить Филебъ, называется Афродитою, тогда какъ истинное имя ей—удовольствіе ¹.

Прот. Весьма правильно.

Сокр. Всегдашнее мое благоговѣніе, Протархъ, предъ именими боговъ—не таково, какъ предъ человѣческими, но выше величайшаго страха. Я и теперь называю ее такъ, какъ ей нравится,—Афродитою: однакожь знаю, что удовольствіе разнообразно, и, какъ сказалъ, отъ него должны мы начать свое разсужденіе и изслѣдовать, какова природа Афродиты. Служь таковъ, что она есть нѣчто просто единое, однакожь принимаетъ различные, одинъ на другой какъ-то непохожіе образы. Вѣдь вотъ мы говоримъ: чувствуетъ удовольствіе человѣкъ развратный, чувствуетъ удовольствіе D.

¹ Цѣль этого, сдѣланнаго Сократомъ, замѣчанія состоитъ въ томъ, чтобы устранить опору Филеба на авторитетъ божественный. Филебъ поставяетъ удовольствіе подъ покровительство богини Афродиты; а Сократъ какъ бы такъ говоритъ: не спиши, Филебъ, называть свою богиню Афродитою; истинное ея имя—удовольствіе; а удовольствіе стѣдить ли имени богини—это надобно еще изслѣдовать.

и разсудительный—отъ самой разсудительности; чувствуетъ удовольствіе и несмысленный, полный безумныхъ мнѣній и надеждъ, чувствуетъ удовольствіе и мыслящій—отъ самаго мышленія. И кто тѣ и другія изъ удовольствій счелъ бы какъ-то похожими одни на другія, тотъ не по справедливости ли показался бы безумнымъ?

Прот. Эти удовольствія, Сократъ, проиходятъ, конечно, отъ противныхъ вещей; но сами-то они не противны одно другому ¹. Да и какъ могло бы быть не наибодобнѣйшимъ во всемъ существующемъ—удовольствіе удовольствію, само себѣ?

Сокр. Тогда совершенно уподоблялся бы и цвѣтъ цвѣту, почтеннѣйшій: съ этой-то стороны не будетъ различія, все—цвѣтъ; а между тѣмъ всѣ мы знаемъ, что черное и бѣлое не только различны, но и противоположны. Точно также и фигура подобна фигурѣ. По роду все—одно, а части 13. бывають то совершенно противоположны, то до крайности различны. Въ такомъ же отношеніи найдемъ и многое другое. Поэтому не вѣрь тому ученію, которое всѣ противоположности приводитъ къ единству. Боюсь, какъ бы не встрѣтить намъ удовольствій, противныхъ удовольствіямъ.

Прот. Можетъ быть; но какой же отъ того будетъ вредъ для нашего разсужденія?

Сокр. Тотъ, что вещи неподобныя, скажемъ, ты называешь другимъ ² именемъ. Ты говоришь вѣдь, что все то

¹ Во всемъ этомъ мѣстѣ живо бросается въ глаза то, что Протархъ, упуская изъ виду реальныхъ видовыхъ разницы удовольствій, крѣпко держится родового, чисто формальнаго или логическаго понятія объ удовольствіи, и подъ этою отвлеченною формою старается представлять его, какъ одно. Явно, что такой односторонній образъ воззрѣнія противоположенъ другому, столь же одностороннему воззрѣнію нѣкоторыхъ софистовъ, совершенно отвергавшихъ значеніе общихъ или родовыхъ понятій и приходившихъ оттого къ нелѣпнымъ заключеніямъ.

² Называешь другимъ именемъ, *πρὸς ἄλλοῦσις ἑτέρῳ ὀνόματι*. Слово *ἑτέρῳ* здѣсь затемняетъ смыслъ и наводитъ тѣнь противорѣчія; потому что вещь,

добро, что пріятно, и никакое разсужденіе не усомнится, В. что пріятное не непріятно: но между пріятностями, какъ мы говоримъ, есть много и добраго и злаго; а у тебя всѣ онѣ называются добромъ, хотя, если бы кто захотѣлъ довести тебя своимъ изслѣдованіемъ, ты согласился бы, что онѣ не сходны между собою. Такъ что же тожественное находится и въ худыхъ удовольствіяхъ и въ добрыхъ, въ отношеніи къ чему всѣ удовольствія называешь ты добромъ?

Прот. Какъ ты говоришь, Сократъ? Неужели кто нибудь, положивъ, что удовольствіе есть добро, уступить тебѣ и приметъ твое мнѣніе, что одни удовольствія хороши, а С. другія изъ нихъ нехороши?

Сокр. Но вѣдь ты называешь ихъ взаимно неподобными, а нѣкоторыя и противными?

Прот. Только не какъ удовольствія.

Сокр. Мы опять возвращаемся къ прежнему, Протархъ. Стало быть, удовольствіе не отличается отъ удовольствія, но всѣ они, скажемъ, подобны, и высказанные теперь примѣры не портятъ нашей рѣчи; мы будемъ дѣлать новыя усилія и говорить, какъ люди самые плохіе и въ собесѣ- D. дованіи новички.

Прот. Что же это говоришь ты?

Сокр. То, что если, подражая тебѣ и защищаясь, я осмѣлюсь утверждать, что самое неподобное самому неподобному изъ всего—подобно, то буду утверждать одно съ то-

неподобную другой вещи, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ называть ἐτέρον ὀνόματι, между тѣмъ какъ Сократъ укоряетъ за это Протарха. Поэтому Grou предъ проσαγορευεῖς поставляетъ οὐ—частицу отрицательную; Гейндорфъ (Specim. Crit. p. 20), вмѣсто ἐτέρον, совѣтуетъ писать ἐνὶ γέ τῳ, т. е. однимъ какимъ нибудь именемъ; другіе стараются поправить дѣло иначе. Но мнѣ кажется, тутъ нѣтъ никакой надобности въ поправкѣ. Сократъ говоритъ такъ: «это различіе удовольствій повредитъ нашему разсужденію тѣмъ, что явленія, взаимно непохожія и противныя, ты называешь инымъ именемъ, чѣмъ какимъ слѣдовало, чѣмъ какое соотвѣтствуетъ несходству ихъ; потому что всѣмъ имъ даешь общее имя благъ. Такъ какъ изъ удовольствій одни хороши, а другія нехороши, то явно, что всѣ ихъ нельзя назвать добрыми: потому что это прямо противорѣчитъ логическому мышленію».

бою, и мы окажемся моложе, чѣмъ слѣдуетъ, а рѣчь наша сорвется ¹ у насъ и убѣжить. Поэтому пригонимъ ее снова, и, возвративъ на прежній путь, авось какънибудь сойдемся другъ съ другомъ.

Е. *Прот.* Скажи, какъ?

Сокр. Представь, Протархъ, что ты опять спросилъ меня.

Прот. О чемъ?

Сокр. Мышленіе, знаніе, умъ и все, что сначала я полагалъ какъ добро, когда ты спрашивалъ меня о добрѣ, не потерпятъ ли того же самаго, что потерпѣло твое слово?

Прот. Какъ это?

Сокр. Знанія, взятая вмѣстѣ, покажутся многими, и нѣкоторыя изъ нихъ—взаимно неподобными. Но если бы иныя 14. представились и противными,—стоилъ ли бы я того, чтобы теперь разговаривать, когда бы, испугавшись, сталъ утверждать, что нѣтъ никакого знанія, неподобнаго другому знанію? Вѣдь тогда наше сужденіе исчезло бы отъ насъ, какъ сказка ², и мы нашли бы свое спасеніе въ какой-то несмысленности.

Прот. Но этого не должно быть; не надо такого спасенія. Мнѣ нравится равенство твоего и моего положенія: пусть

¹ Сорвется у насъ и убѣжить, ἐκπεσὼν οὐχίσηται,—выраженіе метафорическое, взятое отъ кораблей, когда они во время бури срываются съ якоря или причала и ударяются о берегъ, либо о подводный камень. Legg. IX, p. 866 C: ἀν μὲν κατὰ θάλατταν ἐκπίπτῃ πρὸς τὴν χῶραν. Thucyd. II, 92: ἐξέπεσον ἐς τὸν Ναυαχτιῶν λιμένα. Отсюда стоящій далѣе глаголъ ἀναχρούεσθαι значитъ—возвращать судно назадъ посредствомъ гребли. Valken, ad Herodot. VIII, 84. Векск. ad Aristoph. Avv. p. 67.

² Сужденіе исчезло бы, какъ сказка. Выраженіе ὁ μῦθος οὐχίσηται, ὁ μῦθος ἀπέλετο, и противное—ὁ μῦθος ἐσώθη, имѣло у грековъ силу пословицы. Происхожденіе этой фразы показываетъ Photius, p. 279. I: μῦθος ἐσώθη—ἐπιρρήμα ἐστὶ λεγόμενον ἐπ' ἐσχάτῳ τοῖς λεγομένοις μύθοις τοῖς παιδίοις. Въ этомъ смыслѣ весьма ктати употребилъ ее Платонъ De Rep. X, p. 621 D: μῦθος ἐσώθη καὶ οὐκ ἀπέλετο καὶ ἡμᾶς ἀν σώσειεν, ἀν παιδωμεθα αὐτῷ. Legg. I, p. 645 B. Эта пословица употребляется и въ томъ случаѣ, когда какой-нибудь рассказъ прерывается и не доводится до конца. Theaet. p. 164 D: καὶ οὕτω δὴ μῦθος ἀπέλετο ὁ Πρωταγόρειος καὶ ὁ σὸς ἄμα. Euthyd. p. 68 D.

будеть много неподобныхъ удовольствій и много различныхъ знаній.

Сокр. Такъ это различіе добра твоего и моего, Протархъ, мы не осмѣлимся скрывать, но покажемъ на свѣтъ, чтобы, обличенныя, они показали: добромъ слѣдуетъ ли назвать удовольствіе, или разумность, или что нибудь иное — третіе. Вѣдь теперь мы ревнуемъ, вѣроятно, не о томъ, какъ бы доставить побѣду тому, что полагаю я, или тому, что утверждаешь ты; но оба стараемся помочь положенію истиннѣйшему.

Прот. Да и надобно.

Сокр. Утвердимъ же еще больше это свое слово согласіемъ. С.

Прот. Какое слово?

Сокр. То, чрезъ которое всѣ люди, волею неволею, иногда наживаютъ себѣ много хлопотъ.

Прот. Говори яснѣе.

Сокр. То, которое теперь случайно вспало мнѣ на языкъ, но природу имѣеть удивительную: многое, видишь, есть одно, а одно—и сказать чудно—есть многое; и положи то ли, другое ли изъ этого,—легко впадешь въ недоумѣніе.

Прот. Неужели скажешь, что кто назвалъ бы меня Протархомъ, который по природѣ одинъ, тотъ нашелъ бы во мнѣ многихъ, и даже взаимно противныхъ; одного и того же призналъ бы большимъ и малымъ, тяжелымъ и легкимъ ¹, и такъ безъ числа?

Сокр. Ты, Протархъ, высказалъ все, что распространено въ народѣ чудеснаго объ одномъ и многомъ, и относительно чего, почитай, вообще принято—не касаться этого предмета, такъ какъ онъ—дѣтская забава, пища легкомыслія, и представляетъ важныя затрудненія въ собесѣдованіи. Да не е. хотять касаться и слѣдующаго: кто разобралъ своимъ словомъ члены и части какого бы то ни было человѣка и до-

¹ Эту самую мысль философъ подробнѣе раскрываетъ въ Парменидѣ (р. 129 А. В. С) и Соедствъ (р. 251 А sqq. et С).

зналъ что все это—одно, тотъ начинаетъ смѣяться надъ нимъ и обличать его, будто онъ долженъ казаться чудовищемъ, будто въ немъ одно является какъ многое и безпредѣльное, а многое—только какъ одно.

Прот. Но ты-то, Сократъ, что же иное говоришь, какъ не принятое и распространившееся въ народъ касательно того же предмета?

15. *Сокр.* Я смотрю на этотъ предметъ, сынъ мой, когда одно прилагается не къ рождающемуся и погибающему ¹, какъ мы недавно говорили. Вѣдь по направленію туда ² такое одно, сказали мы теперь, принято не порицать; а когда берутся полагать одного человѣка, одного вола, одну красоту, одно добро ³,—тогда относительно этихъ и подобныхъ единицъ великое усиліе различать производить споръ.

¹ Отвѣчая на попытку защитить удовольствіе вообще, каково бы оно ни было и отъ чего бы ни происходило, Сократъ постепенно вводитъ своего собеседника въ теорію идей, представляя ему, что при одномъ всегда необходимо имѣть въ виду многое, равно какъ при многомъ необходимо мыслить одно. Τὸ ἓν εἶναι πολλὰ, καὶ τὰ πολλὰ ἓν—есть нѣчто важное и великое, говоритъ Сократъ, если понимается не какъ дѣтская игрушка, вредящая серьезному и глубокому изслѣдованію, и прилагается не къ вещамъ, подлежащимъ чувству, а къ внутреннимъ формамъ или идеямъ вещей, которыя всегда тождественны и неизмѣнны. Это τὸ ἓν καὶ τὰ πολλὰ, созерцаемое только въ мірѣ чувственномъ, возбуждаетъ множество недоумѣній и противорѣчій; а рассматриваемое въ самомъ существѣ бытія, открываетъ вѣчный и неизсякаемый источникъ истины.

² То есть, къ міру вещей, подлсащихъ чувствамъ. Въ отношеніи къ предметамъ опыта принято не порицать, когда кто извѣстное вѣдлимое называетъ однимъ, хотя въ этомъ одномъ заключается и многое.

³ Разумѣется идея человѣка, животного, красоты, добра,—τὸ ὁ ἑστὶ ἓν, Рагмен. р. 129 В. Эти идеи, такъ какъ онѣ неизмѣнны и всегда равны самимъ себѣ, правильно изъемяются изъ ряда вещей рождающихся, и получаютъ имя τῶν ἐνδόμων. Но представлять ихъ сами въ себѣ почти невозможно; созерцаніе ихъ какъ-то необходимо прививается къ законамъ дискурсивнаго мысленія,—и разсудокъ въ одномъ начинаетъ различать многое, а отсюда происходитъ споръ. И такъ, споровъ не бываетъ тогда, когда люди водятся одними чувствами; потому что въ этомъ случаѣ нѣтъ вопроса объ истинѣ, или, лучше сказать, въ этомъ случаѣ истина у всякаго своя. Не спорятъ также люди, когда живутъ и дѣйствуютъ въ области идеи или въ мірѣ ноуменовъ; потому что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ истины, и истина эта есть общее достоиніе всѣхъ. Споръ возникаетъ только тогда, когда идея и представленіе чувства встрѣчаются въ разсудкѣ и извѣстный предметъ вносить въ сознаніе, какъ одно и многое. Это то значить ἡ πολλὰ σπουδὴ μετὰ διαρέσεως καὶ ἡ περὶ τῶν διαφορέων ἀμφισβήτησις.

Прот. Какимъ образомъ?

Сокр. Во первыхъ, должно ли принимать какія нибудь та- В. кія, дѣйствительно существующія единицы? Потомъ, какъ опять каждая единица всегда—та же самая, не принимаетъ ни рожденія, ни уничтоженія, но постоянно остается этою единицею? Затѣмъ, полагаютъ ли, что въ рождающемся и безпредѣльномъ она разсѣялась и сдѣлалась многимъ, или—видѣтъ ее всюду всю, кромѣ себя ¹,—что, кажется, всего менѣе возможно: какъ то же и одно вмѣстѣ будетъ и въ одномъ и во многомъ! Такъ вотъ такіе-то вопросы объ одномъ и С. многомъ, а не тѣ, Протархъ, бывають причинами всякихъ затрудненій, если рѣшаются нехорошо, и причинами всякаго успѣха—если хорошо.

Прот. Почему же намъ, Сократъ, не потрудиться теперь разрѣшить это прежде всего?

Сокр. И я тоже сказалъ бы.

Прот. Да и всѣ мы, почитай, соглашаемся съ тобою въ этомъ отношеніи. Развѣ, можетъ быть, не тревожить теперь вопросами только спокойно улегшагося могучаго Филеба ²?

Сокр. Пусть такъ. Съ чего же начать бы намъ свою много- D. стороннюю и, по недоумѣніямъ, разнообразную борьбу? Не съ этого ли?

¹ Видѣтъ ее всюду всю кромѣ себя. Третій образъ предполагаемаго существованія идеи Сократъ представляетъ такъ, что идея, можетъ быть, выступаетъ сама изъ себя и какъ бы повторяется или воспроизводится въ безчисленныхъ недѣлимыхъ, какъ впоследствии объясняли происхождение душъ per traducem. См. Parmenid. p. 130 A sqq. Но такое представленіе Сократу напередъ уже не нравится.

² Не тревожить вопросами спокойно улегшагося могучаго Филеба. Φίληβος называется здѣсь κράτιστος, конечно, потому, что онъ упорно стоялъ за достоинство удовольствій. А выраженіе—μη χεῖν εὐχεῖμενον Φίληβον, очевидно, есть приравленная къ Филебу греческая пословица: μη χεῖν καὸν εὐχεῖμενον,—и въ этомъ смыслѣ сильно затрогиваетъ защитника удовольствій, потому что она совѣтуетъ обходить грязь, чтобы не запачкаться. Свидя эту пословицу объясняетъ такъ: μη χεῖν καὸν εὐχεῖμενον ἐπὶ τῶν ἑαυτοῦ ἐξ ἀγοίας πράγματα ἐνεργόντων. А Апостолій (XII, 95) опредѣляетъ ея значеніе нѣсколько иначе: μη χεῖν καὸν εὐχεῖμενον. ἐπὶ τῶν παρακινούτων τινὰ ἐπὶ σφετέρᾳ βλάβῃ.

Прот. Съ чего?

Сокр. Мы, вѣроятно, говоримъ, что одно и многое, тождественно выражаемое словами, входитъ во все, въ каждую произносимую вещь,—входитъ всегда, и прежде и теперь. И оно какъ никогда не прекратится, такъ не началось и нынѣ; оно, мнѣ кажется, таково, что, по самому выраженію, есть какое-то бессмертное и несостарѣвающееся въ насъ свойство. Всякій только что ощутившій это юноша радуется, буд-
Е. то найденному имъ какому сокровищу мудрости, отъ удовольствія приходитъ въ восторгъ и весело направляетъ всѣ усилія либо къ тому, чтобы перебѣгать туда и сюда и все собирать въ одно, либо къ тому опять, чтобы все развивать и раздѣлять, и такимъ образомъ приводить въ за-
16. трудненіе сперва особенно самого себя, а потомъ и ближняго,—юноша ли то будетъ, старецъ, или сверстникъ,—не щадя ни отца, ни матери и никого изъ слушателей,—не щадя почти и другихъ животныхъ, не только людей; тутъ нѣтъ пощады и никакому варвару, если только нужно откуда нибудь достать истолкователя.

Прот. Но не видишь ли, Сократъ, что насъ много и что всѣ мы молоды? Неужели же не боишься, какъ бы мы вмѣстѣ съ Филебомъ не напали на тебя съобща, когда будешь бранить насъ ¹? Впрочемъ, если есть способъ, позволяющій

¹ Здѣсь съ перваго взгляда не замѣтна связь словъ Протарха съ высказанными Сократомъ мыслями о важномъ значеніи τῷ ἐνός καὶ τῷ πολλῷ въ жизни всѣхъ людей и всего существующаго. Чѣмъ въ этихъ словахъ могла быть возбуждена иронія Сократова собесѣдника, угрожающая сыну Софронискову насиліемъ? Что въ нихъ показалось Протарху бранью?—Извѣстно, что современнымъ Платону софистамъ очень много помогало въ составленіи софизмовъ это самое соединеніе τοῦ ἐνός καὶ τοῦ πολλοῦ въ одномъ и томъ же предметѣ, служившее такимъ образомъ какъ бы постоянною опорой эристыки. Объ этомъ именно Сократъ упомянулъ выше, р. 14 D, и потомъ сказалъ, что ἐν καὶ πολλὰ, какъ начало познанія, не ведетъ ни къ какому познанію основательному, пока будетъ прилагаемо къ предметамъ чувственнымъ—къ міру явленій, что хотя оно проникаетъ во все и есть какъ бы что-то въ насъ божественное, но люди молодые, ощущая его присутствіе и принимая за сокровище мудрости одни его проявленія, рады бывають имъ, какъ находкѣ, и, не изслѣдывая его природы, спѣшатъ воспользоваться только его выраженіями для цѣ-

какъ нибудь спокойно устранить изъ нашей бесѣды такія возмутительныя рѣчи и найти путь къ изслѣдованію лучше этого,—вѣдь понятно намъ, что ты говоришь,—то по-В. старайся, и мы по возможности будемъ слѣдовать за тобою; потому что настоящее разсужденіе, Сократъ, трудно ¹.

Сокр. Нельзя, дѣти ², какъ выражается въ своихъ обращеніяхъ къ вамъ Филевъ; нѣтъ и не можетъ быть пути лучше этого: я всегда люблю его, хотя онъ нерѣдко скрывался отъ меня и оставлялъ меня одного среди недоумѣній.

Прот. Какой же онъ? Скажи по крайней мѣрѣ.

Сокр. Указать его не очень трудно, а воспользоваться с. имъ до крайности тяжело. Между тѣмъ все, что когда нибудь въ области искусства было изобрѣтаемо, открывалось только этимъ путемъ. Смотри, о какомъ я говорю.

Прот. Говори.

Сокр. Этотъ божественный даръ людямъ, какъ я по крайней мѣрѣ представляю, какимъ-то Прометеемъ схваченъ у кого-то изъ боговъ вмѣстѣ съ какимъ-то свѣтлѣйшимъ огнемъ ³. И древніе, превосходящіе насъ и живущіе ближе

лей эристическихъ,—и тутъ уже не щадятъ никого и ничего. Это-то обличеніе молодости вызвало иронию Протарха. Впрочемъ, такой оборотъ рѣчи встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона. Phaedr. p. 236 C; De Rep. I, p. 327 C. Подобное мѣсто и у Горация (Serm. I, 4): Cui si concedere nolis, multa—veniat manus, auxilio quae sit mihi; nam multo plures sumus.

¹ Разсужденіе трудно, οὐ γάρ σμικρός, т. е. χαλεπός. См. Phaedon. p. 62 B; Euthydem. p. 275 D; Cratyl. p. 384 B, гдѣ слово οὐ σμικρός однозначительно съ словомъ χαλεπός. Τὸ περὶ τῶν ὀνομάτων οὐ σμικρὸν τοῦχαυεὶ ὄν μάθημα.

² Обращеніе Сократа къ слушателямъ, выражаемое звательнымъ ὦ παῖδες, Сократу нисколько не свойственно, а потому оно, какъ тутъ же говорится, есть мимическая выходка Сократа, указывающая на Филеба, который товарищей своихъ, нѣсколько моложе себя возрастомъ, привѣтствовалъ, вмѣсто ὦ νεαῖαι, словомъ ὦ παῖδες. См. ниже p. 36 D.

³ У Платона всѣ величайшіе дары жизни обыкновенно производятся отъ боговъ. Поэтому De Rep. IV, p. 411 E говоритъ онъ, что и музыка вмѣстѣ съ гимнастикой дарованы смертнымъ кѣмъ-то изъ боговъ; поэтому также въ Протагорѣ и Политикѣ, p. 274 B sqq., къ благодѣяніямъ боговъ относитъ онъ все, служащее къ поддержанію и благополучному превращенію жизни; а теперь у боговъ же открываетъ начало и діалектики, раздѣляющей и соеди-

къ богамъ ¹, передали сказаніе, что сущее, называемое всегдашнимъ, состоитъ изъ одного и многаго, и что ему D. прирождены—предѣлъ и безпредѣльность ². Поэтому мы, украшенные такими приобрѣтеніями, каждый разъ бываемъ настроены искать все одной идеи всего и полагать, что найдемъ ее, такъ какъ она тамъ есть. Понявъ же ее, мы потомъ смотримъ, нѣтъ ли въ ней одной какъ нибудь двухъ, а не то—трехъ, или какого либо другаго числа, и съ каждою единицею этихъ чиселъ ³ поступаемъ опять такимъ

нящей роды и формы вещей, и полагаетъ, что диалектика ниспослана съ неба чрезъ Прометея. Эту мысль, вслѣдъ за Платономъ, высказывали многіе: Iulianus, Orat. VI, p. 183 C, Damascius, ap. Svid. in v. Λῶρος; Numenius, ap. Euseb. Praep. Ev. XI, p. 539 A: διὸ καὶ ὁ Πλάτων τὴν σοφίαν ὑπὸ Προμηθεῶς ἔλθειν εἰς ἀνθρώπους μετὰ φανωτάτω τινὸς πρὸς ἔφη. Выраженіе: μετὰ или ἄμα φανωτάτω τινὶ πρὶ, надобно понимать, разумѣтся, въ смыслѣ метафорическомъ; потому что πῶρ φανωτάτος, похищенный Прометеемъ съ неба, есть свѣтъ ума, какъ бы воспламеняемый диалектикою. Отсюда Климентъ Алекс. (Protrept. p. 2 C): κατὰ γινωσκὲν δὲ δυνάθει ἐξ οὐρανῶν τῆν ἀληθειαν ἄμα φανωτάτῃ φρονήσει.

¹ Людми близкими къ богамъ Платонъ называетъ не тѣхъ, которые находились въ нравственно или родственно близкихъ къ нимъ отношеніяхъ, а тѣхъ, которые близки были къ нимъ по времени, и потому служили первыми и вѣрнѣйшими проводниками преданныхъ ими уставовъ. Въ предметахъ, для понятія трудныхъ или сомнительныхъ, философія Платона вообще любила обращаться къ преданіямъ, и свою самобытную идею обставлять историческими и миеологическими авторитетами,—въ той мысли, что аборигены, жившіе у самыхъ источниковъ мудрости, должныствовали быть мудрѣе поколѣній позднѣйшихъ. Эту мысль Платона хорошо высказалъ Цицеронъ (Tuscul. I, 12): antiquitas, говоритъ онъ, quo propius aberat ab ortu et divina progenie, hoc melius ea fortasse, quae erant vera, cernebat. То же Leg. II, 11. 27: iam ritus familiae patrumque servare, id est, quoniam antiquitas proxime accedit ad deos, a diis quasi traditam religionem tueri. При этомъ не безполезно имѣть въ виду слова и самого Платона въ Тимей (p. 40 D): περὶ δὲ τῶν ἄλλων δαιμόνων εἰπεῖν καὶ γινῶναι τῆν γένεσιν μείζον ἢ καθ' ἑμᾶς, πιστέον δὲ τοῖς εἰρηκόσι ἐμπροσθεν, ἐκγόνοις μὲν θεῶν οὖσι, ὡς ἔρασαν, σαφῶς δὲ πού τοὺς γε αὐτῶν προγόνους εἰδόσι.

² Предѣлъ—πέρας—есть форма недѣлимаго, или такое начало, которымъ безпредѣльное, ἀπειρον, ограничивается въ отдѣльныхъ, безформенныхъ и безконечно-многихъ его моментахъ, и чрезъ то превращается въ рядъ чиселъ или реальныхъ величинъ. Поэтому ἀπειρον есть такое начало, въ которомъ заключается многое, τὰ πολλὰ, безъ числа и безъ формъ, слѣдовательно—безъ вещей: это—безпредѣльное въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ никакой предѣльности или опредѣленности; стало быть, нѣтъ ничего, на чемъ можно было бы остановиться мыслію, какъ на недѣлимомъ.

³ И съ каждою единицею этихъ чиселъ, по гречески читается—

же образомъ, до тѣхъ поръ, пока того первоначальнаго одного не усмотримъ не только какъ одно и многое и безпредѣльное, но и какъ количественное. Идеи же безпредѣльнаго мы къ множеству не прилагаемъ, пока не пересмотримъ все ея число ¹, и это число не поставимъ между безпредѣльнымъ и единымъ. Тогда-то уже каждой единицѣ всего Е. позволяемъ мы занять мѣсто въ безпредѣльномъ. Такъ вотъ какъ боги, говорю я, предали намъ разсматривать вещи, учиться и учить другъ друга. А нынѣшніе люди мудрые одно, какъ случится, полагаютъ то скорѣе, то медленнѣе, ¹⁷. чѣмъ должно, и послѣ одного—тотчасъ безпредѣльное ²; середина же отъ нихъ убѣгаетъ. И вотъ чѣмъ во взаимномъ нашемъ собесѣдованіи различаются діалектическій и эристическій (спорный) способъ рѣчи.

Прот. Одно въ твоихъ словахъ, Сократъ, я нѣсколько понимаю, а другое нахожу нужнымъ выслушать яснѣе.

Сокр. То, что я говорю, Протархъ, въ буквахъ однакожь В. ясно: возьми это въ томъ, чему ты учился ³.

καὶ τῶν ἐν ἐκείνων ἕκαστον: фраза, очевидно, поврежденная, и филологи стараются возстановить ее различнымъ образомъ. Болѣе правдоподобнымъ кажется мнѣ исправленіе ея, дѣлаемое Штальбомомъ, который полагаетъ, что эту фразу надобно читать: καὶ τῶν ἐν ἐκείνῳ ἕκαστον.

¹ Пересматривать число идеи безпредѣльнаго—ἀριθμῶν—ἐπέεα—значитъ: давать предѣлы, опредѣлять, ограничивать отдѣльные моменты заключающагося въ безпредѣльномъ многаго чрезъ одно.

² Что говорить здѣсь Платонъ объ анализѣ идеи безпредѣльнаго чрезъ ограниченіе его содержанія предѣлами или формами, того самаго Бэконъ требуетъ вообще отъ метода аналитической, или наведенія: «res est una in inductione vera», говоритъ онъ (N. Org. 1, aphor. 14). Для изслѣдованія и находенія истины есть два пути. Одинъ отъ чувствъ и отъ частныхъ восходитъ вдуричъ къ самымъ высшимъ аксіомамъ и изъ нихъ, какъ изъ началъ неподвижно истинныхъ, выводитъ аксіомы среднія; это путь обыкновенный. Другой начинается также отъ чувствъ и частныхъ и возбуждаетъ аксіомы, но возбуждаетъ по мѣрѣ восхожденія, шагъ за шагомъ, постепенно, такъ что только подъ конецъ достигаетъ до результатовъ общихъ; это путь истинный. Послѣдній, чтобы сказать словами Платона, хотя будетъ и медленнѣе, и не такъ скоро приходитъ къ одному, за то приходитъ бременѣющій опытами и познаніями истинными: напротивъ, первый хотя и скоръ, въ заключеніяхъ своихъ поспѣшенъ, за то въ приобрѣтеніяхъ его много недосмотровъ, пустотъ и неопредѣленностей.

³ Платонъ далѣе беретъ для примѣра одинъ и тотъ же предметъ—голосъ,

Прот. Какимъ образомъ?

Сокр. Голосъ, выходящій чрезъ уста, конечно, одинъ, но по множеству, у всѣхъ и у каждаго, онъ вмѣстѣ и безпредѣленъ.

Прот. Какъ же.

Сокр. И ни почему изъ этого-то мы не бываемъ мудрыми: ни потому, что знаемъ безпредѣльность его, ни потому, что—единство. А вотъ знаніе количества и качествъ голоса дѣйствительно дѣлаеть каждаго изъ насъ грамматикомъ.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Да вѣдь то же самое дѣлаеть и музыкантомъ.

С. *Прот.* Какъ?

Сокр. Голосъ и въ этомъ искусствѣ, конечно, одинъ.

Прот. Какъ не одинъ?

Сокр. А вотъ мы полагаемъ два—тяжелый и острый, да еще третій—равнозвучный. Или какъ?

Прот. Такъ.

Сокр. Но, узнавъ это одно, ты не сдѣлался бы еще въ музыкѣ мудрецомъ, хотя и безъ этого знанія, какъ музыкантъ, просто сказать, ничего не будешь стоять.

Прот. Конечно, ничего.

Сокр. Но если, другъ мой, возьмешь ты численно количественныя и качественные разстоянія въ голосѣ остромъ и тяжеломъ, и предѣлы этихъ разстояній, и всѣ происходящія изъ нихъ соединенія, какія замѣчены и намъ, послѣдующимъ, переданы предшественниками, и назовешь это гармоніей¹; да возьмешь и другія такія же свойства, бывающія

и рассматриваетъ его съ двухъ сторонъ. Раскрывая первую его сторону, онъ показываетъ, что наука не получаетъ никакой пользы, пока имѣетъ въ виду въ немъ только безпредѣльное одно. Да бесполезно будетъ для науки и рассматриваніе другой его стороны, поколику въ немъ берется въ расчетъ только многое. Съ чего бы ни было начато изслѣдованіе предмета, переходъ отъ одного ко многому, равно какъ отъ многого къ одному, долженъ совершаться чрезъ число или опредѣленіе отдѣльныхъ вещей.

¹ Изъ интерваловъ между звуками, также изъ предѣловъ каждаго звука и отношеній его, происходятъ *состѣмата*, называвшіяся у древнихъ гармонією,

въ движеніяхъ тѣла, которыя, какъ измѣряемыя также числами, надобно называть ритмомъ и тактомъ ¹, и вмѣстѣ подумаешь, что такъ и во всемъ нужно разсматривать одно и многое: то, взявъ это такимъ образомъ ², сдѣлаешься мудрымъ, и разсматривая иное подобное тѣмъ же способомъ, окажешься въ этомъ отношеніи знающимъ. Напротивъ, без-Е. предѣльное множество всего и во всемъ каждый разъ дѣлаешь тебя въ разумѣннй неопредѣленнымъ, неразмѣреннымъ, неразсчитаннымъ, такъ какъ ты ни въ чемъ не выражаешь какого нибудь числа.

Прот. Мнѣ кажется, Филевъ, что Сократъ говоритъ это прекрасно.

Фил. И мнѣ тоже кажется. Но къ чему же теперь вы-18. сказана намъ эта мысль? съ какимъ намѣреніемъ?

Сокр. А вѣдь Филевъ правильно спросилъ насъ объ этомъ, Протархъ.

Прот. Конечно; и отвѣчай-таки ему.

Сокр. Сдѣлаю, если еще немного разберу то же самое.

то есть композиціе разныхъ звуковъ; потому что гармонія у грековъ была не просто всякое сочетаніе низкихъ и высокихъ звуковъ, какъ говорятъ Беккъ (De metris Pindari p. 203, vol. 1 edit. Part. II), но заключала въ себѣ разные роды модуляцій и мотивовъ, къ которымъ подбираемы были звуки. Отсюда происходила гармонія дорійская, фригійская, лидійская и друг. Ptolem. Harm. II, 6. Cicer. Tuscul. 1, 18: Harmoniam ex intervallis sonorum nosse possumus; quorum varia compositio etiam harmonias efficit plures.

¹ Гармонію, опредѣляемую ритмомъ и метромъ, Платонъ замѣчаетъ и въ движеніяхъ тѣла, и притомъ такъ, что эти самыя ограниченія гармоніи находятся даже какъ бы въ связи съ тѣломъ, поколику *πάθη τινὰ τῶ σώματος δι' ἀριθμῶν μετρήβεντα*. Впрочемъ ритмъ, по понятію Платона, и вообще есть *τάξις τῆς κινήσεως*. De Legg. II, p. 665 A. Притомъ нисколько не удивительно, что философъ здѣсь обращается къ тѣлу, а не къ голосу; потому что словомъ *ἀρμονία* указывается на голосъ, а словомъ *ῥυθμός*—на искусство тѣлдвиженій или пляску, хотя оба эти искусства такъ тѣсно соединены были между собою, что въ пѣннй не менѣе господствовалъ ритмъ, какъ и гармонія, а въ пляскѣ не менѣе гармонія, какъ и ритмъ. Burette, Comm. Acad. Inscript. Par. vol. 1, p. 109 sqq.; vol. V, p. 152.

² То, взявъ это такимъ образомъ, *ὅταν γὰρ ταῦτα τε λάβῃς οὕτω*: филологу не бесполезно здѣсь обратить вниманіе на необыкновенное значеніе союза *γὰρ*. Въ этомъ мѣстѣ онъ имѣетъ силу частицы объяснительной или указательной (то есть), потому что указываетъ на содержаніе протазиса.

Вѣдь какъ взявшій что нибудь одно, сказали мы, долженъ тотчасъ смотрѣть не на природу безпредѣльнаго, а на число: такъ и напротивъ,—кто принужденъ сперва взять безпредѣльное, тотъ долженъ тотчасъ обратить вниманіе не на В. одно, а опять на число, въ которомъ содержится какое нибудь множество, и потомъ уже, за всѣмъ этимъ,—на одно. Сказанное теперь возьмемъ опять въ буквахъ.

Прот. Какимъ образомъ?

Сокр. На безпредѣльность голоса обратилъ вниманіе или богъ какой нибудь, или божественный человекъ, какимъ въ Египтѣ, рассказываютъ, былъ нѣкто Теуть ¹, который первый сталъ мыслить въ безпредѣльномъ гласныя, не какъ одно, а какъ многое; потомъ опять замѣтилъ и другія, хотя С. безгласныя, однакожь производившія какой-то звукъ, и открылъ въ нихъ также нѣкоторое число; третьяго же рода буквы различилъ тѣ, которыя теперь у насъ называются безгласными. Различая послѣ сего беззвучныя (безгласныя) и безгласныя (согласныя) всѣ до одной, и отдѣляя такимъ

¹ О Теутѣ см. прим. къ Федру р. 274. Онъ, говорятъ, первый не только избрѣлъ буквы, но и различилъ ихъ по звукамъ: именно, сперва отличилъ τὰ φωνήεντα или гласныя, потомъ—τὰ ἄφωνα или безгласныя, нѣмыя, по природѣ противоположныя первымъ, и наконецъ—среднія между тѣми и другими, τὰ φωνῆς μὲν οὐ, φθόγγων δὲ μετέχοντα τινος, обыкновенно называемыя ἡμίφωνα—полугласныя. Почти такимъ же образомъ говорится о раздѣленіи буквъ и въ Кратилѣ, р. 424 С sqq.: ἄρα οὖν καὶ ἡμᾶς οὕτω δεῖ πρῶτον μὲν τὰ φωνήεντα διελέσθαι, ἔπειτα τῶν ἑτέρων κατὰ τὰ εἶδη τὰ τε ἄφωνα καὶ ἄφθογγα (нѣмыя), οὕτως γὰρ ποὺ λέγουσιν οἱ θεοὶ περὶ τούτων, καὶ αὐτὰ τὰ φωνήεντα μὲν οὐ, οὐ μέντοι γε ἄφθογγα. Причина, почему буквы, φωνῆς μὲν οὐ, φθόγγου δὲ μετέχοντα, называются μέσα, заключается въ томъ, что они, какъ τὰ ἡμίφωνα, занимаютъ средину между обоими родами, то есть, съ одной стороны не имѣютъ голоса гласныхъ буквъ и чрезъ это сродны съ безгласными, но съ другой—имѣютъ нѣкоторый звукъ, и чрезъ то сродны съ гласными. Такъ дѣлили буквы и другіе греческіе филологи—Аристотель (De arte poetica с. 20), Секстъ Эмпирикъ (Adv. Mathem. с. 5), Діонисій Галик. (De comp. verb. с. 14, р. 158, ed. Schaeff.): буквъ перваго рода, φωνήεντα, считали семь: α, ε, η, ι, ο, υ, ω; къ буквамъ втораго рода, ἄφωνα, относили β, γ, δ, κ, π, τ, φ, χ, θ (но это было мнѣніе стоиковъ, а Секстъ Эмпирикъ всѣ придыхательныя буквы причислялъ къ полугласнымъ); третій классъ буквъ, ἡμίφωνα, составляли изъ λ, μ, ν, ρ, σ, ς, ξ, ψ. Объ этомъ раздѣленіи буквъ см. Vossii, De arte grammat. 1, с. 12 sqq., который вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно объяснилъ это мѣсто Филеба.

же образомъ гласныя и среднія, пока не обнялъ всего числа ихъ, онъ каждой порознь и всѣмъ вмѣстѣ далъ имя стихій. Потомъ увидѣлъ онъ, что никто изъ насъ не можетъ уразумѣть ни одной изъ буквъ самой по себѣ, безъ всѣхъ ихъ, и размысливъ, что этотъ союзъ единиченъ и что всѣ буквы D. приводятся какъ бы къ одному, онъ ученіе о нихъ нарекъ грамматикою и наименовалъ ее однимъ искусствомъ.

Фил. Это, взятое само по себѣ, Протархъ, я понялъ еще яснѣе, чѣмъ то: но и въ настоящей рѣчи, какъ въ сказанной немного прежде, мнѣ недостаетъ того же.

Сокр. Къ чему, то есть, опять говорится это, Филевъ?

Фил. Да, объ этомъ давно уже спрашиваемъ мы—я и Протархъ.

Сокр. Но вы, какъ говоришь, давно уже спрашиваете о томъ самомъ, къ чему уже пришли.

Фил. Какъ?

E.

Сокр. Не о разумности ли и удовольствіи была у насъ сначала рѣчь,—что изъ этого слѣдуетъ предпочесть?

Фил. Какъ не объ этомъ?

Сокр. Но то и другое, говоримъ, по себѣ вѣдь одно.

Фил. Конечно.

Сокр. Такъ прежнее разсужденіе требуетъ отъ насъ того самаго, какимъ образомъ каждый изъ этихъ предметовъ есть одно и многое, и какъ въ томъ и другомъ изъ нихъ получается тотчасъ не безпредѣльное, а нѣкоторое число, прежде чѣмъ каждый сталъ безпредѣльнымъ ¹?

19.

¹ Теперь Сократъ показываетъ, къ чему клонились предшествующія его разсужденія объ одномъ и многомъ, или о безпредѣльномъ и предѣлахъ: открывается, то есть, что, для рѣшенія вопроса о высочайшемъ благѣ, мало говорить объ удовольствіи вообще, или о разумности вообще, потому что это—*ἀπαιρον*, отъ котораго не слѣдуетъ переходить прямо *πρός τὸ ἕν*—*πρός τὸ ἀγαθόν*, а надобно идти къ нему путемъ постепеннаго ограниченія моментовъ, заключающихся въ идеяхъ удовольствія и разумности. Но такъ какъ собесѣдники Сократа находятъ этотъ путь для себя труднымъ, то, уступая ихъ просьбѣ, Сократъ избираетъ другой: именно, характеризуетъ высочайшее благо существенными признаками, и потомъ смотритъ, что съ нимъ сроднѣе, удовольствіе или разумность.

Прот. На трудную же задачу навелъ насъ Сократъ, обогнувши съ нами, Филебъ, не знаю какимъ-то образомъ, какъ бы кругъ. И смотри-ка, кто изъ насъ возьмется теперь отвѣчать на его вопросъ?—Вѣдь, можетъ быть, смѣшно будетъ, если я, преемникъ бесѣды, оказавшись несостоятельнымъ, отъ невозможности найти отвѣтъ на то, о чемъ теперь спрашивается, передамъ это дѣло опять тебѣ; а и того гораздо в. смѣшнѣе, думаю, когда некоторый изъ насъ не будетъ къ тому способенъ. Смотри же, чтò слѣдуетъ дѣлать. Сократъ, кажется, спрашиваетъ насъ теперь о родахъ удовольствія, есть ли они или нѣтъ, сколько ихъ и какіе; да о томъ же самомъ опять и въ разсужденіи разумности.

Сокр. Весьма справедливо говоришь, сынъ Калліаса. Вѣдь если мы не будемъ въ состояніи сдѣлать это со всякимъ единымъ, подобнымъ себѣ и тождественнымъ, равно и съ противнымъ тому,—чтò показало намъ прошедшее разсужденіе; то никто изъ насъ никогда, ни въ какомъ отношеніи и ничего не стоитъ.

с. *Прот.* Почти походить на то, Сократъ. Но для человѣка разсудительнаго прекрасное дѣло—знать все вмѣстѣ ¹; вторая же попытка его ², кажется,—не оставаться въ невѣдѣніи о себѣ самомъ. А къ чему клонится настоящее мое слово,—скажу. Ты, Сократъ, предложилъ теперь всѣмъ намъ на разсужденіе и самъ изслѣдываешь, чтò въ человѣческихъ приобрѣтеніяхъ превосходнѣйшее. И вотъ, когда Филебъ указалъ на удовольствіе, на наслажденіе, на разгулъ и на все

¹ Для человѣка разсудительнаго прекрасное дѣло знать все вмѣстѣ, *καὸν μὲν τὸ ἐμπικτα γινώσκειν τῷ σῶφρονι*. Здѣсь надобно обратить особенное вниманіе на членъ *τὸ*; ибо онъ показываетъ, что *ἐμπικτα γινώσκειν τῷ σῶφρονι* имѣетъ силу истины самостоятельной или гномы, то есть мысли, получившей достоинство правила и перешедшей почти въ пословицу. Притомъ *ἐμπικτα γινώσκειν* есть выраженіе, характеризующее мудреца тою чертою, что всѣ его познанія должны быть въ связи и составлять одно цѣлое.

² Вторая попытка его, *δευτέρος πλοῦς*,—пословица, значеніе которой показано въ примѣч. къ Федону, р. 99 D. См. также *Politic.* р. 300 В и ниже р. 59 С.

подобное, ты сталъ противорѣчить и выставлять не это, а то, о чемъ мы сами нерѣдко съ охотой упоминаемъ,—и дѣлаемъ правильно,—чтобы находящееся въ памяти соприкосновенно испытано было порознь: ты говоришь, какъ видно, что, въ сравненіи съ удовольствіемъ, по правдѣ, лучшими благами будутъ—умъ, знаніе, разумѣніе, искусство и все сродное съ этимъ, и что это надобно пріобрѣтать, а не то. Но какъ оба эти рода благъ, при высказываніи ихъ, встрѣчены сомнѣніемъ, то мы въ шутку грозили тебѣ ¹, что не отпустимъ тебя домой, пока опредѣленіе этихъ положеній не доведено будетъ до надлежащаго конца. Ты согласился и далъ намъ себя для этой цѣли. Такъ вотъ мы и говоримъ, какъ дѣти, что правильно даннаго отнимать нельзя. Оставь же этотъ способъ относительно всего, что теперь говорится.

Сокр. Какой способъ разумѣешь ты?

Прот. Способъ поставлять насъ въ затрудненіе и спрашивать о томъ, на что въ настоящую минуту мы не можемъ ²⁰. дать тебѣ удовлетворительнаго отвѣта. Пусть мы не думаемъ, что цѣль нынѣшнихъ разсужденій—наше затрудненіе: но если не по силѣ намъ выйти изъ него самимъ, долженъ вывести насъ ты; потому что общалъ. И такъ, разсматривай это самъ,—слѣдуетъ ли различать роды удовольствія и знанія, или оставить, если ты можешь какимъ нибудь другимъ способомъ и хочешь какъ иначе распутать теперешнія наши недоумѣнія.

Сокр. Стало быть, мнѣ не должно ожидать ничего страшнаго, какъ скоро такъ говоришь ты; потому что сказанное тобою «если хочешь» избавляетъ меня отъ всякаго страха въ отношеніи къ каждому положенію ². Притомъ на этотъ

¹ Угрозы не отпускать Сократа домой впереди не было. И такъ, надобно полагать, что Протархъ указываетъ здѣсь на шутку, предшествовавшую началу разсужденія.

² Протархова уступка: «если хочешь какъ иначе распутать теперешнія недоумѣнія», тотчасъ напоминаетъ Сократу о прежней угрозѣ слушателей не

разъ, кажется, кто-то изъ боговъ привелъ мнѣ нѣчто на память.

Прот. Какъ и что?

Сокр. Давно уже, не знаю теперь, во снѣ или на яву, слышалъ я одно слово объ удовольствіи и разумности: что ни то, ни другое изъ нихъ не есть добро, но что добро есть иное—третіе, отличное отъ нихъ и лучшее, чѣмъ оба они. И вотъ, если это откроется намъ теперь ясно, то удовольствіе разстанется съ побѣдою; потому что добро тогда уже не будетъ тождественно ему. Или какъ?

Прот. Такъ.

Сокр. И тогда-то уже, по моему мнѣнію, не нужно будетъ намъ различать роды удовольствія. Впрочемъ, дальнѣйшее изслѣдованіе покажетъ это яснѣе.

Прот. Прекрасно говоришь; такъ и окончи.

Сокр. Но напередъ представляется нѣчто небольшое, въ чемъ нужно еще условиться.

Прот. А что именно?

D. *Сокр.* Жребій добра ¹ необходимо ли совершенъ, или не совершенъ?

Прот. Вѣроятно, всего совершеннѣе, Сократъ.

Сокр. Что жъ? Оно—добро довлѣющее?

Прот. Какъ же иначе! Въ этомъ отношеніи оно превосходитъ всего сущаго.

Сокр. Такъ вотъ то-то, думаю, крайне необходимо гово-

отпускать его домой. Соображая это «если хочешь», онъ говоритъ: «стало быть мнѣ не должно ожидать ничего страшнаго»,—а потому мѣстоименіе мнѣ поставляетъ съ членомъ—*τὸν ἐμέ*, указывая этимъ на себя тогдашняго, когда ему грозили. Объ употребленіи личныхъ мѣстоименій съ членомъ см. *Dionys. Thrax*, ар. *Valckenar. ad Ammon.* p. 201; *Apollon. De pronom.* p. 275; *De syntax.* 1, 28, p. 65 edit. *Sylburg.*

¹ Сократъ отъ того, что надобно почитать высочайшимъ благомъ, требуетъ трехъ условій: высочайшее благо должно быть *τέλειον*, *ἰκανόν* и *ἀρετόν*; то есть, оно должно завершать человѣческое счастье и дѣлать совершенно блаженными тѣхъ, кому достается; оно должно быть вполне удовлетворительно и не имѣть нужды въ пособіи со стороны какогонибудь другаго блага; оно должно быть предметомъ всеобщаго стремленія, предметомъ, достойнымъ любви каждаго.

рить о немъ, что все, знающее его, гоняется за нимъ и стремится къ нему, желая взять его и овладѣть имъ, и ни о чемъ больше не заботится, кромѣ того, что можетъ быть совершенно съ добромъ.

Прот. Этому противорѣчить нельзя.

Сокр. Будемъ же разсматривать и обсуживать жизнь удовольствія и разумности, принимая ту и другую отдѣльно.

Прот. Какъ ты говоришь?

Сокр. Пусть ни въ жизни удовольствія не будетъ разумности, ни въ жизни разумности не будетъ удовольствія. Вѣдь если и то и это—добро, то некоторое изъ нихъ не должно нуждаться въ другомъ: а какъ скоро одно которое нибудь окажется нуждающимся, то оно уже не будетъ у насъ существенно добромъ.

21.

Прот. Какъ быть?

Сокр. Не попробовать ли намъ испытать это въ тебѣ?

Прот. Конечно.

Сокр. Отвѣчай же.

Прот. Говори.

Сокр. Хотѣлось ли бы тебѣ, Протархъ, провести всю жизнь, наслаждаясь величайшими удовольствіями?

Прот. Почему же не такъ?

Сокр. А желалъ ли бы ты себѣ еще чего нибудь въ добавокъ, если бы имѣлъ это вполнѣ?

Прот. Ничего.

Сокр. Смотри же; о способности мышленія, о разумности, о расчетливости разсудка относительно вещей нужныхъ, и о всемъ, что съ этимъ сродно, тебѣ, можетъ быть, и во снѣ в. не привидѣлось бы ¹.

¹ Тебѣ и во снѣ не привидѣлось бы—μῶν μηδὲ ὄραϊν τι. Это, очевидно, фраза усѣченная, и потому ее ставятъ въ зависимость отъ предъидущихъ словъ: προσδεῖν σοι ἤγχοιο. Но съ этимъ выраженіемъ едва ли бы вязалось μηδὲ ὄραϊν. Посему мнѣ, вмѣстѣ съ Штальбомомъ, кажется, что надобно читать: μῶν μηδ' ὄναρ ὄραϊν τι. Это μηδὲ ὄναρ у грековъ имѣло значеніе proverbialное. Demosth. De Fals. Legat. p. 429, ed. Reisk: ἃ μηδ' ὄναρ ἤλιπον πῶποτε κτησαμένην.

Прот. Да зачѣмъ? Вѣдь, живя весело, я имѣлъ бы все.

Сокр. Но, живя такимъ образомъ, неужели наслаждался бы ты во всю жизнь величайшими удовольствіями?

Прот. Почему же не такъ?

Сокр. Не получивъ однако ни ума, ни памяти, ни знанія, ни вѣрнаго мнѣнія, ты, чуждый-то всякой разумности, необходимо, кажется, не зналъ бы прежде всего о томъ,—въ наслажденіи ли проходитъ твоя жизнь, или не въ наслажденіи?

Прот. Необходимо.

- C. *Сокр.* И такимъ же таки образомъ, не получивъ памяти, ты необходимо, кажется, не помнилъ бы, что когда-то наслаждался, равно какъ нисколько не воспринималъ бы памятью и впечатлѣній настоящаго удовольствія. Потомъ: не приобрѣта вѣрнаго мнѣнія, ты, въ минуту наслажденія, не думалъ бы, что наслаждаешься; а лишившись разсудка, тебѣ нельзя было бы умозаключать, что и въ послѣдующее время будешь наслаждаться. Но такая жизнь была бы жизнію не человѣка, а моллюска ¹, или тѣхъ морскихъ животныхъ, D. которыхъ тѣла заключены въ раковинахъ. Такъ ли это, или, вопреки этому, будемъ думать какъ иначе?

Прот. Да какъ же?

Сокр. Но подобная жизнь неужели стѣдитъ избранія?

Прот. Это разсужденіе, Сократъ, дѣлаетъ меня теперь совершенно безгласнымъ.

Сокр. Однакожь мы не должны еще ослабѣвать; разсмотримъ-ка жизнь въ соединеніи съ умомъ.

Прот. Какую жизнь разумѣешь ты?

¹ Πλεῦμων у нашихъ лексикографовъ принимается только въ значеніи легкихъ. Но этимъ словомъ означаетъ также морское полуживотное, о которомъ упоминаетъ Плиній (Н. Н. IX, 47; XVIII, 35; XXXII, 9, 10) подъ именемъ pulmo marinus. Ей не приписывалось никакого ощущенія, такъ какъ она заключена въ раковинѣ. Hesychius: λέγονται πλεῦμονες καὶ θαλάττια εἶδη ζώων ἀναίσθητα. Aristot. Hist. an. XIII, 27. Fabric. ad Sext. Emp. p. 216. Отсюда произошла пословица: πλεῦμονος βίον ζῆν (см. Casaubon. ad. Athen. III, 17. Petau. ad Synes. De Regn. p. 14); ибо πλεῦμων то же, что πλεῦμων: по различенію древн. грамматиковъ, послѣднее употребляется ἄττικῶς, а первое—ἑλληνικῶς.

Сокр. Если бы кто изъ насъ захотѣлъ опять жить, получивъ и способность мышленія, и умъ, и знаніе, и всякую память о всемъ,—а въ удовольствіи не имѣлъ участія нисколько ¹, равно какъ и въ скорби, но оставался бы нечувствительнымъ ко всему такому.

Прот. Ни та ни эта жизнь, Сократъ, не представляется мнѣ стоящею избранія; да не представится, думаю, и никому другому.

Сокр. А что, какъ-бы та и эта вмѣстѣ, Протархъ,— 22. жизнь общая, смѣшанная изъ обѣихъ?

Прот. Разумѣешь, изъ удовольствія и ума, съ способностію мышленія?

Сокр. Да, такую разумѣю я жизнь.

Прот. Эту-то избересть, вѣроятно, всякій прежде, чѣмъ которуюнибудь изъ тѣхъ; тутъ-то не выйдетъ, что одинъ избересть, а другой нѣтъ.

Сокр. Такъ понимаемъ ли мы, что вытекаетъ теперь у насъ изъ настоящихъ разсужденій?

Прот. Конечно; теперь представляются три жизни, и изъ двухъ между ними некоторая не достаточна и не можетъ быть избрана никѣмъ, ни изъ людей, ни изъ животныхъ.

Сокр. Но изъ этого-то, можетъ быть, не явно ли уже, что некоторая изъ нихъ не есть добро? Вѣдь иначе она была бы достаточна и совершенна, и служила бы предметомъ избранія для всѣхъ животныхъ и растеній, которымъ можно было бы жить такимъ образомъ всегда. А кто изъ насъ избиралъ бы другое, тотъ нехотя поступалъ бы,—либо по незнанію, либо по какойнибудь бѣдственной необходимости.

Прот. Видно, что такъ.

Сокр. Стало быть, теперь, по моему мнѣнію, довольно сказано, что Филебовой богини не должно почитать тождественною съ добромъ.

¹ Нисколько, μήτε μέγα μήτε σμικρόν. Объ этой формулѣ см. прим. къ Апол. Сокр. р. 19 D.

Фил. Да и твой умъ, Сократъ,—не добро, ибо подлежить тому же обвиненію.

Сокр. Мой-то—можетъ быть, Филевъ; потому что это-то, думаю, не истинный и вмѣстѣ не божественный ¹, а какъ бы иной. Я не домогаюсь побѣдныхъ знаковъ въ пользу ума, дѣйствующаго въ общей жизни ²; надобно смотрѣть и изслѣдовать, съ чѣмъ должны мы имѣть дѣло, поставляя его D. на второмъ мѣстѣ. Можетъ быть, ища причины этой общей жизни, одинъ изъ насъ сталъ бы причиною ея признавать умъ, другой—удовольствіе; и хотя такимъ образомъ некоторая изъ этихъ обѣихъ не была бы добро, однакожъ тѣмъ не менѣе можно предполагать либо то, либо это въ значеніи причины. Но я готовъ еще болѣе спорить съ Филебомъ относительно того, что въ этой смѣшанной жизни,—какъ ни понималъ бы ее тотъ, кому представляется она жизнію, стоящую избранія и добромъ,—сроднѣе и подобнѣе добру E. не удовольствіе, а умъ. Поэтому справедливо можно сказать, что удовольствію не принадлежитъ въ жизни ни первое, ни даже ³ второе мѣсто; да оно далеко и отъ третьяго, если теперь надобно сколько нибудь вѣрить моему смыслу.

¹ Здѣсь, очевидно, отличается умъ человѣческій отъ ума божественнаго, и полагается, что послѣдній безконечно превосходитъ перваго, такъ какъ онъ совершенъ и безусловенъ, и для обладанія высочайшимъ блаженствомъ не желаетъ ничего внѣ себя. Эту мысль имѣлъ въ виду Плотинъ Libr. VII, Ennead. VI, p. 1311 sqq., ed. Creuzer.

² *Κοινὸς βίος* есть не что иное, какъ жизнь смѣшанная—*μικτός*, или обшденная, въ которой удовольствіе смѣшивается съ разумностію, и притомъ такъ, что перевѣсъ бываетъ либо на той, либо на другой сторонѣ, и чрезъ то обнаруживается или больше, или меньше близости къ благу самому въ себѣ. Такимъ образомъ общая жизнь стоитъ у Сократа, по видимому, на второмъ мѣстѣ, поелику, то есть, въ ней соединяются вторичныя причины человѣческаго счастья.

³ Ни даже второе мѣсто, *οὐδ' αὖ τῶν δευτέρων*; этимъ *οὐδ' αὖ* послѣ *οὔτε* выражается усиленіе во второмъ членѣ рѣчи, сравнительно съ тѣмъ, что сказано въ первомъ. Подобное употребленіе *οὐδ' αὖ* см. Legg. VIII, p. 840 A: *οὔτε τυδὸς κόποτε γυναχὸς ἤφατο οὐδ' αὖ παιδός*. De Rep. IV, p. 426 B: *οὔτε φάρμακα, οὔτε καίσεις, οὔτε τομαί, οὐδ' αὖ ἐπιδάι*. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, вмѣсто *οὐδ' αὖ*, иногда употребляется *οὐδέ γε*. De Rep. X, p. 608. B.

Прот. Конечно, Сократъ; теперь-то удовольствіе, кажется 23. мнѣ, пало предъ тобою, какъ бы пораженное именно настоящими твоими словами. Сражаясь за побѣдные трофеи, оно лежитъ. Но и умъ, сознательно сказать, не предвосхитилъ, какъ видно, этихъ трофеевъ: и онъ потерпѣлъ то же самое. Если же удовольствіе потеряло и второе мѣсто, то уже непременно подвергнется безчестію отъ своихъ любителей, потому что и имъ также не покажется оно прекраснымъ.

Сокр. Что же? Не лучше ли уже отпустить его и не огорчать приложеніемъ къ нему точнаго и обличительнаго испытанія?

Прот. Ты ничего не говоришь, Сократъ.

Сокр. Не потому ли, что, говоря объ огорченіи удовольствія, я говорю о невозможномъ?

Прот. Да мало этого,—ты не знаешь даже, что никто изъ насъ не отпуститъ тебя, пока своимъ изслѣдованіемъ не доведешь дѣла до конца.

Сокр. Охъ, Протархъ! Стало быть, разсужденіе предстоить еще длинное и притомъ для настоящаго времени очень не легкое. Вѣдь тутъ открывається нужда въ иномъ приѣмѣ: кто идетъ защищать въ пользу ума второе мѣсто, тому нужно имѣть другія стрѣлы, чѣмъ какія въ прежнихъ рѣчахъ; а нѣкоторыя, можетъ быть, и тѣ же самыя. Не должно ли?

Прот. Какъ не должно!

Сокр. Но за начало-то этого дѣла постараемся взяться с. осторожно.

Прот. Что такое разумѣешь ты?

Сокр. Все нынѣ существующее во всемъ раздѣлимъ на-двое, или лучше, если хочешь, на-трое.

Прот. Сказалъ бы, на что именно.

Сокр. Возьмемъ нѣкоторыя изъ настоящихъ нашихъ положеній.

Прот. Какія?

Сокр. Богъ, говорили мы, кажется, показалъ одно изъ сущаго какъ безпредѣльное, другое—какъ предѣль ¹.

Прот. Конечно.

Сокр. Вотъ этихъ родовъ положили мы два, третій же—
D. нѣчто одно, смѣшанное изъ этихъ двухъ.—А смѣшонъ ² я,
кажется, что стараюсь удовлетворительно опредѣлить это
родами и считаю ихъ.

Прот. Что ты говоришь, добрякъ?

Сокр. Затѣмъ нуженъ мнѣ и четвертый родъ.

Прот. Говори, какой.

Сокр. Смотри на причину взаимнаго смѣшенія тѣхъ ро-
довъ и, кромѣ ихъ трехъ, положи четвертый этотъ.

Прот. Не понадобится ли тебѣ, думаю, и пятый, заклю-
чающій въ себѣ силу дѣленія?

Сокр. Можетъ быть; но теперь, по крайней мѣрѣ, не пред-
ставляю. Если же будетъ нужно, ты, вѣроятно, позволишь
E. мнѣ искать и пятого ³.

Прот. Почему же нѣтъ?

Сокр. Такъ изъ четырехъ родовъ отдѣлимъ три, и два
изъ нихъ, видя каждый многократно разсѣченнымъ и рас-
торгнутымъ, будемъ опять сводить въ одно, и замѣчать,

¹ Здѣсь полагается новое основаніе для разрѣшенія вопроса объ относитель-
номъ достоинствѣ разумности и удовольствія. Въ мірѣ, учить Сократъ, гос-
подствуетъ законъ, по которому все или безконечно, или оканчивается, или
смѣшивается изъ того и другаго, или, наконецъ, заключаетъ въ себѣ причину и
начало смѣшенія; а изъ этого основанія выводится слѣдствіе въ пользу настоя-
щаго вопроса. При этомъ надобно замѣтить, что предѣль въ философіи
Платона есть не только то, что таково по своей силѣ и природѣ, но еще имѣетъ
способность оканчиваться, а потому и названо общимъ именемъ *τέρας*.

² Смѣшнымъ почитаетъ себя Сократъ потому, что, различивъ два рода, онъ
потомъ поставляется въ необходимость допустить еще третій, а тамъ и чет-
вертый, и даже предполагаетъ возможность въ различіи ихъ идти далѣе.

³ Позволишь мнѣ искать и пятого, *συγγνώσει καὶ μοι σὺ μεταδιώκοντι
τέμπεον βίον*. Здѣсь *βίον* вовсе не кстати и даже не согласно съ мыслию Платона,
который говоритъ о родахъ вещей, а не о жизни. Надобно полагать, что это
слово внесено въ текстъ какимъ нибудь умникомъ, не понявшимъ Платоновой
мысли и не видѣвшимъ различія между *βίος* и *ἔϊδος*.

какимъ образомъ тотъ и другой изъ нихъ становился однимъ и многимъ ¹.

Прот. Если бы ты сказалъ мнѣ объ этомъ яснѣе, то, можетъ быть, я и могъ бы слѣдовать за тобою.

Сокр. Да я говорю о тѣхъ двухъ предположеніяхъ, на которыя указывалъ теперь же: одно—безпредѣльное, другое—²⁴ предѣль. И вотъ постараюсь высказать, что безпредѣльное нѣкоторымъ образомъ есть многое ²; а предѣль пусть насъ подождетъ.

Прот. Ждетъ.

Сокр. Изслѣдуй же. Трудно, конечно, и исполнено недоумѣній то, что я велю тебѣ разсмотрѣть: однакожъ изслѣдуй. Во первыхъ, смотри, въ болѣе тепломъ и въ болѣе холодномъ можешь ли ты когда нибудь мыслить предѣль, или живущія въ этихъ родахъ «болѣе» и «менѣе», пока это живетъ въ нихъ, не позволяютъ тебѣ дойти до конца;—по- В. тому что если бы здѣсь найденъ былъ конецъ, то скончались бы ³ и они?

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Такъ въ болѣе тепломъ и болѣе холодномъ всегда таки есть, говоримъ, «болѣе» и «менѣе».

Прот. И очень.

¹ Изъ четырехъ предположенныхъ родовъ Сократъ навремя оставляетъ четвертый, то есть, причину взаимнаго смѣшенія ихъ, и беретъ прочіе три: но въ этихъ трехъ онъ сперва разсматриваетъ два, изъ которыхъ происходитъ смѣшеніе,—разсматриваетъ *ἄπειρον* и *πέρας*, показывая формы и части того и другаго и объясняя, какимъ образомъ чрезъ общеніе этихъ родовъ образуется нѣчто единое, заключающее въ себѣ множество.

² Безпредѣльное у Платона есть то, что заключаетъ въ себѣ *τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον*, а *τὸ πρῶτον* отвергаетъ; ибо *τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον*, по природѣ, никогда и ни на чемъ остановиться не могутъ, но движутся въ безконечность,—отъ большаго къ большему, или отъ меньшаго къ меньшему. Формою же ихъ остановки было бы количество или число, которое уже есть нѣчто опредѣленное, и котораго, слѣдовательно, въ безпредѣльномъ нѣтъ.

³ У Платона здѣсь игра словъ—*τελευτή* и *τελευτᾶν*: *τελευτή* есть образованіе вещи чрезъ воображеніе въ ней предѣла, *πέρας*; но какъ скоро предѣль вошелъ и вещь образовалась,—*τὸ μᾶλλον* или *ἧττον*, вообще,—*ἄπειρον* въ отношеніи къ ней—*τελευτᾶ*,—безпредѣльное перестаетъ существовать.

Сокр. Поэтому разсудокъ внушаетъ намъ, что болѣе теплое и болѣе холодное—всегда безъ конца; а будучи безъ конца, они, вѣроятно по всему, безпредѣльны.

Прот. Да, это сильно, Сократъ.

Сокр. И какъ хорошо примолвлено, любезный Протархъ!

- C. Ты напомнилъ, что и произнесенное тобою «сильно», равно какъ соотвѣтствующее ему «тихо», имѣютъ такое же значеніе, какое «больше» и «меньше»; ибо во что ни входятъ они, ни въ чемъ не допускаютъ «сколько», но всегда вносятъ въ дѣйствія болѣе сильное въ сравненіи съ болѣе тихимъ и наоборотъ,—всегда производятъ «больше» и «меньше», а «сколько» скрываютъ. Если бы они, какъ теперь же сказано, не скрывали этого «сколько», и въ томъ мѣстѣ, гдѣ
- D. находятся «больше» и «меньше», «сильно» и «тихо», позволяли быть и этому—и мѣрѣ, то сами ушли бы изъ того мѣста, въ которомъ находятся. Вѣдь болѣе теплое и болѣе холодное, принявъ «сколько», не устояли бы; ибо всегда болѣе теплое и всегда болѣе холодное идетъ впередъ, а не стоитъ: напротивъ, «сколько» стоитъ, и далѣе идти не хочетъ. Потому-то болѣе теплое и вмѣстѣ противное ему бывають безпредѣльны.

- Прот.* Представляется такъ, Сократъ; однакожь за тѣмъ, что ты сказалъ, слѣдовать не легко. Вотъ если еще и еще
- E. будетъ высказано нѣчто такое же, то вопрошающій и вопрошенный, можетъ быть, достаточно согласится.

Сокр. Ты хорошо говоришь, и надобно постараться сдѣлать такъ. Сообрази-ка: чтобы чрезъ разсматриваніе всего не удлинниться,—за признакъ природы безпредѣльнаго не взять ли намъ этого?

Прот. Что такое разумѣешь ты?

- Сокр.* Чтò ни представляли бы мы дѣлающимся больше и меньше, принимающимъ «сильно» и «тихо», либо «слишкомъ», и прочее такое же,—все это надобно сложить въ родъ безпредѣльнаго, какъ бы въ одно,—на прежнемъ основаніи, о которомъ мы говорили, что, слагая расторгнутое и раз-

сѣченное, должно по возможности назнаменовывать одну природу ¹. Помнишь ли?

Прот. Помню.

Сокр. Но чтò не принимаетъ этого, а принимаетъ противное этому,—во первыхъ, равное и равенство, послѣ равнаго—двойное и все, что служить числомъ для числа, или мѣрою для мѣры,—все ² это мы, кажется, хорошо бы в. сдѣлали, если бы отнесли къ предѣлу. Или какъ ты скажешь?

Прот. Даже прекрасно, Сократъ.

Сокр. Пускай. Но третій, смѣшанный изъ этихъ обоихъ родовъ, какую назовемъ идеею?

Прот. Самъ скажешь мнѣ, я думаю.

Сокр. Нѣтъ, развѣ богъ,—если бы услышалъ мои молитвы кто нибудь изъ боговъ ³.

Прот. Такъ молись и изслѣдывай.

Сокр. Изслѣдываю, и мнѣ кажется, Протархъ, что кто-то изъ нихъ намъ теперь благопріятствуетъ.

Прот. Какъ ты говоришь это, и почему такъ думаешь? С.

Сокр. Разумѣется, скажу; а ты слѣдуй за мною своимъ вниманіемъ.

Прот. Только говори.

Сокр. Мы сейчасъ произнесли слова: «теплѣе» и «холоднѣе». Не правда ли?

Прот. Да.

Сокр. Прибавь же къ этому «суше» и «влажнѣе», «множествен-

¹ Назнаменовывать одну природу, *μίαν ἐπισημαίνουσαί τινα φύσιν*, то есть, *μίαν ἰδέαν*, какъ р. 25 В, р. 26 D: *ὁμοῦς δὲ ἐπισφραγισθέντα τῷ τοῦ μάλλον καὶ ἐναντίου γένει ἐν ἐφάνῃ*. Politic. р. 258 С: *ἰδέαν αὐτῇ μίαν ἐπισφραγίζουσαί*.

² Мѣра можетъ служить только для мѣры и, наоборотъ, только мѣрное можетъ опредѣляться мѣрою: а къ безпредѣльному, въ которомъ заключается больше и меньше, не приложима никакая мѣра; потому что тамъ ничто не можетъ быть сравниваемо.

³ Теперь Платонъ приступаетъ къ объясненію силы и природы того, что смѣшано изъ безпредѣльнаго и предѣла. Но это, по его идеѣ, есть источникъ всего, въ человѣческой жизни прекраснѣйшаго и для человѣческой мудрости недоступнаго. Посему онъ, при разсматриваніи этого рода, считаетъ нужнымъ обратиться съ молитвою къ богамъ и просить ихъ помощи.

нѣе» и «маловатѣ», «быстрѣ» и «медленнѣ», «увеличеннѣ» и «умаленнѣ»¹, и все, что прежде слагали мы въ единство природы, принимающей въ себя «болѣ» и «менѣ».

Д. *Прот.* Ты говоришь о природѣ безпредѣльнаго?

Сокр. Да. Вмѣшай-ка въ нее послѣ этого опять родъ предѣла.

Прот. Какой?

Сокр. Вѣдь какъ сводили мы въ одно родъ безпредѣльнаго, такъ надлежало намъ тутъ же свести и родъ предѣльности; а мы не свели. Между тѣмъ не сдѣлаетъ ли онъ, можетъ быть, теперь того же. А когда сведено будетъ то и другое, откроется и смѣшанное².

Прот. О какомъ это родѣ и какъ говоришь ты?

Е. *Сокр.* О родѣ равнаго, двойнаго, и о всемъ, что прекращаетъ враждебность взаимно-противныхъ отношеній и, полагая соотвѣтственность и согласіе, производитъ число.

Прот. Понимаю: ты, кажется, говоришь, что, по смѣшеніи, совмѣстно въ нихъ произойдутъ нѣкоторыя бытности³.

¹ Множественнѣе и маловатѣе,—увеличеннѣе и умаленнѣе, πλέων καὶ ἕλαττον,—μείζων καὶ σμικρότερον. Необходимость выразить эти уравнивательныя степени привела меня къ убѣжденію, что и богатый своими формами русскій языкъ еще не столько развитъ, чтобы могъ найти въ себѣ довольно гибкости для выраженія всѣхъ формъ языка греческаго. Нашими уравнивательными «болѣе» и «меньше» означаетъ увеличеніе и уменьшеніе не только геометрическое, но и динамическое, не только экстенсивное, но и интенсивное; напротивъ, греческіе πλέων καὶ ἕλαττον указываютъ на одно множество, а μείζων καὶ σμικρότερον—на одну великость. Поэтому я прошу извинить меня за составленіе въ настоящемъ случаѣ такихъ уравнивательныхъ, которыя у насъ еще не вошли во всеобщее употребленіе.

² Безпредѣльное собесѣдники опредѣлили, и притомъ такъ, что, по разсмотрѣніи разныхъ его формъ и частей, нашли, что въ немъ τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον и τὸ σφόδρα καὶ ἤρῆμα; напротивъ, родъ предѣльнаго они только указали, а не опредѣлили, и не открыли, какимъ единствомъ очерчивается въ немъ многое, хотя Сократъ и обѣщаль это (р. 24 А, р. 23 Е). Онъ въ то время говорилъ, что не сводитъ многого въ одно, потому что еще не поставлено на видъ многое. Если же опредѣлено будетъ и предѣльное, то оно сдѣлаетъ, можетъ быть, то же самое, именно: какъ скоро то и другое, безпредѣльное и предѣльное, придутъ въ соединеніе, тотчасъ обозначится и родъ смѣшанный.

³ Нѣкоторыя бытности, γένεσις τινάς. Слово γένεσις, рожденіе, я перевожу словомъ бытность потому, что рожденіе вещи у Платона по-

Сокр. И правильно кажется.

Прот. Говори же.

Сокр. Въ болѣзняхъ, не правильное ли общеніе ихъ производитъ природу здоровья ¹⁾?

Прот. Непремѣнно.

26.

Сокр. Также въ высокомъ и низкомъ, въ скоромъ и медленномъ, которыя безпредѣльны, не по привхожденіи ли того же является предѣлъ, и въ совершенствѣ устанавливается всецѣлая музыка?

Прот. Да и превосходно.

Сокр. Если даже входитъ это въ холодъ и жаръ, и тогда представленія «много», «слишкомъ» и «безпредѣльно» уничтожаются, и образуется понятіе о внутренней и виѣшней соизмѣренности.

Прот. Какъ же.

Сокр. Равнымъ образомъ не тогда ли, какъ смѣшиваются безпредѣльное и предѣлъ, бывають у насъ времена года В. и все прекрасное?

нимается, какъ результатъ ограниченія безпредѣльнаго предѣломъ: а въ такомъ случаѣ вещь на языкѣ философскомъ и есть τὸ γυμνοῦν, или бытное.

¹ Изъ соединенія конечнаго и безконечнаго, по ученію Платона, происходятъ явленія удивительныя. Для примѣра, философъ указываетъ сперва на здоровье, потомъ на музыку, далѣе—на благораствореніе воздуха и годовыя перемѣны, а наконецъ—на красоту и крѣпость тѣла. Къ этому присоединяются также и добродѣтели души. О тѣлесномъ здоровьѣ подобнымъ образомъ говорится Tim. p. 82 A sqq., Sympos. p. 186 C. D; да можно доказать, что такъ говорили о немъ и пифагорейцы. Къ этому же началу надобно возводить и музыку, состоящую въ гармоническомъ сочетаніи различныхъ звуковъ—высокихъ и низкихъ, скорыхъ и медленныхъ, или въ ритмѣ. Theo Smyrn. 1, p. 15: καὶ οἱ Πυθαγόρειοι εἶ, οἷς πολλὰ καὶ ἔπειτα Πλάτων, τὴν μουσικὴν φασὶ ἐναντίων συναρμογῶν καὶ τῶν πολλῶν ἔνθεον καὶ τῶν δίχα φρονούντων συμφρονήσαν. Cicero Somn. Scip. c. 5: Dulcis hic est sonus, qui intervallis coniunctus imparibus, sed tamen pro rata parte ratione distinctis, impulsu et motu—conficitur; qui acuta cum gravibus temperans varios aequabiliter concentus efficit, al. Что касается до красоты, то Платонъ обыкновенно поставлялъ ее ἐν μετρίότητι καὶ ἑπιμετρίᾳ. См. ниже p. 64 E; Tim. p. 87 C; Politic. p. 284 B. А τὴν ἰσχυὴν производитъ ἀπὸ φύσεως καὶ εὐτροφίας τῶν σωματίων. Protag. p. 351 A. И начало душевныхъ благъ открываетъ у него также въ сочетаніи конечнаго и безконечнаго; потому что всякая добродѣтель, какъ говорится въ Филевѣ (p. 64 E) и Федонѣ (p. 60 D.), состоитъ въ гармонической благонастроенности души.

Прот. Какъ не тогда.

Сокр. Я уже не хочу говорить о безчисленномъ множествѣ другихъ вещей, напимѣръ, о соединеніи красоты и силы съ здоровьемъ, равно какъ о весьма многомъ и самомъ прекрасномъ въ душахъ. Вѣдь и твоя богиня ¹, прекрасный Филебъ, обращая вниманіе на развратъ и всякое зло между людьми и видя, что нѣтъ у насъ конца удовольствіямъ и наслажденіямъ, сама установила законъ и порядокъ, которымъ полагается предѣлъ: и вотъ ты говоришь, что она С. убиваетъ ²,—а я говорю, что спасаетъ. Тебѣ же, Протархъ, какъ представляется?

Прот. Твои слова, Сократъ, мнѣ очень по мысли.

Сокр. И такъ, я высказалъ три бытности, если ты понимаешь меня.

Прот. Думаю, что понимаю. Одно у тебя, кажется мнѣ, есть безпредѣльное, есть и другое одно—предѣлъ въ сущемъ; но что угодно тебѣ называть третьимъ, не очень понимаю.

Сокр. Потому, почтеннѣйшій, что тебя поразила многочисленность третьей бытности. Правда, и безпредѣльное пред-
D. ставляетъ много-таки родовъ; но такъ какъ они запечатлѣны родомъ «больше» и противнымъ этому роду, то безпредѣльное является единымъ.

¹ Сократъ указываетъ на ту богиню, которою Филебъ прежде свидѣтельствовался, и которую тогда, по мнѣнію Сократа, слѣдовало назвать скорѣе удовольствіемъ, чѣмъ Афродитою (р. 12 В). Теперь философъ, относительно имени, какъ бы соглашается съ Филебомъ: пусть удовольствіе будетъ Афродита; но въ такомъ случаѣ надобно, говорить, приписать ей τὴν τοῦ ἀπειροῦ καὶ κέρatos κλιμένην, какъ это въ другомъ мѣстѣ приписывается любви и гармоніи. Слѣдовательно, здѣсь подъ именемъ богини Сократъ разумѣетъ Афροδίτην οὐρανίαν, о которой говорится въ Симпосіонѣ.

² Филебъ не говорилъ и не говоритъ, что богиня (Афродита) убиваетъ. Поэтому Сократъ, приписывая ему такое мнѣніе, указываетъ этимъ не на имя богини, а на понятіе, съ нею соединяемое. Если, т. е., угодно тебѣ требовать, чтобы Афродита не ограничивала безпредѣльнаго стремленія къ удовольствію предѣломъ, то она въ такомъ случаѣ становится у тебя просто удовольствіемъ, Афродитою плебейскою, а не небесною,—и убиваетъ. Напротивъ я, подводя твою богиню подъ всеобщій законъ ограниченія безконечнаго конечнымъ, вижу въ ней Афродиту небесную,—начало охранительное.

Прот. Справедливо.

Сокр. Да и предѣль-то не имѣеть многого, и мы не споримъ, что онъ по природѣ не одинъ.

Прот. Какъ же иначе.

Сокр. Конечно, никакъ. Но вѣдь и третье, почитай, представляю я такъ, что полагаю все въ значеніи одного, происшедшаго изъ этихъ, какъ бытность сущности изъ размѣровъ, обозначааемыхъ предѣломъ.

Прот. Понялъ.

Сокр. Но, кромѣ трехъ, сказали мы, надобно разсмотрѣть ^{Е.} еще нѣкоторый четвертый родъ ¹. И это разсмотрѣніе будетъ произведено сообща: смотри, кажется ли тебѣ необходимымъ, что все происходящее происходитъ отъ какойнибудь причины?

Прот. Мнѣ кажется. Да и какъ бы безъ этого чтонибудь произошло?

Сокр. А не правда ли, что природа творящаго не отличается ничѣмъ отъ причины, кромѣ имени, такъ что творящее и причина справедливо могутъ быть принимаемы за одно?

Прот. Правда.

Сокр. Да вѣдь и между творимымъ-то и происходящимъ, ^{27.} соотвѣтственно сейчасъ сказанному, мы не найдемъ никакой разницы, кромѣ имени. Не такъ ли?

Прот. Такъ.

Сокр. Творящее не таково ли всегда по природѣ, что ведетъ, а творимое, происходя, слѣдуетъ за нимъ?

¹ Ученіе о четвертомъ родѣ, или началѣ вещей, въ философіи Платона весьма важно; такъ что служить, можно сказать, поворотною точкою отъ идеальнаго формализма къ супранатурализму. Можно было полагать, что если есть безпредѣльное и предѣль, то по необходимости будетъ уже $\eta \gamma \epsilon \nu \eta \mu \acute{\epsilon} \nu \eta \varsigma \acute{\omega} \sigma \iota \alpha$. Но безпредѣльное можетъ быть ограничиваемо предѣломъ не одинаково; слѣдовательно, должна быть причина, почему оно ограничивается такъ, а не иначе. Отсюда у Платона всякая бытность предполагаетъ три причины: причину матеріальную,—это безпредѣльное; причину орудную,—это предѣль; причину дѣйствующую,—это Богъ. Первыя двѣ причины суть условія рожденія или творенія, а послѣдняя есть причина въ смыслѣ собственномъ.

Прот. Конечно.

Сокр. Стало быть, причина—иное, а не то же съ тѣмъ, что служить причинѣ къ произведенію бытнаго.

Прот. Какъ же.

Сокр. Значить, происходящее и то, изъ чего все происходитъ, представляютъ намъ три рода?

Прот. И очень.

В. *Сокр.* Такъ вотъ мы и скажемъ, что созидающее все это есть четвертое,—причина, достаточно отличная отъ тѣхъ вещей проявившихся.

Прот. Конечно, скажемъ.

Сокр. Теперь правильно будетъ, по опредѣленіи четырехъ родовъ, для памятованія о каждомъ, перечестъ ихъ по порядку.

Прот. Почему не такъ.

Сокр. И такъ, во первыхъ, я называю безпредѣльное, во вторыхъ—предѣль, потомъ—смѣшанную изъ нихъ и происшедшую сущность. А называя причину смѣшенія и бытности С. и почитая ее четвертою, не погрѣшаю ли я нѣсколько?

Прот. Какимъ же образомъ?

Сокр. Ну-ка, что мы послѣ сего заговоримъ? И съ какою мыслию дошли до этого? Не та ли она? Мы спрашивали: удовольствіе ли надобно поставить на второмъ мѣстѣ, или разумность? Не такъ ли было?

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Разобравши же это такимъ образомъ, не лучше ли будетъ намъ теперь установить сужденіе о томъ, что первое, что второе, тогда какъ прежде мы въ разсужденіи этого именно сомнѣвались.

Прот. Можетъ быть.

Д. *Сокр.* Хорошо. Превозмогающею жизнію признали мы тогда жизнь, смѣшанную изъ удовольствія и разумности. Было ли такъ?

Прот. Было.

Сокр. Не видно ли намъ теперь, можетъ быть: что это за жизнь и какого она рода?

Прот. Какъ не видно.

Сокр. Вѣдь мы, думаю, назовемъ ее частію третьяго рода; потому что она смѣшана не изъ какихъ нибудь двухъ (частныхъ) вещей, а изъ всѣхъ безпредѣльныхъ, связанныхъ предѣломъ. Посему эта побѣдоносная жизнь правильно можетъ быть частію той.

Прот. Конечно, весьма правильно.

Сокр. Пускай. Что же твоя, Филевъ,—пріятная и не смѣшанная? Къ которому изъ сказанныхъ родовъ относя ее, мы отнесли бы правильно? Но прежде, чѣмъ рѣшишь, отвѣчай мнѣ вотъ на что.

Фил. Говори.

Сокр. Удовольствіе и скорбь имѣютъ ли предѣлъ, или относятся къ тому, что заключаетъ въ себѣ «больше» и «меньше»?

Фил. Да, что—«больше», Сократъ; потому что удовольствіе не было бы всѣмъ добромъ ¹, если бы, въ разсужденіи «много» и «больше», оказалось по природѣ не безпредѣльнымъ.

Сокр. Да безъ этого, Филевъ, и скорбь не была бы вѣдь ²⁸ всѣмъ зломъ. Посему намъ нужно обратить вниманіе на что нибудь отличное отъ природы безпредѣльнаго, что удовольствіямъ сообщаетъ нѣкоторую часть добра. Но пусть удовольствіе относится у тебя къ роду безпредѣльнаго: къ которому же изъ сказанныхъ родовъ, не дѣлаясь нечестивыми, отнесемъ мы, Протархъ и Филевъ, разумность, знаніе и умъ? Вѣдь мнѣ представляется немалою онасностію, хорошо ли мы поступимъ, рѣшая этотъ вопросъ, или нѣтъ.

Фил. Ты, Сократъ, ужь слишкомъ носишься съ своимъ в. богомъ.

Сокр. Да и ты, другъ мой, съ своей богиней. Однакожь будемъ говорить о нашемъ вопросѣ.

Прот. Сократъ въ самомъ дѣлѣ требуетъ справедливаго, Филевъ; надобно послушаться его.

¹ Всѣмъ добромъ, πᾶν ἀγαθόν. Подъ этимъ πᾶν ἀγαθόν разумѣется абсолютно-полное благо, bonum omni numero absolutum et consummatum; равнымъ образомъ πᾶν κακόν—абсолютно-полное зло.

Фил. Не хочешь ли, Протархъ, вести рѣчь вмѣсто меня?

Прот. Конечно. Впрочемъ, теперь я нѣсколько недоумѣваю и прошу тебя, Сократъ,—будь самъ для насъ пророкомъ, чтобы мы не погрѣшили противъ этого состязателя ¹ и не сказали чего нибудь неприличнаго ².

с. *Сокр.* Надобно послушаться, Протархъ; ибо въ твоёмъ приказаніи нѣтъ ничего тяжелаго. Я только въ шутку возмутилъ тебя, по подражанію слову Филеба «носишься», спрашивая объ умѣ и знаніи, къ которому роду они относятся.

Прот. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Между тѣмъ, однакожь, отвѣчать на это легко ³; такъ какъ всѣ мудрецы, въ существѣ дѣла носящіеся съ самими собою, соглашаются въ томъ, что умъ у насъ есть царь неба и земли ⁴,—и, можетъ быть, говорятъ хорошо: Впро-

¹ Противъ этого состязателя, т. е. противъ разумности, которая теперь должна вступить въ состязаніе съ удовольствіемъ о правѣ на занятіе третьяго мѣста въ ряду родовъ бытія.

² Чего нибудь неприличнаго, *παρὰ μέλος φθέρωμενά τι*. Выраженіе: *παρὰ μέλος φθέρωμενά*, повторяющееся Legg. III, р. 696 D, Critias р. 106 B., есть идиотизмъ и значить: произносить нелѣпости, парадоксы. Horat. Epist. I, 18, 59: *quamvis nil extra numerum fecisse modumque curas*.

³ Сократъ намѣренъ теперь доказать, что мудрость или разумность не только присуща конечному, но должна быть относима и къ роду причины, и свое доказательство устанавливаетъ такъ, что сперва дѣлаетъ взглядъ на цѣлую вселенную, полагая, что человѣческая природа устроена по ея подобію. Вселенная же управляется не чѣмъ инымъ, какъ совершеннѣйшимъ умомъ, что утверждаютъ и мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ, и господствующій въ мірѣ стройный порядокъ. Какъ наше тѣло, говоритъ Сократъ, составлено изъ стихій цѣлой вселенной и ими поддерживается: такъ и нашъ умъ заимствованъ изъ ума, управляющаго вселенною. А отсюда онъ заключаетъ, что человѣчeskій умъ относится также къ роду причины, и что послѣдняя въ цѣломъ мірѣ дѣлаетъ то самое, что первый дѣлаетъ въ человѣкѣ, то есть, имѣетъ значеніе власти, управляющей пожеланіями, обуздывающей страсти и подчиняющей все законамъ мудрости.

⁴ Что всѣмъ располагаетъ и управляетъ умъ,—первый, какъ извѣстно, училъ Анаксагоръ. Сравни Phaedr. р. 270 A. Cratyl. р. 400 A; 413 C. Начавъ его мыслію, Платонъ поставилъ съ нею въ связь ученіе Филолая, поставлявшаго надъ вселенною τὸ αἴτιον, и такимъ образомъ нѣсколько отступилъ отъ взгляда Анаксагорова. За образъ высочайшаго ума принималъ онъ Зевса, какъ бы играя именемъ Ζεὺς (отъ ζάω, ζήν); такъ, въ Кратилѣ (р. 396 A) говоритъ: οὐ γὰρ ἔστιν ἡμῖν καὶ τοῖς ἄλλοις πᾶσιν ὅστις αἴτιος μᾶλλον τοῦ ζῆν ἢ ὁ ἄρχων τε καὶ βασιλεὺς τῶν πάντων.

чемъ, если угодно, изслѣдованіе этого рода сдѣлаемъ продолжительнѣйшимъ.

Прот. Говори, какъ хочешь; не предполагай затрудненія D. въ долготѣ, потому что намъ не наскучишь.

Сокр. Ты хорошо сказалъ. Начнемъ же хоть слѣдующимъ вопросомъ.

Прот. Какимъ?

Сокр. Скажемъ ли, Протархъ, что все вмѣстѣ,—все такъ называемое цѣлое,—управляется силою неразумною, слѣпою и случайною, или, напротивъ, какъ говорили наши предшественники, строитель и правитель есть умъ и какое-то дивное разумѣніе ¹?

Прот. И похожаго ничего нѣтъ ², чудный Сократъ. То, E. что ты теперь говоришь, мнѣ представляется даже грѣхомъ: напротивъ, мысль объ устрояющемъ все умѣ кажется достойною зрѣлица, представляемаго и міромъ, и солнцемъ, и луною, и звѣздами, и всѣмъ круговращеніемъ; и я не иначе желалъ бы какъ говорить объ этомъ, такъ и мыслить.

Сокр. А что жъ, хочешь ли, и мы нѣсколько подтвердимъ мнѣніе, принятое нашими предшественниками, что дѣло дѣйствительно таково, и рѣшимся не только повторять чужое ²⁹. безъ опасенія, но и подвергнуться опасности быть порицаемыми, если бы человѣкъ сильный ³ сталъ говорить, что все это не таково, а безпорядочно?

Прот. Почему же мнѣ не хотѣтъ?

¹ Строитель и правитель.—какое-то дивное разумѣніе, φρόνησιν τινα θαυμαστὴν σοφίαν διακοσμεῖν. Здѣсь указывается главнымъ образомъ на Анаксагора, который, вмѣсто διακοσμεῖν, употреблялъ глаголы: διακοσμεῖν и κοσμεῖν; у Цицерона: in ordinem adducere.

² И похожаго ничего нѣтъ. Это относится не къ послѣднимъ словамъ Сократа, что строитель всего есть умъ, а къ первымъ,—что все управляется силою неразумною.

³ Разумѣются софисты, не признававшіе ни боговъ, ни дѣйствующей въ природѣ силы ихъ, ни правилъ благочестія, ни началъ доброй нравственности. Лучшую характеристику ихъ см. Legg. X, p. 885 B sqq.; 888 E; XII, p. 966 D. E. Сильными—δυνάεις—Платонъ называетъ ихъ, напримѣръ, Theaet p. 154 D, 173 B, al.

Сокр. Хорошо; прими же въ соображеніе дальнѣйшее наше разсужденіе объ этомъ.

Прот. Говори.

Сокр. Что касается до природы тѣлъ всѣхъ животныхъ, то въ составѣ ихъ мы видимъ и огонь, и воду, и воздухъ, и, будто обуреваемые мореплаватели, видимъ, какъ говорится, землю ¹.

Прот. И очень. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ обуреваемся недоумѣніями въ настоящихъ своихъ разсужденіяхъ.

Сокр. Пусть такъ; но въ разсужденіи каждой находящейся въ насъ стихіи замѣтъ слѣдующее.

Прот. Что такое?

Сокр. Что каждая изъ нихъ въ насъ мала, ничтожна, нигдѣ и никакъ не обособлена, и составляетъ неважную силу природы. Взявъ же въ примѣръ одно, то самое мысли и о всемъ: на примѣръ, есть въ насъ, вѣроятно, огонь,—есть онъ и во всемъ.

Прот. Какъ же.

C. *Сокр.* Но въ насъ онъ—нѣчто малое, слабое и ничтожное, а во всемъ—удивителенъ и по множеству, и по красотѣ, и по всякой свойственной огню силѣ.

Прот. Ты говоришь очень справедливо.

Сокр. Что же? Отъ этого ли—отъ нашего огня и происходитъ и питается и управляется огонь всего, или, напротивъ, и мой огонь, и твой, и огонь иныхъ животныхъ все это имѣетъ ² отъ того (всеобщаго)?

Прот. Ты предлагаешь такой вопросъ, который не стоить и отвѣта.

¹ Слова: какъ говорится, показываютъ, что οἱ χειμαζόμενοι γῆν καθορῶσι—было пословицею. Поэтому Протархъ, имѣя въ виду трудность начатаго изслѣдованія, весьма кстати прибавляетъ: χειμαζόμενα γὰρ ὄντως ὑπ' ἀπορίας ἐν τοῖς νῦν λόγοις. Платонъ нерѣдко пользуется поговорками мореплавателей. Lachet. p. 104 B: ἀνδράσι χειμαζόμενοις ἐν λόγῳ καὶ ἀποροῦσι βοτῆθσον. Euthyd. p. 292 E: σῶσαι ἡμᾶς—ἐκ τῆς τριχομίας τοῦ λόγου. De Rep. V, p. 472 A et al.

² Все это имѣетъ, то есть, τὸ τρέφεσθαι καὶ γίγνεσθαι καὶ ἄρχεσθαι,—и пищу и происхождение и управленіе.

Сокр. Правильно. То же скажешь ты, думаю, и о землѣ, D. которая находится здѣсь—въ животныхъ, и которая есть во всемъ; да то же будешь отвѣчать и о всемъ другомъ, о чемъ я спрашивалъ немного прежде.

Прот. Но кто, отвѣчая иначе, показался бы человѣкомъ здравомыслящимъ?

Сокр. Можетъ быть, никто. Но смотри, что слѣдуетъ дальѣе. Вѣдь все, о чемъ сейчасъ было сказано, мы назвали тѣломъ не подъ условіемъ ли соединенія этого въ одно?

Прот. Какъ же.

Сокр. Такъ это же прими и касательно того, что называемъ мы міромъ; потому что и онъ такимъ только образомъ можетъ быть тѣломъ, если тѣ же самыя стихіи въ немъ соединены въ одно.

Прот. Ты говоришь весьма правильно.

Сокр. И такъ, отъ этого ли тѣла вполнѣ питается наше тѣло, или отъ нашего это и питается, и заимствуется, и имѣетъ всѣ тѣ стихіи, о которыхъ мы сейчасъ только говорили?

Прот. Это, Сократъ, уже другой вопросъ, не стоящій отвѣта.

Сокр. Но что? Стѣбитъ ли слѣдующій? Какъ ты скажешь? 30.

Прот. Говори, что такое.

Сокр. Не скажемъ ли, что въ нашемъ тѣлѣ есть душа?

Прот. Явно, что скажемъ.

Сокр. Откуда же, любезный Протархъ, наше тѣло взяло ее, если тѣлу всего не пришлось быть одушевленнымъ и имѣть то самое, что есть въ этой,—имѣть даже въ степени гораздо превосходнѣйшей ¹?

¹ Сократъ ведетъ свое доказательство такъ: наше тѣло все, что въ немъ есть, заимствуетъ изъ космоса; но въ нашемъ тѣлѣ есть и душа: откуда же взялась она? Если бы вселенная не была одушевлена, то и въ человѣкѣ не было бы души. Это значитъ, что человѣческія души суть нѣкоторыя частицы, взятыя отъ божественнаго ума вселенной. Такое ученіе, очевидно, имѣетъ характеръ пифагорейскій. Cicero, Tusc. V, 13: humanus autem animus, descriptus ex mente

Прот. Явно, что неоткуда болѣе, Сократъ.

Сокр. Вѣдь мы не подумаемъ же, Протархъ, чтобы изъ в. тѣхъ четырехъ родовъ—предѣла, беспредѣльнаго, общаго ¹ и рода причины, это присущее во всемъ четвертое, сообщающее нашимъ стихіямъ душу, поддерживающее въ тѣлѣ отправленія, врачующее его, когда оно слабѣетъ, и все во всемъ слагающее и исцѣляющее,—чтобы это четвертое не называлось всею и всяческою мудростію; и тогда какъ то же самое есть въ цѣломъ небѣ и по великимъ его частямъ, тогда какъ тамъ, кромѣ сего, все прекрасно и чисто, чтобы не устроило оно и среди неба природу вещей прекраснѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ ².

С. *Прот.* Это-то было бы крайне несообразно.

Сокр. Если же не подумаемъ этого, то, сообразуясь съ прежнимъ положеніемъ, лучше скажемъ, что во всемъ есть, какъ говорили мы много разъ, неизмѣримое беспредѣльное и достаточный предѣлъ, и что нѣкоторая немаловажная

divina, cum nullo alio nisi cum ipso deo comparari potest. De senect. с. 21: audiebam Pythagorum Pythagoreosque—nunquam dubitasse, quin ex universa mente divina delibatos animos haberemus. Въ этомъ именно смыслѣ излагаетъ свое ученіе и самъ Сократъ у Ксенофонта (Memor. I, 4, 8): «Ты думаешь, что въ тебѣ есть нѣчто разумное, а внѣ тебя нигдѣ нѣтъ разума? Между тѣмъ знаешь, что тогда какъ земли много, въ твоемъ тѣлѣ—малая ея часть; тогда какъ жидкости много, у тебя ея немного; тогда какъ все велико, недѣлимое твое мало, и тѣло у тебя устроено изъ взятыхъ отъ него частей. Одного ли только ума нѣтъ нигдѣ, и ты будто случайно какъ нибудь схватилъ его? Тебѣ кажется, что эта неизмѣривая величина, это безконечное множество, получило такую стройность отъ какого-то неразумія?»—Тамъ же (IV, 3, 14): ἀλλὰ μὴ καὶ ἀνθρώπου γέ ψυχῆ, ἢ, ἕπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρώπων, τοῦ θεοῦ μετέχει, ὅτι μὲν βασιλεύει ἐν ἡμῖν, φανερόν, ὁρᾶται δὲ οὐδ' αὐτῇ.

¹ Общ а г о—κοινόν, то есть, смѣшаннаго, μιχτόν, поколику предѣлъ и беспредѣльное въ немъ—нѣчто одно, причастное тому и другому, общее.

² Здѣсь говорится главнымъ образомъ о родѣ причины, однакожь такъ, что упоминается и о прочихъ трехъ родахъ: сказано сперва о всѣхъ четырехъ, а потомъ вниманіе останавливается на четвертомъ, и о немъ только трактуется. Прежде всего полагается, что четвертый родъ причины τοῖς παρ' ἡμῖν ψυχῆ παρέχει: потому что хотя душа, какъ и все прочее, составлена также изъ конечнаго и безкончнаго, однако образованіе ея требовало извѣстнаго уравновѣшенія сихъ началъ; а это могло быть произведено не иначе, какъ причиною разумною.

причина въ этомъ, устрояющая и упорядочивающая годы, годовыя времена и мѣсяцы, весьма справедливо можетъ быть названа мудростію и умомъ.

Прот. Конечно, весьма справедливо.

Сокр. Впрочемъ, мудрость и умъ не получаютъ безъ души.

Прот. Разумѣтся, нѣтъ.

Сокр. И не скажешь ли ты, что въ природѣ Зевса ¹, D. по силѣ причины, живетъ царская душа и царскій умъ, а въ другихъ (богахъ) другія совершенства, какія кому изъ нихъ угодно себѣ приписывать?

Прот. И очень.

Сокр. Да и не думай, Протархъ, что мы сказали это слово попусту: оно помогало тѣмъ ², которые нѣкогда утверждали, что правитель всего всегда есть умъ.

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Оно же даетъ отвѣтъ и на мой-то вопросъ, что умъ—родня ³ причинѣ всего, принадлежащей къ числу че- е.

¹ Зевсъ у Платона почитается образомъ высочайшаго ума. Такъ понималъ его и Омиръ (Iliad. XIII, v. 355): ἀλλὰ Ζεὺς πρότερος γέγονε καὶ κλείωνα ἤδη. Phaedr. p. 247 A; 252 C. Plotin. Ennead. III, 5, p. 298 C; IV, 4, p. 403 A.

² Разумѣются Анаксагоръ и его послѣдователи.

³ Что умъ родня причинѣ всего, ὅτι νοῦς ἐστὶ γενούσσης τοῦ πάντων αἰτίου. Это слово γενούσσης въ греческомъ языкѣ неслыханное и, по своему сочетанію звуковъ, какъ будто не греческое. Поэтому нѣкоторые критики приведенное выраженіе считали испорченнымъ; такъ на примѣръ, Беккеръ измѣняетъ его въ слѣдующее: ἐστὶ γένους τοῦ πάντων κ. т. л. Но это—просто догадка, не подтверждаемая кодексами. Изъ нихъ два только, Bodl. et Vat, вмѣсто γενούσσης, имѣютъ γένους τῆς: но это чтеніе не представляетъ грамматической правильности. Защищаютъ и объясняютъ это слово Hesychius (T. I, p. 817): γενούσσης ἐπὶ τοῦ θεοῦ ἐνοίας, ὁ γενητικός; Suidas (T. I, p. 474): γενούσσης (такъ пишетъ его Свида) οὖον γενητής, ἢ συγγενής, ἢ ἔγγονος. τὸ τελευταῖον ἐχδέχεσθαι ἄμενον. Приводитъ γενούσσης и Олимпіодоръ, и видитъ въ немъ λέξιν κατωτέρα. При такомъ различіи чтеній этого слова, что сказать о значеніи его?—Я думаю, что Платоновъ Сократъ измыслилъ γενούσσης не безъ причины и не безъ крайней нужды. Ему надобно было четвертою причиною всего поставить воѣс и, въ то же время, соединить съ нимъ понятіе γενητής или γενής, чтобы, то есть, воѣс оставался не безъ дѣла, какъ у Анаксагора (см. Phaedon. p. 98 B—99 B), но былъ умомъ рождательнымъ и, какъ рождательный, отличался отъ ума самого въ себѣ, или божественнаго. Дальнѣйшее раскрытіе этого Платонова взгляда ясно видно въ Тимей.

тырехъ родовъ, изъ которыхъ былъ у насъ одинъ этотъ. Такъ вотъ ты и имѣешь уже нашъ отвѣтъ.

Прот. И весьма удовлетворительный; хотя ты какъ будто подкрался съ своимъ отвѣтомъ.

Сокр. Шутка, Протархъ, иногда бываетъ отдыхомъ послѣ дѣла серьезнаго.

Прот. Прекрасно сказано.

31. *Сокр.* И такъ умъ-то, другъ мой, къ какому бы роду онъ ни относился, и какую бы силу ни имѣлъ, проясненъ у насъ теперь почти надлежащимъ образомъ.

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А прежде обрисовался предъ нами также и родъ удовольствія.

Прот. И очень.

Сокр. Вспомнимъ же относительно обоихъ и то, что умъ былъ сроденъ съ причиною и почти того же съ нею рода; а удовольствіе—само безпредѣльно и относится къ такому роду, который въ себѣ и отъ себя не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть ни начала, ни середины, ни конца.

- в. *Прот.* Вспомнимъ; какъ не вспомнить!

Сокр. Потомъ намъ надобно разсмотрѣть ¹, въ чемъ есть каждый изъ обоихъ родовъ, и чрезъ какое состояніе происходятъ они, когда происходятъ,—и разсмотрѣть сперва удовольствіе, ибо какъ родъ его мы испытывали прежде, такъ прежде же разсмотримъ и это. Но испытать скорбь отдѣльно отъ удовольствія намъ достаточно нельзя.

Прот. Да, если этимъ путемъ должно идти, то этимъ и пойдемъ.

¹ Сократъ приступаетъ теперь къ рѣшенію вопроса о томъ, въ какой сторонѣ человѣческой природы имѣютъ свою опору, или какъ бы свой пріютъ, удовольствіе и разумность: въ душѣ ли, то есть, живутъ они, или въ тѣлѣ, или въ томъ и другомъ. Говорится также о состояніи души и тѣла, въ которомъ находится человѣкъ, подчиняясь дѣйствию удовольствія и разумности. Отсюда видно, въ какомъ смыслѣ принимаетъ Платонъ слово *κάδος*: это есть страдательное состояніе души относительно къ дѣятельности того или другаго агента.

Сокр. Ну, такъ касательно ихъ бытности то же ли кажется и тебѣ, что мнѣ?

Прот. Что такое? С.

Сокр. Скорбь и удовольствіе, по ихъ существу, представляются мнѣ совмѣщающимися въ общемъ родѣ ¹.

Прот. А общій-то родъ, любезный Сократъ,—напомни намъ,—что хочешь ты означать имъ въ прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ?

Сокр. Это, по силамъ, будетъ сдѣлано, почтеннѣйшій.

Прот. Хорошо сказалъ ты.

Сокр. Подъ общимъ разумѣемъ мы тотъ родъ, который изъ четырехъ называли третьимъ.

Прот. Который поставлялъ ты послѣ безпредѣльнаго и предѣла,—въ которомъ полагалъ, думаю, и здоровье и гармонію?

Сокр. Прекрасно. Теперь съ твоей стороны нужно особен- ное вниманіе. D.

Прот. Говори только.

Сокр. Вотъ и говорю: какъ скоро въ насъ, животныхъ, разрушается гармонія, тотчасъ происходитъ разрушеніе природы и въ то же самое время является бытность скорбей.

Прот. Дѣло очень вѣроятное.

Сокр. И опять, когда она настраивается и возвращается къ своей природѣ,—надобно говорить, что происходитъ удо-

¹ Сократъ полагаетъ, что удовольствія и скорби надобно искать въ родѣ смѣшанномъ (ἐν τῷ κοινῷ γένει): это съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, потому что удовольствіе сперва относимо было къ τὸ ἀπαιρον. Но прежній вопросъ о родѣ удовольствія, разсматриваемаго въ самомъ себѣ, надобно строго отличать отъ настоящаго вопроса объ источникѣ удовольствія и скорби. Удовольствіе и скорбь полагаются теперь въ τῷ κοινῷ или συμμιγμένῳ, если не ошибаюсь, потому, что всѣ животныя и люди, одаренныя чувствомъ удовольствія и скорби, должны относиться къ сущности бытнѣй—ἡγεμενικῆν οὐσίαν; а что есть или только конечное, или безконечное, то не можетъ быть причастно ни удовольствію, ни скорби; потому что въ томъ немислимо ни разрушеніе, ни возстановленіе гармоніи, которая одна есть причина и начало пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій.

вольствіе, если только о вещахъ великихъ можно выразиться кратко и наискорѣйшимъ образомъ.

Прот. Я думаю, Сократъ, что ты говоришь правильно; однакожь постараемся высказать то же самое яснѣе.

Сокр. Не легче ли будетъ понять выраженія простонародныя и извѣстныя?

Прот. Какія?

Сокр. Голодь, вѣроятно, есть разрушеніе и скорбь.

Прот. Да.

Сокр. А принятіе пищи, сопровождаемое опять восполненіемъ, есть удовольствіе.

Прот. Да.

32. *Сокр.* Жажда также есть разрушеніе и скорбь, а сила жидкости, снова восполняющая то, что засохло, есть удовольствіе. Подобнымъ образомъ, отдѣленіе пота и противуестественное разслабленіе отъ жара есть скорбь, а соотвѣтственное природѣ возстановленіе и прохлажденіе есть удовольствіе.

Прот. Конечно.

Сокр. И сгущеніе жидкости отъ холода, противное природѣ животнаго, есть скорбь; а когда жидкости возвращаются опять въ прежнее состояніе и раздѣляются,—этотъ сообразный съ природою путь возвращенія ихъ есть удовольствіе. Однимъ словомъ, смотри, удовлетворительнымъ ли в. кажется тебѣ положеніе, что если родъ одушевленный, по природѣ происходящій, какъ мы говорили прежде, изъ безпредѣльнаго и предѣла, повреждается, то поврежденіе его есть скорбь; а когда онъ возвращается къ своей сущности,—это возвращеніе его есть удовольствіе.

Прот. Пусть такъ; потому что здѣсь, кажется, виденъ какой-то очеркъ.

Сокр. И такъ, въ обоихъ указанныхъ состояніяхъ, положимъ это какъ одинъ родъ скорби и удовольствія.

Прот. Пусть будетъ положено.

Сокр. Положи также въ самой душѣ и ожиданіе, кото-

рымъ предваряются эти состоянія: предъ удовольствіями С. ожидаемое—пріятность и увѣренность, а предъ скорбями—страхъ и томленіе.

Прот. Да, это конечно родъ, отличный отъ удовольствія и скорби, выражаемый ожиданіемъ душевнымъ, независимо отъ тѣла.

Сокр. Правильно понимаешь; потому что изъ этихъ, думаю, —по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію,—чистыхъ и, кажется, не смѣшанныхъ ощущеній скорби и удовольствія ¹ будетъ, примѣнительно къ удовольствію, видно, цѣлый ли означен- D. ный родъ заслуживаетъ принятія, или эти ощущенія надобно намъ отнести къ которомунибудь изъ прежде названныхъ родовъ, а удовольствіе и скорбь, подобно теплотѣ, холоду и всѣмъ такимъ родамъ, то принимать, то не принимать, такъ какъ они—не добро, а только иныя иногда усвояютъ себѣ природу добра.

Прот. Ты очень правильно говоришь; этимъ, вѣроятно, путемъ надобно преслѣдовать то, что теперъ ищется.

Сокр. И такъ, сперва рассмотримъ слѣдующее: если ска- E. занное нами существенно таково, если, то есть, за разрушеніемъ ихъ идетъ печаль, а за возстановленіемъ—удовольствіе; то, когда они и не разрушаются и не возстановляются,

¹ Отнесши удовольствіе и скорбь къ ощущеніямъ смѣшаннымъ, Сократъ теперь называетъ ихъ чистыми, имѣя въ виду, конечно, не то состояніе, въ которомъ они становятся явленіями, то есть, пробуждаются въ тѣлѣ и получаютъ какое-нибудь содержаніе, или извѣстный предметъ, а состояніе, предшествующее имъ, какъ явленіямъ, когда пріятное и непріятное чувствуется еще въ самой душѣ и бываетъ безсодержательнымъ, неосуществленнымъ, просто—надеждою или страхомъ. Эти послѣднія чувствованія можно назвать дѣйствительно чистыми и предполагать ἐν τῷ ἀκέρῳ, какъ удовольствія и скорби сами въ себѣ. Чтобы изъ этого не смѣшаннаго состоянія перейти имъ въ смѣшанное, требуется какое-нибудь ограниченіе ихъ въ безпредѣльномъ силу предѣла, то есть, требуется предметъ, чрезъ который бы ожидаемое слѣдалось дѣйствительнымъ удовольствіемъ, а устрашающее осуществилось дѣйствительною скорбію,—и такимъ образомъ общее перешло бы въ частное. И такъ какъ изъ частнаго еще не видно, таково ли оно, какъ все то общее: то и нельзя всецѣло называть его и принимать какъ добро, безъ примѣси зла, или какъ зло, безъ примѣси добра.

—размыслимъ, что за состояніе будетъ въ каждомъ животномъ при такихъ чувствованіяхъ? Отвѣчай на это со всѣмъ вниманіемъ. Не совершенно ли необходимо, что въ то время никакое животное не будетъ ни скорбѣть, ни наслаждаться удовольствіемъ,—не будетъ нисколько ¹?

Прот. Конечно, необходимо.

Сокр. Такъ это наше расположеніе не есть ли третіе, 33. кромѣ радостнаго и скорбнаго ²?

Прот. Какъ же.

Сокр. Постарайся же теперь помнить о немъ; потому что для сужденія объ удовольствіи не маловажное дѣло, будемъ ли мы помнить это, или нѣтъ. Впрочемъ, если угодно, скажемъ нѣчто относительно этого предмета.

Прот. Что такое? Говори.

Сокр. Кто избралъ жизнь разумную, тому, знаешь, ничто не мѣшаетъ жить такимъ образомъ.

Прот. Ты говоришь о томъ, кто и не радуется и не в. скорбитъ?

Сокр. Вѣдь тогда, при сравниваніи жизней, было сказано ³, что человѣку, избравшему жизнь мыслящую и разумную, не слѣдуетъ нисколько радоваться.

Прот. Да, дѣйствительно такъ было сказано.

Сокр. Вотъ же такъ ему и жить; и, можетъ быть, нѣтъ ничего страннаго, что такая жизнь есть изъ всѣхъ самая божественная.

Прот. Поэтому богамъ естественно будетъ ужъ и не радоваться и не испытывать чувства противнаго ⁴?

Сокр. Не совсѣмъ естественно; по крайней мѣрѣ, какъ

¹ Не будетъ нисколько, μήτε μέγα μήτε σμικρόν. О значеніи этого выраженія см. прим. къ Апологіи Сократа р. 19 С, гдѣ, впрочемъ, вмѣсто μήτε читается οὔτε.

² Для объясненія этого заключенія хорошо сравнить De Rep. X, р. 583 С. Е, гдѣ о безсодержательности скорби и удовольствія говорится то же самое.

³ Здѣсь указывается на прежнія изслѣдованія, р. 21 А—р. 22 Е.

⁴ Это мнѣніе повторяется De Rep. VI, р. 505 sq.; Phaedr. р. 217 А; Epinom. р. 983 А: Ἐξὸν μὲν γὰρ δὴ τὸν τέλος ἔχοντα ἕξω τούτων εἶναι, λύπης τε καὶ ἡδονῆς.

то, такъ и другое состояніе имъ не прилично. Впрочемъ, это мы изслѣдуемъ еще послѣ, когда придется къ слову; а с. теперь доставимъ уму второе мѣсто, если не можемъ доставить ему перваго.

Прот. Ты говоришь весьма правильно.

Сокр. Вѣдь и второй-то родъ удовольствій, который на ходится, говоримъ, въ самой душѣ, весь произошелъ при посредствѣ памяти.

Прот. Какъ?

Сокр. Видно, сперва надобно взяться за память, что такое она; даже прежде опять, чѣмъ за память, должно быть,—за чувство, если хотимъ, чтобы этотъ предметъ былъ для насъ ясенъ по надлежащему.

Прот. Какъ ты говоришь?

D.

Сокр. Положи, что, изъ всегдашнихъ впечатлѣній на наше тѣло, одни, прежде чѣмъ перейти въ душу, погасаютъ въ тѣлѣ и оставляютъ ее безучастною, а другія идутъ въ обѣ эти части и производятъ въ нихъ какъ бы нѣкоторое сотрясеніе, особое и общее въ каждой ¹.

Прот. Пусть будетъ положено.

Сокр. И говоря, что впечатлѣнія, идущія не въ обѣ части, утаиваются отъ нашей души, а въ обѣ—не утаиваются, не весьма ли правильно скажемъ?

Прот. Какъ же иначе.

E.

Сокр. Но утаеніе ты отнюдь не понимай такъ, что будто бы я говорю здѣсь о бытности забвенія; потому что забве-

¹ Обратившись къ изслѣдованію чувства, Платонъ прежде всего различаетъ въ немъ два состоянія: одно—то, въ которомъ душа не принимаетъ участія, а другое—то, которое сознается. Въ первомъ впечатлѣнія дѣлаются на органы, но не возбуждаютъ сознанія и остаются не замѣченными; напротивъ, въ послѣднемъ дѣйствуютъ и тѣло и душа, и каждая изъ этихъ частей—своимъ образомъ. Изъ этого видно, что αἰσθησις у Платона не есть чистое, или страдательное принятіе впечатлѣній, но есть дѣятельность чувствъ, соединенная съ участіемъ или сознаніемъ души. Точно такъ говорится и въ Тимей (р. 43 С): καὶ ὑπὸ πάντων τούτων διὰ τοῦ σώματος αἱ κινήσεις ἐπὶ τὴν ψυχὴν φερόμεναι προσπίπτουσιν αἱ δὲ καὶ ἔπειτα διὰ ταῦτα ἐκλήθησαν τε καὶ νῦν ἐστὶ αἰσθησις ξυνάσασαι κέκληται.

ніе есть удаленіе памяти ¹, а памяти о томъ, о чемъ теперь говорится, еще не было: говорить же комунибудь о потерѣ того, чего нѣтъ и не было, безразсудно. Не такъ ли?

Прот. Какъ же.

Сокр. Стало быть, измѣни только названія.

Прот. Какъ?

Сокр. Вмѣсто утаенія отъ души, когда она не участвуетъ въ потрясеніяхъ тѣла, что теперь называешь ты забвеніемъ, употреби имя: неощущеніе.

Прот. Понимаю.

34. *Сокр.* А если душа и тѣло испытываютъ одно общее впечатлѣніе и сообщая движутся, то ты не погрѣшишь, когда такое движеніе назовешь ощущеніемъ.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. И такъ, мы уже знаемъ, что хотимъ называть ощущеніемъ.

Прот. Какъ же.

В. *Сокр.* Стало быть, ктонибудь, называя память храни тельницею ощущенія, по моему мнѣнію, назвалъ бы ее правильно.

Прот. Конечно, правильно.

Сокр. Но память не отличается ли, скажемъ, отъ воспоминанія?

Прот. Можетъ быть.

Сокр. Не это ли она?

Прот. Что такое?

Сокр. То, когда душа получаетъ впечатлѣнія вмѣстѣ съ тѣломъ. А какъ скоро принимаетъ ихъ непремѣнно сама

¹ Λήθη, утаеніе отъ души, или забвеніе, по разумѣнію Платона, не есть что либо самобытно существующее, или само по себѣ проявившееся (γένεσις); оно, напротивъ, имѣетъ значеніе только отрицательное: оно есть отрицаніе памяти, какъ тьма—отрицаніе свѣта. Забвеніе не свойственно душѣ, одаренной памятью; оно бываетъ только въ тѣлѣ, поодику его дѣятельность не озаряется сознаниемъ души. Συμπ. р. 208 А: λήθη γὰρ ἐπιστήμης ἕξοδος. N e m e s., De natura hom. р. 202, ed. Matth.: λήθη δ' ἐστὶ μνήμης ἀποβολή. Это ἡ μνήμης ἀποβολή и есть то самое, что здѣсь замѣняется словомъ ἀνασθησία.

по себѣ, безъ тѣла, — тогда, говоримъ, душа воспоминаетъ ¹.
Не правда ли?

Прот. Конечно.

Сокр. Вѣдь и тогда, когда, потерявъ память, объ ощущеніи ли то, или также о знаніи, душа снова восстанавливаетъ ее сама по себѣ, — и это все вмѣстѣ называемъ мы припоминаніями и памятованіями.

Прот. Правильно говоришь.

Сокр. А цѣль, для чего все это сказано, вотъ какая.

Прот. Какая?

Сокр. Чтобы какъ нибудь, сколько можно яснѣе, понять удовольствіе души безъ тѣла, и вмѣстѣ пожеланіе: ибо такимъ-то, вѣроятно, способомъ объяснится то и другое.

Прот. Будемъ же говорить, Сократъ, что за этимъ слѣдуетъ.

Сокр. При разсужденіи о бытности удовольствія и всей его формѣ, настоитъ необходимость, какъ видно, изслѣдовать D. многое. И вотъ теперь прежде всего нужно, кажется, взяться за пожеланіе, — что такое оно и откуда происходитъ.

Прот. Такъ изслѣдуемъ; вѣдь ничего не потеряемъ.

Сокр. Да! Потеряемъ и тутъ-то, Протархъ, если найдемъ, что ищемъ: потеряемъ сомнѣніе касательно этого предмета.

Прот. Правильно отразилъ. Постараемся же сказать о дальнѣйшемъ.

Сокр. Не назвали ли мы недавно пожеланіями голодь, жажду и многое другое подобное?

¹ Подъ именемъ памяти Платонъ разумѣетъ, какъ видно, сознательное представленіе впечатлѣній, принятыхъ чрезъ чувства, слѣдовательно при посредствѣ тѣлесныхъ органовъ. Но если въ памяти воскресаютъ такіа представленія, которыя не проходили чрезъ область чувственности, то восстановление ихъ у Платона называется уже воспоминаніемъ. Такое различіе между памятью и воспоминаніемъ, конечно, не совсѣмъ согласно съ наблюденіемъ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что возбудительницею хранимыхъ въ памяти представленій должна быть сила не чувственной, а духовной природы: потому что воспоминаются обыкновенно не самые образы вещей, а представленія ихъ, и воспоминаются такъ, что вводятся въ формы пространства и времени и озаряются сознаніемъ, чего природѣ чувственной приписать нельзя. Впрочемъ, употребляя выраженіе: ἀπολέσαι μνήμη, и потомъ ἀναπολέσαι πάλιν αὐτήν, Платонъ какъ будто и самъ возвращается къ обыкновенному понятію о памяти и воспоминаніи.

Прот. Да и положительно.

Сокр. На что же смотря, какъ на тожественное ¹, на-
Е. звали мы однимъ именемъ вещи столь различныя?

Прот. Это, клянусь Зевсомъ, Сократъ, можетъ быть, не
легко сказать. Впрочемъ, говорить надобно.

Сокр. Начнемъ опять съ того же, оттуда.

Прот. Откуда?

Сокр. Вѣдь мы всякій разъ говоримъ, что нѣчто жаждетъ.

Прот. Какъ же.

Сокр. А это не значить ли—пустѣеть?

Прот. Конечно.

Сокр. Стало быть, жажда не есть ли желаніе?

Прот. Да, по крайней мѣрѣ—питья.

35. *Сокр.* Питья, или восполненія питья?

Прот. Думаю-таки, восполненія ².

Сокр. Поэтому опустѣвающій изъ насъ жаждетъ, какъ
видно, противнаго тому, чѣмъ впечатлѣвается. Вѣдь опу-
стѣвающій жаждетъ восполниться ³.

¹ На что смотря, какъ на тожественное. Здѣсь ταὐτὸν то же, что τὸ ἐν или τὸ γένος, τὸ εἶδος. Слѣдовательно, Сократъ выражаетъ такую мысль: подъ какимъ родомъ мы рассматриваемъ столь многія и столь различныя вещи, что называемъ ихъ однимъ именемъ?—Поэтому Диогенъ Лаэртій II, 63), Свида и Фаворинъ правильно говорятъ: Πλάτων καλεῖ καὶ τῆ ἰδέαν οὕτε κινούμενον οὕτε μένον, καὶ ταὐτὸ, καὶ ἐν, καὶ πολλὰ.

² Думаю-таки, восполненія, οἶμαι μὲν πληρώσεως. О значеніи частицы μὲν въ рѣчи вопросительной см. Charm. p. 278 С. Гораздо труднѣе подмѣтить ея значеніе, когда она употребляется при отвѣтахъ и соотвѣтствуетъ Латинскому quidem. Въ такихъ случаяхъ μὲν, равно какъ и quidem, имѣетъ легкій оттѣнокъ уступки, который, кажется, можетъ быть выражаемъ нашею частицею т а к ъ . Legg. III, in.: οἶμαι μὲν, ἀπὸ χρόνου μήκουσ, думаю-таки,—отъ продолжительности времени; De Rep. IV, p. 423 В: οἶμαι μὲν, τῆ δ' ἐγὼ, х. т. л., думаю-таки, сказалъ я, и т. д. Германъ (ad Viger. p. 841) говоритъ объ этомъ иначе: если послѣ μὲν не слѣдуетъ δὲ, то, по его мнѣнію, надобно подразумѣвать или одно это δὲ, или цѣлое положеніе, сопровождаемое частицею δὲ. Но употребленіе не оправдываетъ Германа мнѣнія. Sophist. p. 231 D: δοκῶ μὲν γάρ, τὸ πρῶτον εὐρέθη,—вѣдь мнѣ кажется-таки, что первое найдено.

³ Желанія наши всегда сопровождаются какимъ-то чувствомъ пустоты или недостатка, и стремленіемъ восполнить недостающее. Изъ этого Сократъ заключаетъ, что желанія наши возбуждаются не въ тѣлѣ, а въ душѣ. Доказательство идетъ такъ. Всякое желаніе есть стремленіе получить какую нибудь

Прот. Это ужъ очень ясно.

Сокр. Что же? Человѣкъ, опустѣвающій въ первый разъ, могъ ли бы откуданибудь или чувствомъ ухватиться за восполненіе, или памятью объ этомъ, если онъ и въ настоящее время не получаетъ такого впечатлѣнія и прежде никогда не получалъ?

Прот. Да какъ же?

Сокр. Между тѣмъ мы сказали, что желающій-то чего в. нибудь желаетъ?

Прот. Какъ же не сказать?

Сокр. Стало быть, онъ желаетъ не того, чѣмъ впечатлѣвается-то. Вѣдь онъ жаждетъ: это—опустѣніе; а желаетъ: это—восполненіе.

Прот. Да.

Сокр. Слѣдовательно, за восполненіе хватается какъ бы что-то изъ принадлежностей жаждущаго.

Прот. Необходимо.

Сокр. Но тѣло не можетъ; потому что оно опустѣваетъ.

Прот. Да.

Сокр. Стало быть, за восполненіе остается хвататься ду- сѣ, — и явно, что памятью; ибо чѣмъ инымъ ухвати- лась бы она?

Прот. Почти ничѣмъ.

Сокр. Узнаемъ ли мы теперь, что слѣдуетъ изъ этихъ нашихъ словъ?

Прот. Что такое?

Сокр. Это разсужденіе говоритъ намъ, что желаніе принадлежитъ не тѣлу.

Прот. Какъ?

вещь, которой не имѣемъ и которою хотимъ восполниться. Поэтому мы желаемъ чего-то противнаго тому, чѣмъ впечатлѣны. А такъ какъ намъ и чувствовать нельзя ничего, что не сдѣлало на насъ впечатлѣнія, и вспомнить невозможно ни о чемъ, чего никогда не чувствовали: то явно, что душа къ мысли о восполненіи приводится памятью, и что самое желаніе возбуждается не въ тѣлѣ, а въ душѣ.

Сокр. Такъ, что всякое животное всегда стремится къ тому, что противно его впечатлѣніямъ.

Прот. И очень.

Сокр. А стремленіе-то, ведущее къ противному, чѣмъ каковы впечатлѣнія, показываетъ, что память есть памятованіе того, что противно впечатлѣніямъ.

Прот. Конечно.

Д. *Сокр.* Стало быть, это разсужденіе, показывая, что память ведетъ къ предметамъ желанія, открываетъ, что всякое стремленіе и желаніе принадлежитъ душѣ и управляетъ всѣми животными.

Прот. Весьма правильно.

Сокр. Посему это разсужденіе никакъ не допускаетъ, что жажда, или алкать, или чувствовать иное тому подобное, свойственно нашему тѣлу.

Прот. Очень справедливо.

Сокр. Притомъ, объ этомъ же самомъ размыслимъ и слѣдующее: наше разсужденіе именно здѣсь, кажется, хотеть указать намъ и нѣкоторый (особенный) родъ жизни.

Е. *Прот.* Гдѣ и о какой жизни говоришь ты?

Сокр. Въ восполненіи и опустѣніи, и во всемъ, что относится къ сохраненію и порчѣ животныхъ; и кто изъ насъ находится въ томъ или другомъ состояніи, тотъ, смотря по переменамъ, либо скорбитъ, либо радуется.

Прот. Такъ.

Сокр. А что, если онъ будетъ въ срединѣ между этими состояніями?

Прот. Какъ въ срединѣ?

Сокр. Кто находится подъ впечатлѣніемъ скорби, но помнить, какъ было бы пріятно, если бы скорбь его прекратилась, только этого восполненія еще не произошло: что тотъ? Скажемъ, или не скажемъ, что онъ въ срединѣ впечатлѣній?

Прот. Конечно, скажемъ.

Сокр. Неужели онъ всецѣло скорбитъ, или также и радуется?

Прот. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, онъ скорбитъ какою-то двойною скорбію: тѣлесно находится подъ впечатлѣніемъ, а душевно—подъ нѣкоторымъ желаніемъ чаянія ¹.

Сокр. Какъ это, Протархъ, говоришь ты о двойности скорби? Не бываетъ ли, что иной изъ насъ, опустѣвая, имѣетъ несомнѣнную надежду восполниться, а иной, напро- В. тивъ, остается безъ надежды?

Прот. И конечно.

Сокр. Не кажется ли тебѣ также, что, надѣясь быть восполненнымъ, онъ увеселяется памятью, а опустѣвая, въ то самое время печалится?

Прот. Необходимо.

Сокр. Стало быть, тогда какъ человѣкъ, такъ и другія животныя скорбятъ и вмѣстѣ радуются.

Прот. Должно быть.

Сокр. Что же, когда опустѣвающій не имѣетъ надежды получить восполненіе? Не тогда ли бываетъ то двойное впечатлѣніе скорби? и не эту ли скорбь замѣтилъ ты теперь и подумалъ, что она просто ² двойная? С.

Прот. Очень справедливо, Сократъ.

Сокр. Такъ этимъ изслѣдованіемъ упомянутыхъ впечатлѣній мы воспользуемся ³ слѣдующимъ образомъ.

Прот. Какимъ?

Сокр. Скажемъ ли, что замѣченныя скорби и удоволь-

¹ Желаніе чаянія, *προσδοκία πόθος*, есть такое состояніе, въ которомъ человѣкъ вызываетъ воображеніемъ не самое прекращеніе скорби, а только еще надежду на прекращеніе ея; пріятно бы, то есть, было и ожидать того времени, когда она прекратится.

² Что она просто двойная, *ἀπλῶς εἶναι διπλοῦν*, т. е. безъ всякаго исключенія. Такъ нерѣдко употребляются *ἀπλῶς* и *ἀπλοῦν*. *Sympos.* p. 183 С.

³ Вопросъ объ истинныхъ и ложныхъ удовольствіяхъ и скорбяхъ разсматривается также и въ Государствѣ (IX, p. 585 A sqq.); но тамъ, по обстоятельствамъ изслѣдованія, нѣсколько иначе. *Nemes., De nat. hom.* p. 223: Καὶ γὰρ κατὰ Πλάτωνα τῶν ἡδονῶν αἱ μὲν εἰσι ψευδεῖς, αἱ δὲ ἀληθεῖς. Ψευδεῖς μὲν, ὅσαι μετ' αἰσθησεως γίνονται καὶ δόξης οὐκ ἀληθοῦς, καὶ λύπας ἔχουσι συμπλεγμένας ἀληθεῖς δὲ, ὅσαι τῆς ψυχῆς εἰσι μόνης αὐτῆς καθ' ἑαυτὴν μετ' ἐπιστήμης καὶ νοῦ καὶ φρονήσεως, καθαραὶ καὶ ἀνεπίμητοι λύπης, αἷς οὐδεμία μετάνοια παρακολουθεῖ ποτέ.

ствія всѣ истинны или ложны, или—однѣ истинны, а другія нѣтъ?

Прот. Какимъ же образомъ, Сократъ, удовольствія или скорби могли бы быть ложными?

Сокр. А какимъ образомъ, Протархъ, бываютъ истинные или ложные страхи, истинныя или нѣтъ ожиданія ¹, истинныя или ложныя мнѣнія?

D. *Прот.* Что касается мнѣній, то, пожалуй, уступлю, но касательно прочаго—нѣтъ.

Сокр. Что ты говоришь? Вѣдь мы, должно быть, возбуждаемъ разсужденіе очень немаловажное.

Прот. Правда.

Сокр. А если, сынъ того мужа ², понадобится разсмотрѣть, идетъ ли это къ сказанному прежде?

¹ О множественномъ числѣ именъ: φόβοι и προσδοκίαι, страхи и ожиданія, надобно замѣтить то, что эти и другія имена неизмѣнно становятся многими, какъ скоро изъ области отвлеченныхъ понятій переходятъ въ міръ предметовъ конкретныхъ. По мѣрѣ того, какъ съ извѣстными именами соединяется то или другое содержаніе, они необходимо должны разнообразиться, и тогда, для соединенія ихъ въ одномъ родѣ, родовое понятіе принимаетъ число множественное. Такимъ образомъ страхи, ожиданія, надежды, какъ и латинскія—timores, metus, spes, суть не иное что, какъ отвлеченныя понятія, ограниченныя различными отличительными признаками, и потому перешедшія въ число множественное.

² Такое же обращеніе дѣлаетъ философъ De Rep. II, p. 368 A: ὁ παῖδες ἐκείνου τοῦ ἀνδρός. Этою шуткою могъ онъ затрогивать какъ Филеба, который имѣлъ привычку называть своихъ учениковъ словомъ παῖδες, такъ и Протарха, который слѣдовалъ его образу мыслей; а слѣдовавшихъ кому набудь во взглядѣ на вещи или въ родѣ занятій обыкновенно называли παῖδας τινος. Такъ, Legg. p. 769 B: παῖδες ζωγράφων. Дальнѣйшими же словами Сократъ вѣжливо обличаетъ своихъ собесѣдниковъ въ томъ, что прежде они сами признавали справедливость его положеній, а теперь отказываются отъ прежняго своего убѣжденія. «Мнѣ кажется, Филебъ, что Сократъ говоритъ это прекрасно», сказалъ тогда Протархъ, p. 17 E.—«И мнѣ тоже кажется», подтвердилъ Филебъ; «но къ чему же теперь высказана намъ эта мысль? Съ какимъ намѣреніемъ?»—«А вѣдь Филебъ правильно спросилъ насъ объ этомъ, Протархъ», примолвилъ Сократъ.—«Конечно, и отвѣчай-таки ему», сказалъ Протархъ.—Потомъ, когда Сократъ раскрылъ этотъ предметъ, Филебъ замѣтилъ: «въ настоящей рѣчи, какъ и въ сказанной немного прежде, мнѣ недостаетъ того же.»—А Сократъ на это:—«къ чему, то есть, опять говорится это, Филебъ?»—Филебъ же отвѣчалъ: «да, объ этомъ давно уже спрашиваемъ мы—и Протархъ.»—Или въ

Прот. Можетъ быть, и понадобится.

Сокр. Такъ намъ слѣдуетъ распрощаться и съ другими длиннотами ¹, какъ будто бы все, что нами ни говорилось, къ дѣлу не относится.

Прот. Правильно.

Сокр. Скажи же мнѣ: вѣдь меня-то постоянно удивляютъ Е. недоумѣнія касательно того же самага, что сейчасъ предложили мы.

Прот. Что хочешь ты сказать?

Сокр. Такъ изъ удовольствій не бываютъ одни истинными, а другія ложными?

Прот. Какъ бывать?

Сокр. Значить, ни наяву ни во снѣ ², ни въ неистовствѣ ни въ помѣшательствѣ, не будетъ, говоришь ты, никого, кому казалось бы, что онъ радуется, а на самомъ дѣлѣ отнюдь не радовался, или кому казалось бы, что онъ скорбитъ, а на самомъ дѣлѣ не скорбѣлъ.

Прот. Всѣ мы полагаемъ, Сократъ, что это такъ.

Сокр. И правильно? Или нужно изслѣдовать, правильно ли говорится это, или нѣтъ?

Прот. Я полагалъ бы, что нужно изслѣдовать. 37.

Сокр. Опредѣлимъ еще яснѣ ³ то, что недавно говорено

виду эти слова своихъ собесѣдниковъ, Сократъ теперь шутливо замѣчаетъ имъ, что все, имъ сказанное, вызвано было ихъ вопросами, и что рѣшеніе этихъ вопросовъ они тогда одобрили, а теперь длинныя тѣ разсужденія бросаютъ въ сторону, какъ будто бы они къ дѣлу не относятся.

¹ Съ другими длиннотами, τοῖς ἄλλοις μήκεισι. Разумѣются боковые приемы или обороты рѣчи, для раскрытія предмета. Μήκος, т. е. λόγος; но иногда это слово въ сказанномъ значеніи употребляется и безъ прибавленія λόγος. De Rep. IV, p. 437 A.

² Ни наяву, ни во снѣ. Οὐτε δὴ ἐν αὐτῷ οὐδ' ἐν ὕπνῳ есть выраженіе собственно проverbsальное и значить: никакимъ образомъ. Такъ употребляется оно и ниже, p. 65 E. Но здѣсь мы встрѣчаемъ его въ одной конструкціи съ другимъ выраженіемъ: οὐτ' ἐν παντίαις οὐτ' ἐν παραφροσύναις, и потому находимъ приличнымъ удержать буквальный смыслъ его.

³ Русское выраженіе «имѣть мнѣніе» здѣсь не совсѣмъ соотвѣтствуетъ греческому δοξάζειν. Этотъ глаголъ по-гречески имѣеть значеніе чисто психологическое или субъективное, и соотвѣтствуетъ недостаточному русскому глаголу

было объ удовольствіи и мнѣніи. Имѣть мнѣніе, вѣроятно, значить вѣдь у насъ что нибудь?

Прот. Да.

Сокр. И испытывать удовольствіе?

Прот. Да.

Сокр. Не безъ значенія также и мнимое?

Прот. Какъ же иначе?

Сокр. Равно какъ и предметъ, отъ котораго испытывающій удовольствіе испытываетъ его?

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. Такъ имѣющій мнѣніе,—правильно ли, или неправильно мнить онъ,—этого самаго «мнить» собственно никогда не теряетъ.

В. Прот. Какъ терять?

Сокр. Равнымъ образомъ и испытываніе удовольствія: правильно ли кто испытываетъ его или неправильно, самое это «испытывать удовольствіе», явно, что никогда не теряется.

Прот. Да, и это такъ.

Сокр. Какимъ же образомъ мнѣніе обыкновенно бываетъ у насъ ложнымъ и истиннымъ, а дѣло удовольствія—только истиннымъ, если мнить и радоваться, въ самомъ дѣлѣ, одинаково свойственно тому и другому?

С. Прот. Надобно изслѣдовать.

Сокр. То ли, говоришь, надобно изслѣдовать, что мнѣнію прирождены ложь и истина, и оттого вышло не только мнѣніе, но мнѣніе, въ ту или другую сторону качественное?

Прот. Да.

мнить. Напротивъ, въ выраженіи: имѣть мнѣніе, слово «мнѣніе» есть знакъ предмета, слѣдовательно принимается въ смыслѣ объективномъ. Сократъ въ этомъ мнѣтѣ доказываетъ, что скорбь и удовольствіе суть ощущенія пустыя и суетныя. Съ перваго взгляда, такое положеніе представляется, конечно, страннымъ, потому что удовольствія и скорби даютъ чувствовать себя очень живо; однакожъ доказательство Сократа имѣетъ свое значеніе, такъ какъ ложныя удовольствія раждаются отъ ложныхъ мнѣній, а радоваться чему нибудь основываясь на ложномъ мнѣніи, разумѣется, безразсудно.

Сокр. И кромѣ того, надобно еще согласиться намъ вотъ въ чемъ: правда ли, что тогда какъ все другое непремѣнно имѣеть у насъ качества, только удовольствіе и скорбь есть то, что есть, качества же не имѣють никакихъ?

Прот. Явно.

Сокр. Между тѣмъ, то-то не трудно замѣтить, что въ нихъ есть и качества; ибо мы давно уже говорили, что то и другое—скорби и удовольствія—бываютъ и велики, и малы, и сильны. D.

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А когда къ которому нибудь изъ нихъ, Протархъ, привѣтся еще и нравственно худое, мы вѣдь скажемъ, что такимъ образомъ мнѣніе стало худымъ и удовольствіе стало худымъ.

Прот. Какъ же иначе, Сократъ?

Сокр. Что жъ, если къ которому нибудь изъ нихъ привѣтся правильность, или противное правильности? Не назовемъ ли мы, думаю, мнѣнія правильнымъ, какъ скоро въ немъ есть правильность,—тоже и удовольствія?

Прот. Необходимо.

Сокр. Не слѣдуетъ ли также согласиться, что когда мнѣніе мое бываетъ погрѣшительно, погрѣшающее-то тогда мнѣніе будетъ неправильнымъ и неправильно мнѣщимъ? E.

Прот. Какъ же.

Сокр. И опять: что, если видимъ погрѣшность въ скорби или въ удовольствіи, относительно того, о чемъ бываетъ скорбь или противное ей,—назовемъ ли ее правильною, доброю, или которымъ нибудь изъ именъ хорошихъ?

Прот. Но, какъ скоро удовольствіе-то погрѣшаетъ, это невозможно.

Сокр. Притомъ видно вѣдь, что удовольствіе часто сопровождается у насъ не правильнымъ, а ложнымъ мнѣніемъ.

Прот. Какъ не сопровождаться. Но мнѣніе-то, Сократъ, мы и тогда въ этомъ отношеніи называли ложнымъ; а самаго 38. удовольствія никто и никогда не называлъ такимъ.

Сокр. Ты, Протархъ, ревностно защищаешь теперь дѣло удовольствія.

Прот. Совсѣмъ нѣтъ; я говорю, что слышу.

Сокр. Но все ли равно для насъ, другъ мой,—съ правильнымъ мнѣніемъ и знаніемъ часто въ каждомъ изъ насъ соединяется удовольствіе, или съ ложью и незнаніемъ?

В. *Прот.* По видимому, тутъ конечно не мало разницы.

Сокр. Такъ перейдемъ же къ разсмотрѣнію разницы между этимъ.

Прот. Направляй рѣчь, къ чему тебѣ кажется.

Сокр. Направляю сюда.

Прот. Куда?

Сокр. Мнѣніе, сказали мы, бываетъ у насъ ложное, бываетъ и истинное?

Прот. Такъ.

Сокр. А за ними,—разумѣю, за истиннымъ и ложнымъ мнѣніемъ,—какъ сейчасъ говорили, часто слѣдуютъ удовольствіе и скорбь.

Прот. Конечно.

С. *Сокр.* Но не отъ памяти ли и чувства происходитъ у насъ всякій разъ рѣшимость распознавать?

Прот. И очень.

Сокр. И не необходимо ли намъ въ этомъ отношеніи мыслить о себѣ такъ?

Прот. Какъ?

Сокр. Не сказалъ ли бы ты, что кому нибудь, смотрящему на предметъ издали не очень ясно, приходится хотѣть судить о томъ, что онъ видитъ?

Прот. Сказалъ бы.

Сокр. Послѣ сего, не спросилъ ли бы онъ себя такъ?

Прот. Какъ?

Сокр. Что это стоитъ тамъ у скалы, представляющееся D. подъ какимъ-то деревомъ?—Не кажется ли тебѣ, что этотъ вопросъ далъ бы себѣ кто нибудь, смотря на такіе, рисуемые ему образы?

Прот. Какой же иначе?

Сокр. И если бы послѣ того онъ, какъ бы въ отвѣтъ себѣ сказалъ, что это—человѣкъ, то не наугадъ ли сказалъ бы? Е.

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. А подошедши потомъ ближе къ предмету, не прибавилъ ли бы, что это—статуя, произведение какихъ-то пастуховъ¹?

Прот. И очень-таки.

Сокр. Но пусть бы ктонибудь былъ съ нимъ, и, что говорилъ онъ самъ въ себѣ, пусть то самое высказывалъ бы этому присутствующему открытымъ словомъ: тогда, какъ онъ высказывалъ бы это, рѣчь его не была ли бы тѣмъ, что прежде называли мы мнѣніемъ?

Прот. Чѣмъ же иначе?

Сокр. А когда былъ бы онъ одинъ и о томъ же размышлялъ бы самъ съ собою, тогда провелъ бы въ этомъ иной разъ и много времени.

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Что же? Относительно этихъ явленій представляется ли тебѣ то, что мнѣ?

Прот. Что такое?

Сокр. Мнѣ кажется, что наша душа походитъ тогда на какую-то книгу.

Прот. Какъ?

Сокр. Память, какъ скоро она приходитъ къ тожеству³⁹. съ ощущеніями, и находящіяся въ связи съ ними впечат-

¹ Статуи, ἀγάλματα, были изображенія, поставляемыя въ поляхъ и на лугахъ, въ честь боговъ, какъ памятники какихънибудь частныхъ событий. Онѣ дѣлаемы были изъ дерева, камня, глины и изъ другихъ подобныхъ веществъ. Этимологию и употребленіе слова ἀγάλμα подробно объясняетъ R u h n k e n, p. 3: "Ἀγάλμα ὅτ' ἀγάλλειν—nitidum reddere, aliquid exornare. Отсюда—Svidas: ἀγάλματα πάντα τὰ κόσμου τινος μετέχοντα. Homer: βασιλῆϊ δὲ καίται ἀγάλμα. Pindarus: τ' ἐπὶ τάρου σήλην ὀττω καλεῖ. Eustath: τοὺς ἀστέρας dixit ἀγάλματα νοκτός. Charito, Lib. 1, p. 1: Καλλιρρόην, θαυμαστόν τι χρῆμα παρθένου, καὶ ἀγάλμα τῆς ὄλης Σικελίας. Сравни. Platon, Menon, p. 23 E; Phileb. p. 83 E; Charm. p. 236 A.

лѣнія, кажется мнѣ, будто записываютъ ¹ рѣчи въ душахъ нашихъ; и если такимъ сочетаніемъ ихъ записывается истина, то рождается въ насъ и мнѣніе истинное, а отъ него и истинныя рѣчи; когда же этотъ писецъ нашъ записываетъ ложь,—выходятъ противныя истиннымъ.

Прот. Это мнѣ очень нравится, и такія слова я принимаю.

Сокр. Прими же и другаго художника ², который въ то же самое время рождается въ нашихъ душахъ.

Прот. Какого?

Сокр. Живописца, который, вслѣдъ за списывателемъ упомянутыхъ рѣчей, рисуешь въ душѣ образы ихъ.

Прот. Но какимъ образомъ и когда, говоримъ, этотъ рождается?

Сокр. Тогда, когда кто нибудь, отвлекая отъ зрѣнія или отъ другаго чувства мнимое и выражаемое словами, какъ бы смотреть на образы вещей мнимыхъ и высказываемыхъ.

С. Или этого у насъ не бываетъ?

Прот. Чаше всего.

Сокр. Но не правда ли, что образы мнѣній и рѣчей истинныхъ бываютъ истинны, а ложныхъ—ложны?

¹ Способность записывать рѣчи въ душѣ Платонъ усваиваетъ не одной памяти самой по себѣ, но памяти вмѣстѣ съ впечатлѣніями—*παθήματα τοῖς περὶ αἰσθησίαις*. Память проявляетъ свою дѣятельность, какъ скоро есть ощущение; а ощущение бываетъ вслѣдствіе впечатлѣній. Поэтому память есть подлежательное условіе памятованія, а впечатлѣнія суть условія подлежательныя. Отношеніе памяти къ ощущеніямъ таково же, каково отношеніе τῆς διανοίας πρὸς τοὺς ἐντὸς τῆς ψυχῆς λόγους (*Sophist.* p. 263 D): *διανοία καὶ λόγος ταῦτόν, πλὴν ὁ μὲν ἐντὸς τῆς ψυχῆς πρὸς αὐτὴν διάλογος ἀνευ φωνῆς γιγνώμενος τοῦτ' αὐτὸ ἡμῖν ἐπωνομάσθη διάνοια*.—*Τὸ δὲ γ' ἀπ' ἐκείνης ρεῖμα διὰ τοῦ στόματος ἰὸν μετὰ φθόγγου κέκληται λόγος*. При такой связи памяти съ впечатлѣніями, уже не удивительно, что далѣе τοῦτο τὸ πάθημα называется ὁ τοιοῦτος παρ' ἡμῖν γραμματεὺς.

² Теперь Сократъ приступаетъ къ описанію другой способности души, находящейся въ ближайшей связи съ первою и называемой *φαντασία*. Она, по мнѣнію Сократа, есть какъ бы усовершенительница принятыхъ душою образовъ. Этотъ предметъ объясняется также въ *Софистѣ*, p. 260 E. sq., а особенно съ стр. 264 A. *Δόξα* тамъ называется рѣчью, какъ бы заключенною въ душѣ. Если понимаемая такимъ образомъ *δόξα* остается не одна, а соединяется съ ощущеніемъ чувствъ, то называется видѣніемъ или фантазією, которая есть какъ бы смѣшеніе чувства и мнѣнія. Посему для фантазіи требуется внутреннее, въ себѣ самоѣ, созерцаніе образовъ того, что мнится и высказывается.

Прот. Непремѣнно.

Сокр. Если же это сказали мы правильно, то теперь рассмотримъ и слѣдующее.

Прот. Что такое?

Сокр. Быть намъ такими необходимо только ли въ отношеніи къ настоящему и прошедшему, а въ отношеніи къ будущему—нѣтъ ¹?

Прот. Конечно, одинаково по отношенію ко всѣмъ временамъ.

Сокр. Не сказали ли мы прежде, что удовольствія-то и D. скорби рождаются въ самой душѣ ², поколику они ранѣе удовольствій и скорбей тѣлесныхъ,—такъ что намъ приходится напередъ радоваться и скорбѣть о томъ, что имѣетъ быть во времени будущемъ?

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Но не правда ли, что тѣ письма и рисунки, которыя, какъ мы положили немного прежде, рождаются въ насъ,—что эти письма и рисунки относятся ко времени прошедшему и настоящему, а къ будущему не относятся? E.

Прот. Совершенная правда.

Сокр. Въ томъ ли смыслѣ называешь ты ее совершенною, что все это суть надежды, простирающіяся на время послѣдующее, и что мы во всю жизнь полны бываемъ надеждъ?

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А ну-ка, къ сказанному теперь, отвѣчай и на слѣдующее.

Прот. На что?

Сокр. Человѣкъ справедливый, благочестивый и добрый не непремѣнно ли боголюбивъ?

¹ Эта вопросительная рѣчь у Платона выражается такъ: εἰ περὶ μὲν τῶν ὄντων καὶ τῶν γεγονότων κ. т. л. Но εἰ никогда не употребляется при вопросѣ прямомъ; потому здѣсь надобно понимать вопрошеніе косвенное, и поставлять его въ зависимость отъ стоящаго выше τὸδε σκεφόμεθα, не смотря на то, что за этимъ тотчасъ слѣдуетъ τὸ ποῖον.

² Указывается р. 33 С sqq.; р. 34 В.

Прот. Что же иное?

Сокр. Ну, а несправедливый и совершенно злой не на-
40. противъ ли, сравнительно съ нимъ?

Прот. Какъ не напротивъ!

Сокр. Такъ вотъ всякій человѣкъ, какъ мы сейчасъ
сказали, полонъ многихъ надеждъ.

Прот. Почему не полонъ.

Сокр. И вотъ рѣчи въ каждомъ изъ насъ, которыя ¹
называемъ мы надеждами.

Прот. Да.

Сокр. Равно какъ и нарисованныя представленія ²: иной
нерѣдко видитъ у себя множество накопленнаго золота и
съ нимъ питаетъ много надеждъ; даже съ удовольствіемъ
смотреть въ себѣ и на свой собственный живописный образъ.

В. *Прот.* Бываетъ и такъ.

Сокр. Но скажемъ ли, что въ добрыхъ писанія полагают-
ся большею частію истинныя, и потому добрые боголюбезны,
а въ злыхъ опять—большею частію напротивъ? Или не ска-
жемъ?

Прот. И очень нужно сказать.

Сокр. Вѣдь и въ злыхъ удовольствія-то тѣмъ не менѣе
живописны, только они ложны.

Прот. Какъ же иначе.

Сокр. Стало быть, злые наслаждаются удовольствіями по
С. большей части ложными, а люди добрые—истинными.

Прот. Совершенно необходимо.

Сокр. Такъ, по этимъ словамъ, въ человѣческихъ душахъ
есть удовольствія ложныя, которыя смѣшнымъ образомъ по-
дражаютъ истиннымъ; тоже и скорби.

¹ Рѣчи, которыя называемъ мы надеждами,—λόγοι—ἄς ἐλπίδας ὀνομάζομεν. Такое притяженіе мѣстоименія относительнаго у Платона весьма нерѣдко. Phaedr. p. 255 C; Theaet. p. 157 C, и выше p. 29 E. У грамматиковъ называется это attractio pronominis relativi; какъ здѣсь,—вмѣсто λόγοι, οὗς ἐλπίδας ὀνομάζομεν, стоитъ: λόγοι, ἄς ἐλπίδας ὀνομ.

² По-гречески: καὶ δὴ καὶ τὰ φαντάσματα ἐξωγραφημένα, т. е. τὰ φαντάσματα, ἃ σικρῶ πρότερον ἐτίθεμεν ἐν ἡμῖν γίγνεσθαι, какъ было сказано выше, p. 39 D.

Прот. Есть.

Сокр. Нельзя ли было всегда дѣйствительно мнить тому, у кого мнѣнія иногда вовсе не относились ни къ существующимъ предметамъ, ни къ бывшимъ, ни къ будущимъ?

Прот. Конечно, можно.

Сокр. И вотъ, думаю, было то, что дѣлало тогда мнѣ- D. ніе ложнымъ и заставляло ложно мнить. Не такъ ли?

Прот. Да.

Сокр. Что жъ? Не приписать ли скорбямъ и удовольствіямъ соответствующихъ имъ свойствъ, примѣнительно къ тѣмъ ¹?

Прот. Какъ?

Сокр. Такъ, что можно было всегда дѣйствительно радоваться тому, кто радовался попусту, иногда и не о существующемъ, и не о бывшемъ, а часто—даже, можетъ быть, многократно—о томъ, чего никогда и не будетъ.

Прот. И это необходимо такъ бываетъ, Сократъ. E.

Сокр. Не то же ли надобно сказать и о страхахъ, и о раздраженіяхъ, и о другихъ подобныхъ движеніяхъ,—что всѣ они иногда бываютъ и ложными?

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Что же? Худыя мнѣнія—да и хорошія ²—иначе ли, скажемъ, происходятъ, чѣмъ ложныя?

Прот. Не иначе.

Сокр. И удовольствія-то, думаю, мы почитаемъ худыми не по чемунибудь иному, а только потому, что они ложны. 41.

Прот. Ты, Сократъ, сказалъ совершенно противное. Скор-

¹ Соответствующихъ свойствъ, примѣнительно къ тѣмъ, то есть, къ мнѣніямъ. Здѣсь Платоново выраженіе ἀντίστροφος ἕξις въ наукѣ обыкновенно называется correlatum, quod alteri tanquam ex altera parte respondet, какъ ниже 51 E, 57 A; Gorg. p. 464 B, 465 D; Tim. p. 87 C. Въ удовольствіяхъ соответствуетъ мнѣніямъ то, что если ктонибудь и дѣйствительно (ὄντως) радуется, то радуется вещамъ, которыхъ нѣтъ и не было.

² Худыя мнѣнія—да и хорошія,—πονηρὰς δόξας καὶ χρηστὰς. Явно, что Сократъ здѣсь намѣренъ говорить только о худыхъ мнѣніяхъ; поэтому καὶ χρηστὰς кажется будто лишнимъ. Но слово χρηστὰς поставлено здѣсь мимоходомъ, и нисколько не казалось бы неумѣстнымъ, если бы выраженіе было таково: πονηρὰς δόξας, καὶ μὴν χρηστὰς... какъ Polit. p. 297 A, и выше p. 26 D.

би и удовольствія почитаются худыми не совѣмъ потому, что они ложны; эти чувствованія принимаютъ черты другой великой и многообразной порочности.

Сокр. О худыхъ удовольствіяхъ, сдѣлавшихся такими по порочности, мы скажемъ немного послѣ, если еще покажется; а теперь надобно говорить пока о ложныхъ, которыхъ много, и которыя часто прививаются къ намъ и раждаются въ насъ инымъ образомъ ¹. Можетъ быть, это будетъ полезно намъ для сужденія.

Прот. Какъ не полезно? Лишь бы они были.

Сокр. Но по моему-то мнѣнію ², Протархъ, они есть; а пока это ученіе у насъ держится, вѣроятно, нельзя намъ не испытать его.

Прот. Хорошо.

Сокр. Такъ приступимъ опять къ этому предмету, какъ борцы.

Прот. Пойдемъ.

Сокр. Мы, если помнимъ, сказали уже немного прежде ³, что, когда есть въ насъ такъ называемыя пожеланія, тѣло принимаетъ впечатлѣнія отдѣльно, безъ души.

¹ Теперь Сократъ намѣревается изслѣдовать инымъ способомъ, что удовольствія и скорби бываютъ ложныя. Тѣ и другія, говоритъ онъ, какъ говорилъ и прежде, принимаютъ τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἥττω. Но такъ какъ они нерѣдко впечатлѣваютъ насъ въ одно и то же время, то быть не можетъ, чтобы наше сужденіе о нихъ всегда было ошибочно. Вѣдь мы иначе судимъ о вещахъ, видя ихъ вдали, и иначе, когда онѣ усматриваются вблизи. То же надобно сказать о скорбяхъ и удовольствіяхъ: смотря по тому, далѣе или ближе отстоятъ они одни отъ другихъ, кажутся намъ то большими, то меньшими. Притомъ, всякое удовольствіе происходитъ отъ какихъ нибудь тѣлесныхъ перемены: но эти перемены иногда бываютъ такъ малы и ничтожны, что и не ощущаются; поэтому нельзя обойтись, чтобы не происходило удовольствій ложныхъ. Часто также мы принимаемъ за удовольствіе одно отсутствіе скорби: а это—важнѣйшая ошибка, потому что для удовольствія мало не скорбѣть; надобно еще, чтобы привходило положительно пріятное. Эта мысль Платона раскрывается также De Rep. IX, p. 582 A sqq.; Tim. p. 64 sqq.

² По моему-то мнѣнію—εἰςὶ κατὰ γὰρ τῆν ἐπιγνῶν—разумѣется γωφίτη. Этотъ эллипсъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ сочиненій Платона. De Rep. III, p. 397 D; Politic. p. 277 A, 291 C; Legg. II, p. 653 C; IX, p. 862 A.

³ Указывается p. 34 B sqq.

Прот. Помнимъ; это было и прежде сказано.

Сокр. И то, что желало состояній, противныхъ тѣлу, была душа; а то, что доставляло скорбь, или нѣкоторое отъ впечатлѣній удовольствіе, было тѣло?

Прот. Да, было такъ.

Сокр. Соображай же, что заключается въ этомъ.

Прот. Говори.

Сокр. Если это фактъ, то выходитъ, что скорби и удовольствія въ насъ совмѣстны, и что отсюда вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ ощущенія взаимно противныхъ впечатлѣній, какъ уже видѣли мы это.

Прот. Да, явно.

Сокр. Не сказано ли было и не положено ли прежде, съ общаго нашего согласія, и слѣдующее?

Прот. Что такое?

Сокр. Что оба эти—скорбь и удовольствіе—принимаютъ «больше» и «меньше», и что они идутъ въ непредѣльность.

Прот. Сказано, какъ же.

Сокр. Такъ долженъ быть какойнибудь способъ правильно судить объ этомъ?

Прот. Въ чемъ же онъ, и какой? Е.

Сокр. Въ томъ, чтобы наше желаніе судить объ этомъ всегда желало различать такія впечатлѣнія,—которое изъ нихъ относительно больше и которое меньше, которое слабѣе ¹ и которое сильнѣе,—скорбь сравнительно съ удовольствіемъ, скорбь сравнительно съ скорбію, удовольствіе сравнительно съ удовольствіемъ.

Прот. Да, это все такъ, и желаніе судить таково.

¹ Которое слабѣе и которое сильнѣе—καὶ τίς μάλλον καὶ τίς σφοδρότερα. Слово μάλλον выражено здѣсь уравнильнымъ слабѣе, признаюсь, произвольно: этакъ терминъ, когда встрѣчается онъ въ одномъ предложении съ μεῖζων, необходимо поставяетъ русскаго переводчика въ затрудненіе; потому что оба эти уравнильные, означающія по-гречески различныя стороны сравниваемыхъ предметовъ, по-русски выражаются однимъ и тѣмъ же больше. Словомъ μάλλον указывается на степень величины, тогда какъ μεῖζων означаетъ сравниваемую численность.

Сокр. Что жъ? Въ дѣлѣ зрѣнія, отдаленность и близость
42. мѣшаютъ намъ видѣть истинную величину предмета и за-
ставляютъ составлять ложное мнѣніе ¹: не то же ли самое
бываетъ и въ удовольствіяхъ?

Прот. Даже гораздо большее, Сократъ.

Сокр. А немного прежде сего у насъ выходило противное.

Прот. Что такое разумѣешь ты?

Сокр. Тогда вѣдь мнѣнія, ложныя и истинныя сами по
себѣ, сообщали собственный свой характеръ скорбямъ и
удовольствіямъ.

В. *Прот.* Весьма справедливо.

Сокр. А теперь-то, мнѣняясь всякій разъ, смотря по от-
даленности или близости предмета и по взаимному своему
отношенію, удовольствія представляются бѣльшими и силь-
нѣйшими при скорби, а скорби—противными при удоволь-
ствіяхъ.

Прот. Это необходимо бываетъ такимъ образомъ.

Сокр. Такъ если отъ обоихъ ощущеній ты отсѣчешь то,
восколько они больше и восколько меньше противъ дѣй-
ствительныхъ,—поколикую это является, а не существуетъ,—то
С. не найдешь и правильно являющагося и не рѣшишься по-
этому также назвать правильною и истинною какую нибудь
часть удовольствія и скорби.

Прот. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Простираясь же далѣе по этому пути, мы встрѣ-
тимъ удовольствія и скорби еще болѣе ложныя, чѣмъ какія
являются и есть въ животныхъ.

Прот. Какія же это, и что разумѣешь ты?

Сокр. Кажется, много разъ говорено было, что, когда при-
рода всякаго животнаго повреждается отъ сложеній и раз-
Д. ложеній, отъ наполненій и оскуднѣній, отъ увеличеній и ума-

¹ Этотъ предметъ такимъ же образомъ объясняется философомъ въ Со-
истъ, р. 235 А sqq., Протагоръ р. 355 Е sqq.

лений, тогда обыкновенно возникаютъ скорби, страданія, боли и все, называемое такими именами.

Прот. Да, это многократно говорено было.

Сокр. А какъ скоро природа его восстанавливается,—это восстановление ея въ себѣ самихъ мы объявляли, какъ удовольствіе.

Прот. Правильно.

Сокр. Но что, если относительно къ тѣлу ничего такого въ насъ не бываетъ?

Прот. Когда же могло бы быть это, Сократъ?

Сокр. Теперешній твой вопросъ, Протархъ, вовсе не е. кстати.

Прот. Почему?

Сокр. Потому, что онъ не мѣшаетъ мнѣ снова обратиться къ тебѣ съ моимъ вопросомъ.

Прот. Съ какимъ?

Сокр. Вѣдь если бы этого не могло быть, Протархъ,—я скажу, что необходимо произошло бы отсюда.

Прот. Когда тѣло не двигалось бы, говоришь, ни тѣмъ ни другимъ?

Сокр. Да.

Прот. Это-то ужъ явно, Сократъ, что въ такомъ случаѣ не было бы ни удовольствія, ни скорби какойнибудь.

Сокр. Прекрасно сказалъ. А ты мыслишь, думаю, такъ, 43. что котороенибудь изъ этихъ чувствованій всегда необходимо есть въ насъ, какъ говорятъ мудрецы;—потому что всегда все течетъ туда и сюда ¹.

Прот. Да, говорятъ,—и, кажется, не худо.

Сокр. Какъ же иначе, когда и сами-то они не худы? Однакожь я хочу ускользнуть отъ этого приведеннаго положенія,—поэтому задумываю бѣжать: бѣги и ты со мною.

Прот. Говори, куда.

¹ Сократъ намекаетъ на ученіе Гераклита. См. Phaedon. p. 89, 90; Theaet. p. 179 E sqq.; Sophist. p. 249 C sqq.; Cratyl. p. 402 A.

Сокр. Пусть это будетъ такъ, скажемъ мы имъ. А ты В. отвѣчай: всѣ ли впечатлѣнія, какія получаетъ всегда любое одушевленное, чувствуетъ оно, когда впечатлѣвается ими? Не утаевается ли отъ насъ самихъ то, что мы растемъ, либо иное подобное впечатлѣніе,—или, совсѣмъ напротивъ, почти все такое неизвѣстно намъ?

Прот. Кажется, совсѣмъ напротивъ.

Сокр. Такъ, видно, сказанное сейчасъ нехорошо нами сказано,—что происходящія отъ повсюдной текучести перемѣны производятъ скорби и удовольствія.

Прот. Что же теперь?

С. *Сокр.* Гораздо лучше и неукоризненнѣе будетъ сказать такъ.

Прот. Какъ?

Сокр. Большія перемѣны производятъ въ насъ скорби и удовольствія, а умѣренные и малыя вовсе не производятъ ни тѣхъ ни другихъ.

Прот. Это правильнѣе, Сократъ, чѣмъ то.

Сокр. А если это такъ, то придетъ снова недавно сказанная жизнь.

Прот. Какая?

Сокр. Та, что проходить, сказали мы, безъ скорбей и радостей.

Прот. Ты говоришь очень вѣрно.

Сокр. Поэтому теперь положимъ мы три рода жизни: первую—приятную, вторую—скорбную, третью—ни ту ни другую. Или какъ иначе сказалъ бы ты объ этомъ?

Прот. Не иначе, а такъ,—что есть три жизни.

Сокр. Стало быть, не скорбѣть не значило бы еще радоваться?

Прот. Какъ же.

Сокр. Поэтому, слыша, что всего приятнѣе провести всю жизнь безпечально ¹, что разумѣешь ты подъ этимъ выраженіемъ?

¹ Здѣсь говорится противъ тѣхъ, которые счастье жизни поставляли въ совершенномъ отсутствіи скорби. То же раскрывается и De Rep. IX, p. 582 sqq.

Прот. Мнѣ кажется, «жить пріятно» — разумѣютъ жить безъ скорбей.

Сокр. И такъ, чтобы воспользоваться прекрасными именами, положи, что изъ тѣхъ трехъ жизней первая, которая Е. хочешь, будетъ золотая, вторая — серебряная, а третья — ни то ни это.

Прот. Полагается.

Сокр. Но ни та ни эта изъ нихъ можетъ ли быть у насъ какимъ нибудь образомъ одна изъ двухъ — золотая или серебряная?

Прот. Какъ же можетъ быть?

Сокр. Стало быть, судя здраво, о жизни средней, называемой пріятною или скорбною, нельзя имѣть ни правильнаго мнѣнія, если бы кто мнилъ, ни слова, если бы кто говорилъ ¹.

Прот. Какъ же можно!

Сокр. Однакожъ мы знаемъ, другъ мой, что и говорятъ-таки это, и мнать.

44.

Прот. Даже многіе.

Но кто были мыслители, преподававшіе такое ученіе? Не невѣроятно догадка Шлейермахера, что, такъ какъ въ вѣкъ Платона спорами объ этомъ предметѣ занимались Аристиппъ и Антисеенъ, то Платонъ, говоря противъ отчужденія удовольствій для счастья жизни, могъ разумѣть Антисеена и его послѣдователей. Известно, что удовольствіе казалось Антисеену не только не нужнымъ, чтобы жизнь протекала счастливо, а напротивъ, жить среди удовольствій, по его мнѣнію, значило жить бѣдственно. Μανείη, μᾶλλον ἢ ἡσθεῖη, говорилъ онъ (Diog. Laërt. VI, 3); поэтому онъ могъ утверждать и доказывать, что удовольствіе состоитъ только въ умѣреніи скорби, и что τὸ μὴ λοπεῖσθαι ἡδὴ εἶναι, — и это-то, вѣроятно, изложилъ въ своей книгѣ Περὶ ἡδονῆς (Diog. Laërt. VI, 15—18). Догадку, что здѣсь указывается на Антисеена, дѣлаютъ еще болѣе правдоподобною нравственныя черты, которыми Платонъ характеризуетъ подобныхъ учителей, 44 С: δουρέσια τῆς φύσεως οὐκ ἀγενοῦς. Xenoph. Symp. IV, § 34 sqq. Cicero. De Fin. II, 6 sqq.

¹ Сократъ хотеть сказать, что средней жизни, называемой пріятною или скорбною, правильно выразить нельзя, т. е. нельзя опредѣлить, пріятна она, или скорбна; ибо то, что занимаетъ средину между мнѣніемъ (δόξα) и словомъ (λόγος) никакъ не опредѣлимо: высказана δόξα, — утаилось λόγος; принято λόγος, — не проявляется δόξα. Это-то различіе между δόξα и λόγος выражаетъ Сократъ въ измѣненной конструкціи: οὐτε δοξάζοιτο — οὐτε λυθθεῖη.

Сокр. А думаютъ ли они, что радуются, когда не скорбятъ?

Прот. По крайней мѣрѣ—на словахъ.

Сокр. Стало быть думаютъ, что тогда чувствуютъ удовольствіе; иначе, вѣроятно, не говорили бы.

Прот. Должно быть.

Сокр. Видно же, о радости имѣютъ они ложное мнѣніе, если скорбѣтъ и радоваться, по природѣ, дѣло различное.

Прот. А вѣдь эти природы дѣйствительно различны.

Сокр. Такъ положимъ ли такихъ чувствованій у насъ в. три, какъ недавно полагали, или только два: скорбь, называемую у людей зломъ, и прекращеніе скорбей—пріятное, что называется добромъ?

Прот. Какъ же теперь, Сократъ, мы спрашиваемъ объ этомъ самихъ себя? Вѣдь я не понимаю.

Сокр. Ты, Протархъ, въ самомъ дѣлѣ не понимаешь противниковъ этого Филеба.

Прот. Какихъ разумѣешь ты противниковъ?

Сокр. Очень сильныхъ, такъ называемыхъ знатоковъ природы, которые утверждаютъ, что удовольствій вовсе нѣтъ.

Прот. Какъ же это?

с. *Сокр.* Все то, что Филебовы единомышленники называютъ удовольствіями, у нихъ называется бѣгствомъ отъ скорбей.

Прот. Такъ ты совѣтуешь вѣрить имъ, или какъ, Сократъ?

Сокр. Нѣтъ; ими надобно пользоваться, какъ гадалками ¹, отличающимися не искусствомъ, а печальнымъ настроеніемъ не неблагородной природы. Они слишкомъ возненавидѣли силу удовольствія, и не находятъ въ немъ ничего здраваго, такъ что и самое это его навожденіе почи-

¹ Пользоваться какъ гадалками—μαύται, людьми, опредѣляющими истину гадательно, такъ какъ они не знаютъ дѣйствительной причины явленій, но судятъ о нихъ, руководствуясь безотчетною смѣтливостью ума. Въ такомъ именно смыслѣ Платонъ часто употребляетъ глаголъ μαυτεύεσθαι. См. ниже р. 64 А: τίνα ἰδέαν αὐτῆν εἶναι ποτε μαυτεύεσθαι. Lysid. p. 215 D: λέγω τοίνυν ἀπομαυτεύμενος τοῦ καλοῦ τε καὶ ἀγαθοῦ φίλον εἶναι τὸ μῆτε ἀγαθὸν μῆτε κακὸν πρὸς ᾧ δε λέγω μαυτεύομαι, ἀκούσον.

таютъ очарованіемъ, а не удовольствіемъ. Такъ вотъ какимъ D. образомъ пользуйся ими; да смотри и вообще на ихъ брюзгливость; потомъ прими въ соображеніе и то, что удовольствія-то кажутся мнѣ истинными,—чтобы, смотря на силу удовольствія со стороны обоихъ этихъ мнѣній, мы могли произнести о немъ сужденіе.

Прот. Ты говоришь правильно.

Сокр. Будемъ же идти за ними, какъ за союзниками, по слѣдамъ ихъ брюзгливости. Думаю, они, начавъ откуда-то сверху, говорятъ нѣчто, похожее вотъ на что: если мы хотимъ знать природу какогонибудь рода, на примѣръ, природу твердаго, то больше ли поймемъ это смотря на самое твердое, или на твердое скольконибудь?—Ты, Протархъ, долженъ отвѣчать и этимъ брюзгамъ, какъ мнѣ.

Прот. Ужъ конечно; и говорю имъ, что надобно смотрѣть, по величинѣ, на первое.

Сокр. Поэтому, если мы захотимъ знать и родъ удовольствія,—какова его природа; то должны смотрѣть на удовольствія не въ какойнибудь степени, а на высшія и такъ называемыя сильнѣйшія.

45.

Прот. Въ этомъ уступилъ бы тебѣ всякій.

Сокр. А передовыя,—да они же, какъ мы часто говоримъ, и величайшія изъ удовольствій,—не суть ли удовольствія, относяціяся къ тѣлу?

Прот. Какъ не передовыя?

Сокр. Но больше ли они бываютъ у людей, страдающихъ отъ болѣзней, или у здоровыхъ? Поостережемся, чтобы, отвѣчая опрометчиво, не погрѣшить.

Прот. Въ чемъ?

Сокр. Можетъ быть, мы тотчасъ сказали бы, что у здоровыхъ.

Прот. Да и вѣроятно.

Сокр. Что же? Не тѣ ли изъ удовольствій имѣютъ перевѣсъ, съ которыми соединяются пожеланія сильнѣйшія?

Прот. Это справедливо.

Сокр. Но страдающіе горячкою и одержимые другими подобными болѣзнями не больше ли жаждутъ, забнуть и чувствуютъ все, что въ такомъ случаѣ чувствуетъ тѣло? Не больше ли у нихъ бываетъ недостатка, и восполняя его, не большія ли получаютъ они удовольствія? Или этого не назовемъ справедливымъ?

с. *Прот.* Сказанное теперь, по видимому, совершенно таково.

Сокр. Такъ что жъ? Мы можемъ, по видимому, утверждать правильно, что кто хотѣлъ бы знать удовольствія величайшія, тотъ долженъ идти видѣть ихъ не въ здоровьѣ, а въ болѣзни?—Но смотри, не подумай, будто я спрашиваю тебя въ той мысли, что не больше ли радуются тяжело больные, чѣмъ здоровые: нѣтъ, полагай, что я ищу великости удовольствія и того, гдѣ при немъ всегда умѣстно слово «сильно». Вѣдь мы должны, говоримъ, обратить вниманіе на то, какую природу имѣетъ удовольствіе и какую приписываютъ ему люди, утверждающіе, что вовсе нѣтъ его.

Прот. Я почти слѣдую за твоимъ словомъ.

Сокр. А вотъ не менѣе и докажешь это, Протархъ, если отвѣтишь: въ развратной ли жизни видишь ты большія удовольствія,—говорю «большія» не количественно, но превосходящія силою и великостію,—или въ жизни разсудительной? Говори со вниманіемъ.

Прот. Понимаю, что говоришь ты, и вижу тутъ большое различіе. Что касается до разсудительныхъ, то въ отношеніи къ нимъ всегда имѣетъ силу пословица «*ничего слыш-Е. комъ*»¹, которой они слушаются; а взглянешь на неразсудительныхъ и развратныхъ, такъ сильное удовольствіе, одержающее отъявленныхъ, доводитъ ихъ до неистовства.

Сокр. Хорошо. Но если уже такъ, то явно, что и величайшія удовольствія и величайшія скорби заключаются въ худомъ состояніи души и тѣла, а не въ добродѣтели.

¹ Эта пословица приводится также Protag. p. 343 В; Charmid. p. 165 А; Menex. p. 247 Е; Hipparch. p. 228 Е. Въ указанномъ мѣстѣ Протагора сказано и о ея происхожденіи.

Прот. Конечно.

Сокр. Поэтому надобно избрать нѣкоторыя изъ нихъ и рассмотреть, что въ нихъ такое есть, отъ чего мы называли ихъ величайшими ¹.

Прот. Необходимо.

46.

Сокр. Разсматривай же удовольствія такихъ болѣзненностей,—что въ нихъ есть.

Прот. Какихъ болѣзненностей?

Сокр. Постыдныхъ,—тѣхъ, что упомянутымъ выше людямъ брызгливымъ бываютъ крайне ненавистны.

Прот. Которыя же это?

Сокр. Напримѣръ, лѣченіе чесотки чрезъ треніе, и другое тому подобное, имѣющее нужду не въ иномъ врачествѣ. Такія-то проявляющіяся въ насъ ощущенія какъ, ради боговъ, назовемъ мы: удовольствіемъ, или скорбію?

Прот. Это-то, Сократъ, походить на какое-то смѣшанное зло.

Сокр. Впрочемъ, я предложилъ такой примѣръ вѣдь не въ ради Филеба, а потому, что, не изслѣдовавъ этихъ и сродныхъ съ ними удовольствій, мы и не могли бы, можетъ быть, Протархъ, судить о настоящемъ предметѣ.

Прот. Такъ теперь надобно идти къ сроднымъ съ этими удовольствіямъ.

Сокр. Ты разумѣешь сродныя съ ними по смѣшанности?

Прот. Конечно.

Сокр. Но изъ смѣшеній одни бываютъ тѣлесныя—въ самыхъ тѣлахъ, а другія душевныя—въ самой душѣ ². Въ

¹ Сократъ имѣеть въ виду доказать, что природа этихъ удовольствій смѣшанная, и что въ смѣшанности ея скрывается причина, почему эти удовольствія мы называемъ величайшими.

² Удовольствія въ самомъ тѣлѣ,—въ самой душѣ: то есть, въ взаимной связи этихъ сторонъ человѣческаго существа; ибо Платонъ допускалъ возможность удовольствій въ одной душѣ, безъ тѣла, равно какъ въ одномъ тѣлѣ, безъ души. Но, кромѣ этихъ, ему представлялись также удовольствія, порождаемыя нераздѣльно и тѣломъ и душою, и потому смѣшанныя. Отсюда три рода удовольствій.

С. душѣ опять, равно какъ и въ тѣлѣ, мы найдемъ скорби, смѣшанныя съ удовольствіями, и увидимъ, что, взятая вмѣстѣ, они называются иногда удовольствіями, иногда скорбями.

Прот. Какъ это?

Сокр. Когда кто нибудь, при поправленіи, или при разстройствѣ здоровья ¹, въ одно и то же время имѣетъ ощущенія противныя, — на примѣръ, чувствуя холодъ, согрѣвается, а чувствуя жаръ, прохладяется, поколигу старается, думаю, одно получить, а другое оставить: тогда это, какъ говорится, смѣшеніе горькаго съ сладкимъ, проявляющееся въ упорномъ соединеніи, производитъ сперва досадительную борьбу, а потомъ жестокое сжиманіе тѣла ².

Прот. То, что ты теперь говоришь, справедливо.

Сокр. Но эти смѣшенія не таковы ли, что въ однихъ между ними скорбей и удовольствій поровну, а въ другихъ того или этого больше?

Прот. Какъ не таковы!

Сокр. Возьми же это, когда больше бываетъ скорбей, чѣмъ удовольствій, — возьми ощущенія чесотки, о чемъ мы сейчасъ говорили, и зуда. Такъ какъ раздраженіе и воспаленіе происходитъ внутри, и треніемъ или чесаніемъ никто до него не достигнетъ, а только разливаетъ его дѣйствіе по поверх-

¹ При этомъ надобно привести на память, что говорено было выше, р. 31 С sqq., о началѣ удовольствія и скорби.

² Производитъ жестокое сжиманіе тѣла, ἐξαστυ ἀγρία ποιῆι. Здѣсь Сократъ доказываетъ смѣшанность удовольствія съ скорбію самымъ его дѣйствіемъ на человѣка. Древніе греки и римляне, какъ извѣстно, держались того мнѣнія, что душа отъ скорби сжимается, а отъ радости расширяется, и къ этой мысли приведены были, вѣроятно, наблюденіемъ надъ лицомъ, которое въ пору неприятностей померкаетъ и бываетъ стянуто, а подъ вліаніемъ удовольствій свободнѣе развиваетъ черты свои. Senec. Epist. 106: vide, an vultum nobis mutent, an frontem adstringant, an faciem diffundant. Ovid. Metam. XIV, v. 272: Haec ubi nos vidit, dicta acceptaque salute, diffudit vultus. Отсюда не только въ философскихъ школахъ, но и среди народа вошло въ обычай говорить: отъ радости душа διαχέεται, διαστέλλεται, διαλύεται, а отъ печали συστέλλεται, συνίσταται. Sympos. p. 206 D. Eurip. Hippolyt. V. 994: πάτερ, μένος μὲν ἐξασταίς τε σῶν φρενῶν δεινῆ. Heraclid. V. 416: καὶ νῦν πικρὰς αὐ ἐξασταίς αὐ εἰς ἰδοίς.

ности: то вносящiе поверхность въ огонь и въ такомъ затрудненiи измѣняющiе ея состоянiе въ противоположное иногда возбуждаютъ необыкновенное удовольствiе, а иногда, напротивъ, смотря по тому, какое болѣзнь принимаетъ направление, относятъ его, смѣшанное съ внѣшними скорбями, къ внутреннимъ частямъ; такъ что либо слитное насильно раздѣляютъ, либо раздѣленное сливаютъ, и такимъ образомъ съ удовольствiями слагаютъ скорби ¹.

47.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Если же во всемъ такомъ бываетъ примѣшано больше удовольствiя, то примѣсь скорби хотя немного и тревожить, однакожь гораздо обильнѣйшiй приливъ удовольствiя пересиливаетъ, и иногда заставляеть скакать, принимаетъ различные цвѣта, различные образы, различныя дыханiя, — и, приводя человѣка въ изступленiе, исторгаетъ у него безумные вопли.

¹ Все это мѣсто довольно трудно для понятiя. Здѣсь говорится, что тѣ смѣшенiя, содержащiя въ себѣ больше скорби, чѣмъ удовольствiя, замѣчаются въ чесоткѣ и зудѣ; ибо при этомъ бываетъ такъ, что воспаленiе скрывается внутри, подъ кожу, а чесанiе между тѣмъ производится только по поверхности кожи, — съ тѣмъ чтобы воспалить, слѣдовательно, привести въ противоположное состоянiе, самую кожу. Но отсюда рождается чрезвычайное, возбуждаемое тренiемъ, удовольствiе. Случается и обратное направление смѣшенiя: т. е., внѣшнее воспаленiе, при извѣстной мѣрѣ удовольствiя, переносится внутрь. Такъ устанавливаю я эту мысль, слѣдуя интерпункци текста Штальбомова; въ другихъ изданiяхъ она представляется менѣе вѣрною. — Словами: о чемъ мы сейчасъ говорили, указывается на р. 46 А. Выраженiемъ: въ такомъ затрудненiи, ἀπορίας, означаетъ то состоянiе, въ которомъ больной не знаетъ, что дѣлать отъ зуда и воспаленiя. — Смотри по тому, какое болѣзнь принимаетъ направление: т. е., явленiе, обнаруживающееся воспаленiемъ или болью, можетъ быть либо таково, что, при обыкновенномъ чесанiи внѣшнихъ частей, соединяется съ сильнымъ удовольствiемъ, либо таково, что болью поражаются внѣшнiя части, а внутри воспаленiе ослабѣваетъ, и оттого πρὸς τὴν ἕξω λύπας ἡδονᾶς (αὐτᾶς) συζυγασθεῖσας παρέχονται. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, тутъ примѣшивается больше скорби, чѣмъ удовольствiя, такъ что (чесоточные) либо слитное насильно раздѣляютъ, то есть, чрезъ чесанiе кожи отвлекаютъ какъ бы часть сосредоточеннаго внутри воспаленiя наружу, либо раздѣленное сливаютъ, то есть, внѣшнюю боль соединяютъ съ возбуждаемымъ внутри удовольствiемъ, чтобы послѣднее, какъ противоположное боли, ощущасмо было тѣмъ живѣе.

В. *Прот.* Конечно.

Сокр. И онъ, какъ самъ говоритъ, такъ и другаго заставляетъ говорить о себѣ, другъ мой, что, наслаждаясь этими удовольствіями, онъ какъ бы умираетъ. И эти-то удовольствія всячески и всегда преслѣдуетъ онъ,—тѣмъ болѣе, чѣмъ бываетъ развратнѣе и безумнѣе. Эти удовольствія называетъ онъ величайшими, и кто всегда и особенно провождаетъ съ ними жизнь, того причисляетъ къ людямъ блаженнѣйшимъ.

С. *Прот.* Ты, Сократъ, преслѣдилъ все, что пользуется уваженіемъ толпы.

Сокр. По крайней мѣрѣ все, Протархъ, относительно тѣхъ удовольствій, которыя принимаютъ въ смѣшеніе сторону внѣшнюю и внутреннюю, въ общихъ ощущеніяхъ самаго тѣла. А объ удовольствіяхъ въ душѣ, которая сообщаетъ тѣлу противное,—скорбь для удовольствія и удовольствіе для скорби, чтобы то и другое пришло въ одно смѣшеніе,—объ этомъ говорили мы прежде, когда разсматривали, что, опустѣвая, кто нибудь желаетъ восполненія отъ надежды, то есть радуется, а отъ опустѣнія скорбитъ ¹. Только тогда ² мы не заявили этого, а теперь говоримъ, что, когда душа разногласитъ съ тѣломъ во всѣхъ этихъ, по множеству, изумительныхъ вещахъ, тогда происходитъ одно смѣшеніе скорби и удовольствія.

Прот. Ты говоришь, должно быть, очень правильно.

Сокр. Теперь остается у насъ еще одна смѣсь скорби и удовольствія.

Прот. Какую разумѣешь ты?

¹ Платонъ принимаетъ смѣшанныя ощущенія двухъ родовъ: одни тѣлесныя, другія душевныя. Первые обнаруживаются смѣсью удовольствія и скорби въ предѣлахъ самаго тѣла, и имѣютъ, какъ мы видѣли, сторону внѣшнюю и внутреннюю, или физическую и физиологическую; а въ послѣднихъ, напротивъ, приходятъ въ смѣшеніе удовольствія и скорби, происходящія съ одной стороны отъ души, съ другой—отъ тѣла, и какъ тамъ, такъ и здѣсь условливаются чувствомъ опустѣнія и восполненія.

² О смѣшеніи удовольствій душевно-тѣлесныхъ философъ разсуждалъ выше, р. 31 В sqq.

Сокр. Ту, которую часто воспринимаетъ въ себя, говорили, сама душа.

Прот. Такъ какъ же это опять говоримъ мы?

Сокр. Гнѣвъ, страхъ, пожеланіе, гореваніе, любовь, ревность, ненависть, и все такое—не относишь ли ты къ нѣкоторымъ скорбямъ самой души?

Прот. Отношу.

Сокр. А не найдемъ ли мы, что онѣ исполнены невыразимыхъ удовольствій? Нужно ли намъ вспомнить о гнѣвѣ, «который и мудрыхъ въ неистовство вводитъ, и слаще меда бываетъ, текущаго капля за каплей»¹,—и объ удовольствіяхъ, сколько ихъ примѣшивается къ гореванью и пожеланіямъ при скорбяхъ?

Прот. Не нужно; это-то бываетъ такъ, а не иначе.

Сокр. Притомъ, помнишь, въ трагическихъ-то представленіяхъ вмѣстѣ радуются и плачутъ?

Прот. Какъ же.

Сокр. А въ комедіяхъ,—развѣ не знаешь?—расположеніе души и тутъ бываетъ таково, что происходитъ смѣсь скорби удовольствія.

Прот. Не очень понимаю.

Сокр. Да и въ самомъ дѣлѣ не легко, Протархъ, всякій вразъ понять здѣсь такое чувствованіе.

Прот. По крайней мѣрѣ, какъ видно, для меня.

Сокр. Ухватимся же за него тѣмъ болѣе², чѣмъ оно темнѣе, чтобы всякому легче было узнавать смѣсь скорби ч удовольствія и въ другихъ чувствованіяхъ.

¹ Это взято изъ Омировой Иліады (XVIII, v. 107 sqq.), гдѣ Ахиллесъ говоритъ матери Тетидѣ: Ὡς ἔρις ἐκ τε θεῶν ἐκ τ' ἀνθρώπων ἀπόλοιτο, καὶ χόλος, ὃς τ' ἐφέηκε πολύφρονά περ χαιεπῆναι. Ὡς τε πολὺ γλυκίων μέλιτος καταλειβομένου ἀνδρῶν ἐν στήθεσσι ἀίεται ἤϊτε καπνός. Оно внесено сюда не вполне, конечно, потому, что уже извѣстно было собесѣдникамъ.

² Сократъ учитъ, что и комедія возбуждаетъ удовольствіе, смѣшанное съ скорбію, и доказывать свое положеніе начинаетъ опредѣленіемъ зависти или злорадства. Злорадство, говоритъ онъ, есть болѣзнь души, состоящая въ томъ, что душа радуется чужому несчастію: отсюда, по его мнѣнію, можно

Прот. Пожалуй, говори.

Сокр. Недавно упомянутое имя зависти скорбю ли души какою нибудь признаешь ты, или какъ?

Прот. Такъ.

Сокр. Но окажется опять, что завидующій-го на несчастіе ближняго радуется.

с. *Прот.* И сильно.

Сокр. А незнаніе есть зло, называемое у насъ состояніемъ глупости.

Прот. Почему не такъ.

Сокр. Смотри же отсюда, какъ смѣшна такая природа.

Прот. Говори только.

Сокр. Если смотрѣть вообще, какой нибудь порокъ из-

объяснить природу чувства комическаго. Изъ множества свойственныхъ чело-вѣку слабостей, немаловажна слабость незнанія себя. Но незнаніе себя бываетъ троякое,—по числу трехъ благъ, къ которымъ люди обыкновенно стремятся: т. е., незнаніе по отношенію къ богатству, тѣлесной красотѣ и душевной добродѣтели или мудрости; ибо чело-вѣкъ, ослѣпленный ложнымъ о себѣ понятіемъ, почитаетъ себя или богаче, или красивѣе, или умнѣе, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ; и это есть одно изъ величайшихъ золъ. Кромѣ сего, для уразумѣнія того смѣющагося злорадства, надобно еще людей, водящихся ложными о себѣ понятіями, различать въ двухъ отношеніяхъ: одни при этомъ бываютъ сильны и могущественны, а другіе только горды, на самомъ же дѣлѣ слабы, безсильны. Посему эти смѣшны, а тѣ—жестоки и, по незнанію себя, соединенному съ могуществомъ, безстыдны. Вѣдь смѣшны въ самомъ дѣлѣ люди, если они гордятся своими благами и, въ то же время, подвергаясь насмѣшкамъ, по слабости и невѣжеству не могутъ отвѣтить за себя; а которые надмѣваются высокимъ о себѣ понятіемъ и вмѣстѣ могущественны, такъ что могутъ вредить другимъ, тѣхъ мы называемъ жестокими и безстыдными. Отсюда видно, какимъ образомъ въ комедіи бываетъ смѣшеніе пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій. Злорадство есть несправедливая радость о злѣ тѣхъ, которымъ мы должны желать добра. Стало быть, злорадствуя другимъ, мы смѣемся надъ чело-вѣческимъ невѣжествомъ, которымъ ослѣпленные люди ложно судятъ о своихъ благахъ, и въ этомъ находимъ удовольствіе. Но такъ какъ злорадствующій другому носить въ своемъ сердцѣ скорбь, то не можетъ быть, чтобы въ то же время, когда отъ смѣшнаго чувствуется удовольствіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не чувствовалъ и скорби.—Таково изложенное здѣсь содержаніе Платонова ученія о комическомъ удовольствіи. Но оно, кажется, могло бы быть яснѣе изложено примѣнительно къ вышепоказанному происхожденію удовольствія въ чесоткѣ. Злорадство есть внутреннее воспаленіе души: комедія есть чесаніе, вызывающее это воспаленіе наружу; а такой вызовъ внутренняго зла наружу сопровождается удовольствіемъ.

вѣстнаго состоянія есть порокъ, получившій свое прозвище; во всякомъ же порокъ скрывается свойство, противное тому, что говорится въ дельфійской надписи.

Прот. Разумѣешь, Сократъ, надпись: *познай самого себя.*

Сокр. Да. Вѣдь явно, что если бы надпись внушала отъ Дюньды не познавать себя, то она была бы противна той.

Прот. Какъ же.

Сокр. Попробуй же, Протархъ, разсѣчь это натрое.

Прот. Какъ ты говоришь? Я вовсе не могу.

Сокр. Такъ полагаешь, что теперь долженъ раздѣлить это я?

Прот. Полагаю и, кромѣ того, даже прошу.

Сокр. Изъ людей не знающихъ себя, не въ трехъ ли необходимо отношеніяхъ имѣеть это свойство каждый ¹?

Прот. Въ какихъ?

Сокр. Во первыхъ, въ отношеніи къ деньгамъ, думая, что онъ богаче, чѣмъ въ самой своей ² сущности. Е.

Прот. Людей съ такимъ свойствомъ дѣйствительно много.

Сокр. А тѣхъ-то еще больше, которые во всемъ, что относится къ тѣлу, представляютъ себя превосходнѣе и прекраснѣе, предпочтительно свойственной имъ дѣйствительности .

¹ Не трудно замѣтить, что философъ при этомъ имѣлъ въ виду общее, ходившее въ народѣ, понятіе о четверичномъ числѣ благъ. См. De Legg. II, p. 661; Gorg. p. 151 E; Menon. p. 87 E. Но Сократъ, соотвѣтственно своему намѣренію, упоминаетъ только о богатствѣ и красотѣ, потомъ къ этимъ двумъ благамъ присоединяетъ еще добродѣтель и мудрость; потому что люди, составившіе въ умѣ суетное о себѣ понятіе, стараются выставлять себя также добродѣтельными и мудрыми.

² Чѣмъ въ самой своей сущности, ἢ κατὰ τὴν αὐτῶν οὐσίαν. Здѣсь αὐτῶν въ числѣ множественномъ относится къ субъекту ἕκαστος числа единственного. Повтому Стефанъ, вмѣсто πλουσιώτερον, совѣтовалъ писать πλουσιώτερος. Но послѣ ἕκαστος ссылающееся на него относительное мѣстоименіе чаще всего поставляется въ множественномъ. Matthias, Gr. Gr. § 302. Legg. VI, p. 754 D: πρῶτον μὲν φιλάκας ἕστωσαν τῶν νόμων, ἔπειτα τῶν γραμμάτων, δι' ὧν ἂν ἕκαστος ἀπογράψῃ τοῖς ἀρχοῦσι τὸ πλῆθος τῆς αὐτῶν οὐσίας.

³ Своейственной имъ дѣйствительности, τῆς οὐσης αὐτοῖς ἀληθείας. Ἀληθεῖα въ этомъ мѣстѣ не только истина, но и дѣйствительность.

Прот. И очень.

Сокр. Больше же всего, думаю, людей третьяго рода, которые погрѣшаютъ въ душахъ, почитая себя наилучшими по добродѣтели, тогда какъ они не таковы.

Прот. Конечно, больше.

49. *Сокр.* Но изъ добродѣтелей, не за мудрость ли особенно народъ подвизается, и въ этомъ подвигѣ поднимаетъ споры и приписываетъ себѣ славу ложной учености?

Прот. Какъ не за мудрость!

Сокр. Поэтому, кто всякое такое свойство назвалъ бы зломъ, тотъ сказалъ бы правильно.

Прот. Безъ сомнѣнiя.

Сокр. Но это надобно, Протархъ, раздѣлить еще надвое, если хотимъ, смотря на ребяческую зависть, видѣть въ ней странную смѣсь удовольствiя и скорби.

Прот. Какъ же мы раздѣлимъ это надвое, говоришь?

- в. *Сокр.* Всѣ, безумно составившіе о себѣ такое ложное мнѣнiе, необходимо, какъ и прочiе люди, должны слѣдовать—одни своей крѣпости и силѣ, другiе, думаю, противному.

Прот. Необходимо.

- с. *Сокр.* Раздѣли же такъ: тѣхъ между ними, которые слабы и, будучи осмѣиваемы, не могутъ отмстить, называя смѣшными, ты произнесешь истину; а имѣющихъ возможность для отмщенiя именую страшными и сильными, дашь себѣ въ нихъ тоже правильный отчетъ. Въдѣ незнанiе въ людяхъ сильныхъ враждебно и постыдно, ибо какъ само оно, такъ и всѣ образы его ¹ губяты ближнихъ; незнанiе же въ слабыхъ мы поставляемъ въ рядъ и природу предметовъ смѣшныхъ.

Въ этомъ значенiи нерѣдко употребляется и латинское *veritas*. См. Gronovii *Observatt.* IV, 7; Spalding. ad Quint. III, p. 593.

¹ Такъ и всѣ его образы, καὶ ὅσαι εἰκόνες αὐτῆς (ἀρροίας). Здѣсь надобно вспомнить, что, говоря это, Сократъ имѣетъ въ виду комическiя представленiя, которыя дѣйствуютъ на чувства и рисуютъ для нихъ образы, соотвѣтствующiе и нравящiеся незнанiю.

Прот. Ты говоришь весьма правильно; но въ этихъ еще не указалъ мнѣ смѣси удовольствій и скорбей.

Сокр. Возьми-ка прежде силу зависти.

Прот. Говори только.

Сокр. Скорбь какая нибудь и удовольствіе бываютъ ли Д. несправедливы?

Прот. Это необходимо.

Сокр. Но радоваться о бѣдствіи враговъ не значитъ быть ни несправедливымъ, ни завистливымъ ¹?

Прот. Почему не такъ.

Сокр. А не скорбѣть, но радоваться, когда видишь, что зло поражаетъ друзей,—не несправедливо ли это?

Прот. Какъ не несправедливо!

Сокр. Между тѣмъ незнаніе не называемъ ли мы зломъ для всѣхъ?

Прот. Правда.

Сокр. Но относительно претензіи друзей на мудрость, красоту и на все, о чемъ сейчасъ упоминали мы, полагая, Е. что этого бываетъ три вида, и слабое называя смѣшнымъ, а сильное ненавистнымъ,—не скажемъ ли, какъ недавно говорилъ и я, что такое состояніе друзей, если у кого нибудь оно безвредно для другихъ, представляется смѣшнымъ?

Прот. Конечно.

Сокр. И такъ какъ оно есть незнаніе, не признаемъ ли его зломъ?

Прот. Даже большимъ.

Сокр. А радуемся ли мы, или скорбимъ, когда смѣемся надъ нимъ?

Прот. Явно, что радуемся.

¹ У древнихъ грековъ мстить врагамъ считалось дѣломъ человѣка мужественнаго; поэтому не казалось несправедливымъ и радоваться о несчастіи враговъ. Солонъ (in Brunckii Poët. gnom. p. 73) говоритъ: εἶναι δὲ γλοχὸν ὡς φίλοις. ἐχθροῖσι δὲ πικρὸν τοῖσι μὲν αἰδοῦσιν, τοῖσι δὲ δευρὸν ἰδεῖν. Archiloch. ap. Theoph. ad Autolyc. L. II, 37: ἐν δ' ἐπίσταται μέγα, τὸ κακῶς τι δρώντα ἀνταμείβεσθαι κακοῖς. Fragm. Eurip. ar. Valckenar. p. 157: ἐχθρὸν κακῶς δρᾶν ἀνδρὸς ἡγούμαι μέρος.

Сокр. Питать же удовольствіе по случаю зла, поражающаго друзей,—не зависть ли, говоримъ, дѣлаетъ это?

Прот. Необходимо.

Сокр. Стало быть, рѣчь наша приходитъ къ тому заключенію, что, осмѣивая смѣшное въ своихъ друзьяхъ и растворяя удовольствіе завистью, мы къ скорби примѣшиваемъ удовольствіе: потому что зависть давно уже признали скорбію души, равно какъ смѣхъ—удовольствіемъ; а въ этомъ случаѣ то и другое совмѣщается.

Прот. Справедливо.

В. *Сокр.* Такъ вотъ теперь наша рѣчь даетъ намъ знать, что въ горестяхъ, въ трагедіяхъ и комедіяхъ ¹,—не въ драмахъ только, а во всякой трагедіи и комедіи жизни,—скорби и удовольствія смѣшиваются, какъ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ.

Прот. Съ этимъ нельзя не согласиться, Сократъ, сколько бы кто ни защищалъ противное.

Сокр. Но и гнѣвъ, и похотѣніе, и гореванье, и страхъ, и любовь, и ревность, и зависть, и все такое представляемо было нами смѣшаннымъ изъ того, о чемъ мы нынѣ многократно говорили. Не такъ ли?

Прот. Да.

Сокр. А понимаемъ ли мы, что все нынѣшнее ограничивается гореваньемъ, завистию и гнѣвомъ?

¹ Въ горестяхъ, въ трагедіяхъ и комедіяхъ. Въ подлинникъ читается только: ἐν θρήνοις τε καὶ ἐν τραγωδίαις, а слова ἐν κωμωδίαις нѣтъ, хотя здѣсь необходимо требуетъ его самый предметъ рѣчи, потому что дѣло идетъ о смѣшанности удовольствія и скорби именно въ комическомъ. Посему критики, затрудняясь этимъ мѣстомъ, старались различнымъ образомъ защитить вульгатное его чтеніе, пока наконецъ Готеридъ Германъ не пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь есть пропускъ, и что текстъ долженъ быть восстановленъ въ слѣдующемъ видѣ: μηδὲν δὲ νῦν ὁ λόγος ἡμῖν ἐν θρήνοις τε καὶ ἐν τραγωδίαις καὶ κωμωδίαις, μὴ τοῖς δράμασι μόνον, ἀλλὰ καὶ τῇ τοῦ βίου συμπᾶσῃ τραγωδίᾳ καὶ κωμωδίᾳ, х. т. л. Этого дополненнаго текста держался и я, потому что въ такомъ видѣ онъ совершенно соотвѣтствуетъ порядку раскрытыхъ въ діалогѣ предметовъ: въ немъ сперва (р. 48 А) рассматриваемы были θρήνοι καὶ πόθοι, потомъ τραγικαὶ θεωρησίαι, а наконецъ κωμωδίαι.

Прот. Какъ не понимать?

Сокр. Не равномѣрно ли и многимъ другимъ?

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. А для чего особенно, думаешь, я показалъ тебѣ смѣшеніе въ комедіи? Не для убѣжденія ли тебя въ томъ, что и въ страхѣ, и въ любви, и въ прочемъ легче показать D. смѣшеніе, чтобы, принявъ это въ сознаніе, ты отпустилъ меня,—не позволялъ мнѣ, направляясь къ тому же, еще болѣе распространяться объ этомъ въ своихъ разсужденіяхъ, а просто положилъ, что и тѣло безъ души, и душа безъ тѣла, и объ эти части во взаимномъ общеніи своихъ ощущеній исполнены смѣшенія скорбей съ удовольствіемъ? И такъ, говори теперь: отпускаешь ли меня, или будешь держать до полуночи? Впрочемъ, я думаю выпросить у тебя отпускъ, сказавъ еще немного. Вѣдь во всемъ этомъ я намѣренъ дать тебѣ отчетъ завтра, а теперь хочу перейти E. къ прочему, чтобы разсудить о томъ, что велитъ Филевъ.

Прот. Хорошо сказалъ ты, Сократъ. Разсматривай же остальное, какъ тебѣ угодно.

Сокр. Послѣ удовольствій смѣшанныхъ, необходимость естественно велитъ намъ перейти, по порядку, къ удовольствіямъ не смѣшаннымъ.

Прот. Прекрасно сказалъ ты.

51.

Сокр. Поэтому я постараюсь обозначить ихъ тебѣ съ другой стороны ¹. Тѣмъ вѣдь, которые утверждаютъ, что всѣ удовольствія суть ослаба скорбей, я не очень вѣрю, но, какъ говорилъ, сошлюсь на волхвовъ, что нѣкоторые удовольствія—только мнимыя, а существенно—отнюдь не удовольствія; что иныя между ними велики, и много также мечтательныхъ, но они смѣшаны съ скорбями и ослабами величайшихъ горестей при затрудненіяхъ тѣла и души.

¹ Обозначить съ другой стороны, μεταβαλὼν σημαίνει. О формѣ μεταβαλὼν см. примѣч. къ Федру, р. 241 А.

В. *Прот.* А если бы кто предположилъ нѣкоторыя истинныя ¹, Сократъ, правильно ли бы мыслилъ онъ?

Сокр. Такими представляютъ удовольствія, возбуждаемыя прекрасными цвѣтами, формами, весьма многими запахами, звуками и всѣмъ, въ чемъ лишеніе и не ощущимо, и не скорбно, а восполненіе и чувствуется, и бываетъ пріятно.

Прот. Какъ это такъ мы опять говоримъ, Сократъ?

Сокр. Да, конечно, не вдругъ яснымъ представится то, С. что я говорю; надобно постараться объяснить. Подъ красотою формъ я пытаюсь теперь понимать не то, что хотятъ понимать многіе, напримѣръ, красоту животныхъ или какой нибудь живописи. Моя рѣчь—о чемъ нибудь прямомъ и кругломъ, и въ числѣ подобныхъ предметовъ—о тѣхъ, которые дѣлаются при помощи циркулей: о плоскостяхъ и твердыхъ тѣлахъ, строяемыхъ по правиламъ и на угольникамъ, если ты понимаешь меня ². Это прекрасно,

¹ Философъ приступаетъ теперь къ изслѣдованію и описанію удовольствій чистыхъ, и дѣлитъ ихъ на два рода. Одни изъ нихъ относятся къ вещамъ, постигаемымъ чувствами; другія проявляются въ области искусствъ и наукъ. Первые получаются отъ того, что почитается прекраснымъ. Но прекрасное у философа здѣсь не есть прекрасное въ себѣ, или абсолютное,—идея прекраснаго; потому что послѣднее созерцается не въ тѣлахъ и не имѣетъ ни цвѣтовъ, ни формъ, ни вида, какъ говорится объ этомъ въ Симпосіонѣ (р. 211 А. Е) и Федръ (р. 247 С). Такъ какъ теперь идетъ рѣчь объ удовольствіи, то ищется такое прекрасное, которое, хотя бы и подлежало чувствамъ, однакожъ доставляло бы удовольствія чистыя. Источникомъ такихъ удовольствій служатъ прежде всего фигуры, цвѣта, тѣла, голоса, упражненія, какъ говорится объ этомъ и въ Горгіасѣ (р. 474 D. al.). Впрочемъ, всѣхъ этихъ вещей философъ не почитаетъ вполне причинами чистаго удовольствія: такое значеніе приписывается имъ лишь въ отношеніи къ тому, что въ нихъ просто, постоянно, тождественно, слѣдовательно свободно отъ всякой измѣняемости,—что постигается силою ума и, достигнутое, созерцается имъ молча; ибо и добро есть то, что само въ себѣ тождественно, постоянно и истинно, какъ излагается это ниже (р. 64 Е). И такъ, ощущеніе чистыхъ удовольствій почитается возможнымъ тогда, когда мы своимъ умомъ будемъ постигать первичныя, простыя и постоянныя формы фигуръ, цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, и чувствомъ удовольствія возбуждаться къ созерцанію ихъ, независимо отъ обыкновеннаго удовольствія тѣлеснаго.

² Изъ фигуръ Сократъ относитъ сюда прямое, напримѣръ, прямую линію и *εὐθύγραμμον σῆμα*, и круглое, также плоское и твердое. Эти формы казались Платону первичными и постоянными, которыя созерцающему уму должны были доставлять удовольствіе чистое. То *εὐδύ*, конечно, не могло

говорю, не относительно къ чему нибудь, какъ что другое ¹, но прекрасно всегда, по самой природѣ, и возбуждаетъ нѣкоторыя особенныя удовольствія, нисколько не сходныя съ чесаніемъ. Есть и цвѣта, имѣющіе такой же характеръ ². Понимаемъ ли теперь, или какъ?

Прот. Я стараюсь, Сократъ; но постарайся и ты говорить еще яснѣе.

Сокр. Я говорю, то есть, о мягкихъ и выразительныхъ звукахъ, которые издають какую нибудь одну чистую мелодію, и прекрасны не въ отношеніи къ другому, а сами по себѣ, и за которыми слѣдуютъ сродныя имъ удовольствія ³.

быть принимаемо иначе, какъ за нѣчто простѣйшее и потому начальное. Тò περὶ φερές у Пифагора и Платона отличалось достоинствомъ высочайшаго совершенства. Diog. Laërt. Vit. Pythag. 19, 35; Plat. Tim. p. 33 B. Τα ἐπίπεδα καὶ στερεά, —напримѣръ, квадраты, треугольники, кубы, конусы, цилиндры, — не заключаютъ въ себѣ также ничего, кромѣ тѣхъ простыхъ началъ. — Но какимъ образомъ все такое могло доставить уму много удовольствія? Этотъ вопросъ рѣшается въ Тимей (p. 52 D sqq.), гдѣ говорится, что весь міръ устроенъ Богомъ по законамъ соотношенія чиселъ и фигуръ.

¹ О природѣ и значеніи тѣхъ вещей, которыя относятся къ чему нибудь другому, а самостоятельной цѣнности не имѣютъ, см. хорошее мѣсто въ Хармидѣ p. 168 B слл., гдѣ этотъ предметъ разсматривается сократически.

² Разумѣются цвѣта, прекрасные въ себѣ, независимо отъ своего отношенія къ различнымъ вещамъ. Но которые изъ нихъ именно таковы, — философъ здѣсь не говоритъ. Изъ дальнѣйшихъ его разсужденій (p. 52 E sqq.) видно, что такимъ цвѣтомъ почитаетъ онъ особенно бѣлый. Объ этомъ, нѣсколько темномъ предметѣ, яснѣе говорится въ Тимей (p. 67 C sqq.), гдѣ Платонъ излагаетъ полное свое понятіе о цвѣтахъ и ихъ родахъ.

³ Я говорю о мягкихъ и выразительныхъ звукахъ, λέγω δὲ τὰς τῶν φθόγγων τὰς λεῖας καὶ λαμπράς. По замѣчанію Штальбома, здѣсь испорченъ текстъ чрезъ внесеніе слова φθόγγων, вмѣсто φωνῶν. Различіе между этими словами дѣйствительно есть; по-русски надобно различать ихъ какъ звукъ и голосъ, издаваемый не только живымъ органомъ человѣка, но и музыкальнымъ орудіемъ: звукъ струны и голосъ струны — не одно и то же: первый поражаетъ только перепонку уха, а послѣдній понятенъ чувству души. Здѣсь говорится о голосахъ безсловныхъ, доставляющихъ душѣ созерцателя удовольствіе чистое и не заключающихъ въ себѣ ничего непріятнаго: φωναὶ λεῖαι καὶ λαμπραὶ ἐν τῇ καρδίᾳ μέλος ἰεῖλαι, — которымъ противоположны жесткіе и глухіе, отзывающіеся въ душѣ какъ-то непріятно и тревожно. Этотъ предметъ объясняетъ самъ философъ въ Тимей (p. 67 B) и Аристотель (De Aud. vol. II, p. 800, 15; 801, 25; ed. Bekker): τῶν δὲ φωνῶν τυφλαὶ μὲν εἰσι καὶ νεφώδεις, ὅσαι τυγχάνουσιν αὐτοῦ καταπεφυμέναι

Прот. Да, и это бываетъ.

Е. *Сокр.* Но относительно къ запахамъ родъ удовольствій менѣе божественъ ¹, чѣмъ эти. За соотвѣтственное въ нихъ съ прежними я принимаю то, что къ нимъ не необходимо примѣшиваются скорби, въ какомъ родѣ вещей и какъ это ни ощущалось бы.—Такъ вотъ, если понимаешь, два вида взятыхъ нами къ разсмотрѣнію удовольствій.

Прот. Понимаю.

52. *Сокр.* Къ этимъ присоединимъ еще и удовольствія, происходящія отъ наукъ, если только науки не сопровождаются алканіемъ науки, и если алканіе ² учиться не соединяется сперва съ непріятностями.

Прот. И мнѣ то же кажется.

Сокр. Но чтò, если иные, обогащенные науками, впоследствии понесли утрату чрезъ забвеніе? Усматриваешь ли ты въ этихъ наукахъ что нибудь непріятное?

Прот. Это «что-то» не въ природѣ наукъ, а въ помыслахъ о потерѣ ихъ, когда кто, лишившись познаній и чувствуя въ нихъ потребность, скорбитъ.

λαμπραὶ δὲ, ὄσαι πῶρρω διατείνουσι καὶ πάντα πληροῦσι τὸν συνυπὴτόπον. Такъ эти роды голосовъ философовъ почитають доставляющими удовольствіе чистое, когда они составляютъ ἐν τι καβαρόν, sanctum inquit quendam rugum, которое и ровно, и не заключаетъ въ себѣ никакой нестройности и глухоты. Комментарій на это см. Tim. p. 8 A sqq.

¹ Почему запахами возбуждаются удовольствія менѣе божественныя, Платонъ показываетъ въ Тимей (p. 66 D), гдѣ говорится, что обоняніе не можетъ быть подведено подъ извѣстные роды, или возведено къ достоинству идеи такъ какъ всякій запахъ имѣетъ какую-то половинчатую и несовершенную, неопредѣленную природу. Посему можно различать только два рода запаховъ: одни пріятные, другіе непріятные; посему также нельзя представить въ душѣ различныхъ формъ и видовъ запаха, отъ созерцанія которыхъ получались бы чистыя удовольствія. Впрочемъ, Сократъ все-таки находитъ нѣчто общее между родомъ запаховъ и другими представленіями; это общее состоитъ въ томъ, что съ соотвѣтствующими ему удовольствіями не необходимо соединяются скорби.

² Алканіе науки, — κείνη выражаетъ сильное желаніе и, кажется, употреблено Платономъ только въ этомъ мѣстѣ, хотя это слово въ означенномъ смыслѣ употреблялось лучшими древними писателями. Xenoph. Oeconom. 13, 9: κεινῶσι τοῦ ἐκείνου—οὐχ ἤττον ἢ ἄλλαι τῶν αἰτῶν καὶ ποτῶν. Сугор. VII, 3. 16: κεινήσας χρημάτων. Нашъ философъ, вмѣсто κείνη, нерѣдко употребляетъ слово δίψος и διψῶ. Reip. VIII, p. 562 C: δημοκρατουμένη πόλις ἐλευθερίας διψήσασα.

Сокр. А теперь-то, почтеннѣйшій, мы ограничиваемся вѣдь только ощущеніями природы, независимо отъ помысловъ.

Прот. Стало быть, ты справедливо говоришь, что въ наукахъ забвеніе всегда бываетъ безъ скорбей.

Сокр. Такъ вотъ и надобно сказать, что къ удовольствіямъ отъ наукъ скорби не примѣшиваются, и что эти удовольствія суть достояніе никакъ не многихъ людей, а весьма меньшаго числа ихъ.

Прот. Какъ не сказать?

Сокр. И такъ, достаточно уже различивъ удовольствія чистыя и другія, правильно называемыя не чистыми, приложимъ въ своемъ словѣ къ удовольствіямъ сильнымъ неизмѣряемость, а къ не сильнымъ — противное: измѣряемость. Да и тѣ опять, которыя воспринимаютъ въ себя великость и силу, и бываютъ такими часто и рѣдко, положимъ, относятся къ тому безпредѣльному, проносающемуся чрезъ тѣло и душу менѣе и болѣе; другія же, не такія, отнесемъ къ измѣряемымъ ¹.

D.

Прот. Ты весьма правильно говоришь, Сократъ.

Сокр. Но кромѣ сего, надобно еще, послѣ этого, разсмотрѣть вотъ что.

Прот. Что такое?

Сокр. Чтò должно отнести къ истинѣ, это ли: *чисто* и *цѣльно*, или то: *сильно*, *много*, *величественно*, *достаточно*?

Прот. Какая цѣль твоего вопроса, Сократъ?

¹ Текстъ этого мѣста, безъ сомнѣнія, сильно поврежденъ, но заключающаяся въ немъ мысль понятна. Нашедши различіе между удовольствіями чистыми и не чистыми, Сократъ всѣ ихъ раздѣляетъ на два вида, относительно ихъ силы и неизмѣряемости, и опять относительно мѣрности, — и первыя изъ нихъ, отличающіяся *ἀμετρία*, относитъ, какъ и прежде уже отнесены были они, къ роду безпредѣльнаго — *ἄπειρον*. Чтобы эта мысль видна была въ самомъ текстѣ, онъ можетъ быть представленъ такъ: καὶ τὰς τὸ μέγα καὶ τὸ σφοδρὸν αὐ δεχόμενας καὶ πολλὰ καὶ ὀλίγα γιγνομένης τοιαύτας τοῦ ἀπείρου ἢ ἐκείνου καὶ ἤττον καὶ μᾶλλον διὰ τὴν σωματικὴν καὶ ψυχικὴν φερόμενον ὁρῶμεν αὐτὰς εἶναι γένους, τὰς δὲ μὴ τῶν ἐμμέτρων. Слова: ἤττον καὶ μᾶλλον διὰ τὴν σωματικὴν καὶ ψυχικὴν φερόμενον будутъ ясны, если вспомнимъ, что говорено было на стр. 24 А и слл.

Сокр. Та, Протархъ, чтобы въ испытаніи удовольствія Е. и знанія не пропуститъ ничего, что въ томъ и другомъ есть чистаго и не чистаго. Тогда чистое въ томъ и другомъ, ставъ предметомъ сужденія и для меня и для тебя и для всѣхъ присутствующихъ, будетъ легче обсужено.

Прот. Весьма правильно.

Сокр. Хорошо; о всемъ, что называется у насъ родами чистыми, мы будемъ рассуждать такъ: выберемъ изъ нихъ сперва который нибудь одинъ, и станемъ разсматривать его.

53. *Прот.* Что же выберемъ мы?

Сокр. Сначала посмотримъ, если хочешь, на родъ бѣлизны.

Прот. Пожалуй.

Сокр. И такъ, какимъ образомъ и въ чемъ можетъ состоять у насъ чистота бѣлизны? Не въ томъ ли, что она самая большая и что ея очень много, или въ томъ, что она вовсе непримѣсна,—что въ ней нѣтъ никакой иной частицы котораго нибудь цвѣта?

Прот. Явно—въ томъ, что она по преимуществу цѣльная.

Сокр. Правильно. Такъ не эту ли положимъ мы, Протархъ, какъ самую истинную, и вмѣстѣ между всѣми бѣлизнами В. самую прекрасную, а не ту, которой весьма много, или которая очень велика?

Прот. Да и всего правильнѣе.

Сокр. Стало быть, если скажемъ, что малая, но чистая бѣлизна бываетъ бѣднѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснѣе и истиннѣе, чѣмъ большая, но смѣшанная, то скажемъ совершенно правильно?

Прот. Конечно, правильно.

Сокр. Что же? Можетъ быть, намъ и нѣтъ надобности въ большемъ числѣ такихъ примѣровъ при рассужденіи объ удовольствіи: можетъ быть, довольно и этого, чтобы понять, что всякое малое и немногосложное удовольствіе, если оно С. чисто отъ скорби, бываетъ пріятнѣе, истиннѣе и прекраснѣе, чѣмъ великое и многосложное.

Прот. Безъ сомнѣнія; и этого-то примѣра достаточно.

Сокр. Въ чемъ же состоитъ оно?—Не слыхивали ли мы объ удовольствіи, что оно всегда есть бытное, а сущности удовольствія нѣтъ никакой ¹? Умны вѣдь, право, нѣкоторые, рѣшающіеся доказывать намъ такое положеніе; мы благодарны имъ.

Прот. Что же?

Сокр. Я прослѣжу это самое, любезный Протархъ, посредствомъ вопросовъ. D.

Прот. Говори и спрашивай.

Сокр. Пусть будутъ два предмета ²: одинъ—самъ по себѣ, а другой всегда желаетъ инаго.

Прот. Какіе это два, и которые разумѣешь ты?

Сокр. Одинъ—самый достоуважаемый по природѣ, а другой уступаетъ ему.

Прот. Говори еще яснѣе.

Сокр. Мальчиковъ мы обыкновенно представляемъ прекрасными и добрыми, а любителей ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ мужественными.

Прот. И очень.

Сокр. Такъ къ этимъ двумъ ищи иныхъ двухъ, во всемъ

¹ Платонъ разумѣетъ здѣсь едва ли не Аристиппа и его слушателей, которые полагали, что удовольствіе заключается въ движеніи. См. Diog. Laërt. II, § 87 sqq. То же казалось и Тренделенбургу (De Philebo p. 9), который думалъ, что того же мнѣнія держался и Аристотель. Ethic. Nicom. VII, 12; X, 3. Magn. Moral. II, 7.

² Отсюда Сократъ начинаетъ изслѣдывать, какую цѣнность надобно приписать всякому вообще удовольствію. Для этого различаетъ онъ два рода вещей: одинъ родъ тѣхъ, которыя существуютъ сами по себѣ и ни отъ чего не зависятъ; другой—тѣхъ, которыя всегда относятся къ инымъ вещамъ и не довольствуются самими собою. Сравн., что говорится объ этомъ въ Хармидѣ (p. 168 B sqq.). Тому, что по своей природѣ почитается превосходнѣе другаго, приписывается ἡ οὐσία, а другому—несамостоятельному—ἡ ὑέσις, то есть, бытность, явленіе,—поколикु послѣднее стремится къ первому, какъ къ своей цѣли. И οὐσία есть высочайшее благо, такъ какъ оно существуетъ само по себѣ; а ὑέσις есть удовольствіе, ибо прежде было найдено, что удовольствіе происходитъ отъ возстановленія нарушенной гармоніи, все же происходящее есть раждающееся или бытное. И такъ, удовольствіе весьма далеко отстоитъ отъ высочайшаго блага.

Е. подобныхъ,—ищи того, что мы называемъ третьимъ для другаго ¹.

Прот. Говори яснѣе, Сократъ, что говоришь.

Сокр. Тутъ нѣтъ ничего хитраго, Протархъ; слово дразнить насъ, а говорить между тѣмъ, что одно всегда бываетъ для чегонибудь существующаго, другое же—всегда то, ради чего всякій разъ бываетъ бывающее для чегонибудь.

Прот. Насилу понялъ, хоть и многократно сказано было.

Сокр. Можетъ быть, скоро,—по мѣрѣ того, какъ будетъ
54 развиваться наша рѣчь,—поймемъ мы и болѣе, дитя мое.

Прот. Почему не такъ.

Сокр. Возьмемъ же другіе два предмета.

Прот. Какіе?

Сокр. Одно единое—бытность всего, другое единое—сущность.

Прот. Принимаю отъ тебя эти два—сущность и бытность.

Сокр. Весьма правильно. Такъ которое изъ нихъ бываетъ для котораго: бытность ли, скажемъ, для сущности, или сущность для бытности?

Прот. Ты спрашиваешь теперь: называемое сущностью для бытнаго ли есть то, что есть?

В. *Сокр.* Видимо.

Прот. Но, ради боговъ, ужели же меня опять спрашивать объ этомъ?

Сокр. Да вѣдь я, любезный Протархъ, говорю нѣчто та-

¹ Мысль περί τῶν παιδικῶν καὶ ἐραστῶν, равно какъ выраженіе: ἕσα λέγομεν εἶναι τὸ τρίτον ἑτέρῳ, представляются чѣмъ-то очень темнымъ и почти неумѣстнымъ. Сократъ говоритъ здѣсь загадочно и полушуточно, затрогивая своими словами, по видимому, Протарха и Филеба. Такъ какъ рѣчь клонится къ отличенію вещей относительныхъ отъ того, что существуетъ независимо, то примѣръ относительности тотчасъ указывается въ мальчикѣ и его любовникѣ: а то, къ чему направляется ихъ отношеніе и что само не направляется уже ни къ чему другому, предполагается какъ что-то самостоятельное. Это-то самостоятельное и есть походящее на пословицу: τὸ τρίτον ἑτέρῳ,—какъ бы, то есть, было сказано: τὸ τρίτον μεταξὺ τῶν δύοῶν или ἀμφοτέρῳ. Параллельныя этому мысли можно читать по мѣстамъ въ Парменидѣ.

кое ¹: верфь ли, скажешь, скорѣе бываетъ для кораблей, или корабли для верфи? И все, что таково; это самое говорю я, Протархъ.

Прот. Такъ почему не отвѣчаешь ты, Сократъ, самъ себѣ?

Сокр. Нѣтъ причины не отвѣчать; однакожь въ моемъ словѣ принимай участіе и ты.

Прот. Ужь конечно.

Сокр. Я полагаю, что и лѣкарства, и всякія средства, и всякое вещество принаровляются ко всѣмъ для бытнаго, а С. каждое бытное, какъ иное, бываетъ для каждой, какъ иной, сущности; вся же бытность, взятая вмѣстѣ, является для другаго взятаго вмѣстѣ сущаго ².

Прот. Совершенно ясно.

Сокр. Поэтому удовольствіе-то, если оно есть бытное, необходимо должно быть для какойнибудь сущности.

Прот. Какъ же.

Сокр. Но то-то вѣдь, ради чего всегда должно быть бывающее для чегонибудь, принадлежитъ къ области добра; а то, что бываетъ для чегонибудь, надобно отнести, почтеннѣйшій, къ иной области.

Прот. Весьма необходимо.

Сокр. Стало быть удовольствіе-то, если оно есть бытное, D. поставляя въ иную область, чѣмъ въ какой находится доброе,—мы поставимъ его правильно?

¹ Да вѣдь я, любезный Протархъ, говорю нѣчто такое— τοῖνδε τι λέγω, ὡς Πρωταρχέ μοι. Критики очень затруднялись стоящими передъ этимъ словами Протарха: πρὸς θεῶν ἄρα αὐτὸν ἐπαπερωτάς με, и безъ всякой нужды различнымъ образомъ измѣняли ихъ, между тѣмъ какъ надлежало бы обратить вниманіе скорѣе на отвѣтъ Сократа: τοῖνδε τι λέγω. Мнѣ кажется, здѣсь нуженъ бы какойнибудь союзъ, чтобы этотъ отвѣтъ тѣснѣе соединился съ вопросомъ. По моему мнѣнію, фраза должна бы начинаться такъ: ἀλλὰ τοῖνδε τι λέγω

² Здѣсь высказывается взглядъ Платона на отношеніе всего являющагося и существующаго. Чтобы чтонибудь родилось, произошло, стало отдѣльнымъ явленіемъ, нужно вещество—ὄλη, не въ смыслѣ первой матеріи—ὕποδοχὴ τῶν χρημάτων (этого термина въ такомъ значеніи Платонъ никогда не употреблялъ), а какъ пища или условіе явленія. Но всякая образовавшаяся такимъ образомъ бытность должна направляться къ тому, что служить ей основаніемъ, или что имѣетъ въ ней значеніе силы организующей, которую Платонъ называетъ οὐσία.

Прот. Даже весьма правильно.

Сокр. Посему, какъ я говорилъ въ началѣ этого разсужденія, объявившему касательно удовольствія, что оно есть бытное, а сущности не заключаетъ въ себѣ нисколько, надобно быть благодарнымъ: ибо явно, что онъ смѣется надъ тѣми, которые удовольствіе называютъ добромъ.

Прот. И очень.

Сокр. Да вѣдь тотъ же самый будетъ всякій разъ смѣяться и надъ тѣми, которые ограничиваются бытностями.

Прот. Какъ же и о комъ говоришь ты?

Сокр. О тѣхъ, которые, утоливъ или голодь, или жажду, или что нибудь подобное этому, совершаемое въ бытномъ, рады бываютъ бытному, такъ какъ въ немъ заключается удовольствіе, и говорятъ, что не захотѣли бы и жить, если бы не алкали, не жаждали и не испытывали другихъ какихъ бы то ни было слѣдующихъ за этими ощущеній.

55. *Прот.* Да, они таковы.

Сокр. Но противнымъ тому-то, что бываетъ, всѣ мы могли бы назвать разрушающееся.

Прот. Необходимо.

Сокр. Такъ принимающій это долженъ принять также разрушеніе и рожденіе,—но не ту третью жизнь, въ которой нѣтъ ни радости, ни скорби, а есть разумность, сколько возможно чистѣйшая.

Прот. Большой, какъ видно, Сократъ, пришлось бы проявиться нелѣпости въ мышленіи, если бы кто удовольствіе представлялъ намъ въ видѣ добра.

Сокр. Большой, особенно когда мы скажемъ еще, и почему.

Прот. А почему?

В. *Сокр.* Какъ не нелѣпо думать, будто нѣтъ ничего добраго и прекраснаго ни въ тѣлѣ, ни во многомъ другомъ, кромѣ какъ въ душѣ, и будто доброе и прекрасное здѣсь—только удовольствіе, а мужество, или разсудительность, или умъ, или что иное изъ благъ, доставшихся на долю души, отнюдь не таково? Да и сверхъ того, не радующій-

ся, а скорбящій принужденъ былъ бы тогда согласиться, что въ минуты скорби онъ золъ,—хотя бы былъ лучше всѣхъ; радующійся же опять, чѣмъ болѣе радуется,—когда радуется, —тѣмъ больше отличается добродѣтелью.

Прот. Все это, Сократъ, въ высшей степени нелѣпо.

Сокр. Такъ чтобы не показалось, будто мы взялись всячески сдѣлать изслѣдованіе удовольствія, а ума и знанія какъ бы сильно бережемся.—Обстучимъ же все это мужественнѣе, не дребезжить ли тутъ что нибудь ¹, пока не достучимся до чистѣйшаго по природѣ, и, смотря на это, произнесемъ сужденіе, какъ общее объ удовольствіяхъ, такъ и отдѣльное—объ истиннѣйшихъ частяхъ удовольствія.

Прот. Правильно.

Сокр. Не справедливо ли я думаю, что у насъ одна сто- D.
рона знанія наукъ есть художническая, а другая—образовательная и питательная ²? Или какъ?

¹ Обстучимъ—не дребезжить ли, εἰ τί τι σαφρὸν ἔχει, καὶ περιχρῶμεν. Эта метафора взята отъ способа испытывать сосуды, нѣтъ ли въ нихъ скважинъ или трещинъ, и узнавать доброту ихъ по звуку. Theaet. p. 179 D: σκεπτόν τῆν φερόμενῆν ταύτην οὐσίαν διαχρῶμεν, εἴτε οὐκ ἔτε σαφρὸν φθέρηται, γὰρ Σхолиастъ замѣчаетъ: ἐκ μεταφορᾶς τῶν διακωδωνούτων τὰ κεράτια, εἰ ἀκέραια εἶναι.

² Содержаніе начинающагося здѣсь изслѣдованія таково. Есть два рода искусствъ и наукъ: одинъ имѣетъ въ виду дѣятельность и относится къ нуждамъ жизни,—посему называется δημιουργικόν или χειροτεχνικόν; а другой занимается образованіемъ и дисциплиною. Потомъ—изъ искусствъ ремесленныхъ—одни больше въ связи съ знаніемъ, другія меньше, и отъ того бываютъ или чище, или менѣе чисты. Первые берутъ въ помощь математику, арифметику, науку измѣренія и взвѣшиванія; а послѣднія оставляютъ это посobie, и потому основываются на догадкахъ и навыкѣ. Но и самыя математическія науки распадаются на два отдѣла; ибо бываютъ либо народными, и прилагаются къ исчисленію и измѣренію предметовъ частныхъ, либо восходятъ выше и изслѣдываютъ самыя основанія чиселъ, вѣсомостей и фигуръ. Первые суть практическія, а послѣднія—теоретическія, болѣе приближающія къ достоинству знанія. Надобно конечно согласиться, что эти науки очень точны; однакожь далеко выше всѣхъ ихъ стоитъ наука, разсматривающая истинно сущее, всегда себѣ равное, и нѣкоторымъ образомъ заключающая въ себѣ всѣ другія науки. Это не есть искусство ораторское, которымъ хвастаются софисты, а то, которое ведетъ душу къ познанію истины. Многіе люди, ища истины, останавливаются на мнѣніяхъ и сужденіи о вещахъ видимыхъ. Но такимъ образомъ приобрѣтается не познаніе истины, которая неизмѣнна, постоянна, вѣчна, а понятіе о томъ, что бываетъ,

Прот. Такъ.

Сокр. Размыслимъ же прежде о ремеслахъ,—больше ли знанія въ однихъ между ними, а въ другихъ меньше, и должно ли одни изъ нихъ понимать какъ чистѣйшія, а другія какъ менѣ чистыя.

Прот. Поэтому надобно.

Сокр. Но господствующія слѣдуетъ взять особо отъ каждаго изъ нихъ.

Прот. Которыя и какъ?

Е. *Сокр.* Напримѣръ, если бы кто отъ всѣхъ искусствъ отдѣлилъ искусство считать, измѣрять и взвѣшивать, то остальное, можно сказать, было бы не важно.

Прот. Конечно не важно.

Сокр. Послѣ этого, то есть, оставалось бы водиться правдоподобіемъ, доставить опытность и нѣкоторый навыкъ чувствамъ и развить въ нихъ способность угадывать,—чтò мно-
56. гіе называютъ искусствомъ, получающимъ силу чрезъ упражненіе и трудъ ¹.

Прот. Ты говоришь то, что совершенно необходимо.

Сокр. И этимъ, можетъ быть, прежде всего полна музыка, устрояющая гармонію не мѣрою, а чуткостію, пріобрѣтаемою упражненіемъ;—этимъ полна и духовая и вся струн-

измѣняется и исчезаетъ; но это недостойно имени истиннаго знанія. Отсюда философъ выводитъ порядокъ всѣхъ наукъ и искусствъ, и устанавливаетъ его такъ: первое мѣсто даетъ философіи и діалектикѣ, второе—наукамъ математическимъ болѣе чистымъ, третье—математикѣ народной, четвертое—искусствамъ мастерскимъ, пользующимся науками математическими, пятое же наконецъ—тѣмъ, которыя совершенно чужды математической точности и изучаются однимъ упражненіемъ и навыкомъ. Объ этомъ предметѣ говорится также Phaedr. p. 248 E sqq.; Politic. p. 278 A sqq.; De Rep. VII, p. 521 C sqq.,—X, p. 602 sqq.; Gorg. p. 451 C sqq.

¹ Подобное ученіе см. Gorg. p. 463 B: ὁ δοκεῖ μὲν εἶναι τέχνη οὐκ ἔστι τέχνη, ἀλλ' ἐμπειρία καὶ τριβή. Ibid. 465 A: τέχνην δ' αὐτὴν οὐ φημι εἶναι, ἀλλ' ἐμπειρίαν, ὅτι οὐκ ἔχει λόγον οὐδένα—ὥστε τὴν αἰτίαν ἑκάστου μὴ ἔχειν εἰπεῖν, ἐγὼ δὲ τέχνην οὐ καλῶ, ὁ δὲ ἂν ἢ ἄλογον πράγμα. Ibid. p. 501 A. Phaedr. p. 260 E. 270 B. Legg. IX, p. 857; XI, p. 938 A. О наукахъ же математическихъ и другихъ необходимыхъ сравн. De Rep. VII, p. 522.

ная ея часть ¹, выдерживающая мѣру всякой звучащей струны догадкою, такъ что къ музыкѣ примѣшивается много неяснаго, а твердаго въ ней мало.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Такими же найдемъ мы искусства: и врачебное, и в. земледѣльческое, и кораблеводительное, и военнопачальническое.

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. Домостроительное же, пользуясь многочисленными мѣрами и орудіями, которыя даютъ ему возможность соблюдать въ своемъ дѣлѣ особенную точность, имѣеть, думаю, художественности больше, чѣмъ многія знанія.

Прот. Въ чемъ?

Сокр. Въ построеніи кораблей, домовъ и во многихъ другихъ деревянныхъ постройкахъ. Вѣдь оно употребляетъ, думаю, и правило, и циркуль, и ватерпасъ, и отвѣсъ, и какую-то хитро сдѣланную линейку. С.

¹ И духовая и вся струнная ея часть, καὶ ζύμματα αὐτῆς αὐλητικῆ, τὸ μέτρον ἑκάστης χορδῆς τῷ στοιχάζεσθαι φερομένης θηρεύουσα. Здѣсь я долженъ дать отчетъ, откуда взята мною «вся струнная часть», когда по гречески стоитъ: καὶ ζύμματα αὐτῆς αὐλητικῆ, и когда флейта есть инструментъ духовой, а не струнный. Весьмъ конечно извѣстно, что струнные инструменты подстраиваются подъ тонъ флейты, когда надобно пѣть, что у Тибулла (I, 1, 4) называется classica pulsare, или какъ у Аристофана (Avv. v. 682): καλλιβόαν κρηκοῦσ' αὐλὸν φθέγμασιν ἤρινοῖς; но всетаки струнныхъ звуковъ за голосъ флейты въ этомъ мѣстѣ принимать нельзя, — тѣмъ болѣе, что αὐλητικῆ представляется здѣсь какъ бы родовымъ понятіемъ всей струнной музыки: καὶ ζύμματα αὐτῆς αὐλητικῆ, τὸ μέτρον ἑκάστης χορδῆς — θηρεύουσα. Посему не удивительно, что Гевзде и Шлейермахеръ признали этотъ текстъ испорченнымъ и, вмѣсто αὐλητικῆ, предлагали читать πληκτικῆ. Въ такомъ затрудненіи лучше всего обратиться къ древнимъ кодексамъ Платоновыхъ сочиненій. Одинъ изъ нихъ, Ven. Σ, по свидѣтельству Беккера, нѣсколько отступаетъ отъ обыкновеннаго чтенія, и послѣ αὐλητικῆ прибавляетъ: καὶ κιθαρῖτικῆ. Это чтеніе представляется дѣйствительно хорошимъ; потому что αὐλητικῆ и κιθαρῖτικῆ, по свойству ихъ инструментовъ, составляютъ цѣлостъ и полноту всей музыки, какъ духовой, такъ и струнной. Въ такомъ случаѣ слѣдующія за словомъ αὐλητικῆ слова: τὸ μέτρον ἑκάστης χορδῆς τῷ στοιχάζεσθαι φερομένης θηρεύουσα, будутъ относиться уже къ κιθαρῖτικῆ, однакожъ такъ, что въ то же время могутъ идти и къ αὐλητικῆ; потому что въ Политикѣ Платона (III, p. 399 D) флейта называется ὄργανον πολυχорδόντατον, — конечно въ томъ смыслѣ, что она уравниваетъ собою всѣ тоны струнныхъ инструментовъ.

Прот. Конечно такъ, Сократъ; ты правильно говоришь.

Сокр. Положимъ же два рода сказанныхъ искусствъ: одни—относящіяся къ роду музыки и соблюдающія въ своихъ произведеніяхъ меньше точности, а другія—подходящія къ искусству домостроительному и болѣе точныя.

Прот. Пусть будутъ положены.

Сокр. Точнѣйшими же изъ нихъ будутъ тѣ, которыя недавно назвали мы первыми.

Прот. Ты говоришь, кажется мнѣ, объ ариѳметикѣ и о тѣхъ искусствахъ, о которыхъ недавно упоминалъ вмѣстѣ съ нею.

Д. *Сокр.* Конечно. Но и этихъ, Протархъ, не назвать ли опять искусствами двоякаго рода? Или какъ?

Прот. Которыя же разумѣешь ты?

Сокр. Во первыхъ, ариѳметику не понимать ли—одну, какъ искусство общенародное, а другую—какъ искусство философовъ ¹?

Прот. Чѣмъ же бы ограничить ее, чтобы различить, какъ одну и другую?

Сокр. Не маловажное ограниченіе, Протархъ. Вѣдь одни считаютъ въ числахъ единицы неравныя ²,—напримѣръ,

¹ Знакомые съ обыкновенною ариѳметикою опредѣляютъ числами вещи матеріальныя, а самыхъ чиселъ и пропорціального отношенія ихъ однихъ къ другимъ не разсматриваютъ. Отъ этихъ Платонъ отличаетъ *φλοσοφοῦντας*, которые пользуются ариѳметикою такъ, что своимъ умомъ отъ вещей тѣлесныхъ возносятся къ мыслимому, и познаютъ такъ называемыя отвлеченныя понятія количества, пропорціальности, величины и проч. Прекраснымъ комментариемъ этого мѣста можетъ служить разсужденіе въ Политикѣ Платона VII, p. 525 B, 526 B. Снес. He u s d. Init. Philosoph. Platon. vol. VII, p. II, p. 54 sqq., 57 sqq.

² Народъ считаетъ обыкновенно единицы неравныя, т. е. отдѣльныя, которыя хотя и кажутся равными, однакожь различаются между собою самою природою; ибо вещи, подлежащія чувствамъ, имѣютъ ту особенность, что сколь ни много ихъ въ одномъ родѣ, но одна изъ нихъ никогда не бываетъ вполне сходна съ другою. Этотъ вопросъ прекрасно обсуживается Платономъ въ Политикѣ VII, p. 523 A sqq.; p. 524 B. Совершенно иначе считаютъ *οἱ φιλοσοφοῦντες*: они отвлекаютъ умъ отъ конкретнаго содержанія вещей и, оставивъ ихъ разницы, стараются уловить одну идею, чрезъ присущіе которой все онѣ относятся къ одному роду. Раздѣльнѣе объ этомъ говорится De Rep. VII, p. 524 sqq.

два войска, два быка, два предмета малѣйшихъ или два Е. величайшихъ; а другіе никогда не слѣдуютъ имъ, если въ безчисленномъ множествѣ единицъ не представится одной, не отличающейся ни отъ которой другой.

Прот. Такъ ты, дѣйствительно, хорошо сказалъ, что не мала разница для людей, корпящихъ надъ числами ¹, чтобы имѣть основаніе различать двѣ ариметики.

Сокр. Что жъ? Искусство исчислять и измѣрять, употребляемое при домостроительствѣ и въ торговлѣ, отличается ли отъ геометріи и счисленія, занимающихъ философію? Надобно ли сказать, что то и другое—одно, или положимъ ихъ два?

Прот. Слѣдуя прежнему, я, чтобы высказать мое мнѣніе, положилъ бы то и другое изъ нихъ какъ два.

Сокр. Правильно. А понимаешь ли, для чего мы поставили это на видъ ²?

Прот. Можетъ быть; но желательно, чтобы на теперешній вопросъ отозвался ты.

Сокр. Да мнѣ-то кажется, что наша рѣчь не меньше, какъ и въ самомъ своемъ началѣ, пришла къ этому, ища противусоотвѣтственнаго удовольствіямъ и изслѣдывая, бываетъ ли одно знаніе чище другаго знанія, какъ удовольствіе чище удовольствія.

Прот. Тò-то въ самомъ дѣлѣ очень ясно, что къ этому направлялась твоя рѣчь.

Сокр. Такъ что же? Въ прежнихъ искусствахъ не нашла ли она, что одно изъ нихъ имѣетъ преимущество предъ другими, и бываетъ яснѣе или темнѣе другаго?

Прот. Конечно.

¹ О глаголѣ корпѣть, *κατάκειν*, см. De Rep. VII, p. 521 E.

² Поставили на видъ, *προσφέρουσα εἰς τὸ μέσον*. Въ трехъ лучшихъ спискахъ стоитъ *προσφέρουσα*. Но тогда какъ римляне говорили *proferre in medium* и *afferre in medium*, греки въ этомъ случаѣ удержали только форму *профѣреив*, а *просфѣреив* не употребляли. *Профѣреив εἰς τὸ μέσον* встрѣчаемъ у Платона Legg. VII, p. 812 C; XI, p. 936 A; X, 866 D; Sophist. p. 259 D.

Сокр. А въ этихъ опять ¹, произнесши какое нибудь искусство одноименное и составивъ о немъ мнѣніе какъ объ С. одномъ, она тоже спрашиваетъ, какъ будто бы ихъ было два: ясное, то есть, и чистое здѣсь не точнѣе ли будетъ отнестъ къ философствующимъ, чѣмъ къ не философствующимъ?

Прот. Она, кажется мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ объ этомъ спрашиваетъ.

Сокр. Такъ какой же дадимъ ей отвѣтъ, Протархъ?

Прот. Относительно ясности, Сократъ, мы дошли до удивительно великой разницы между знаніями.

Сокр. Не тѣмъ ли легче будемъ отвѣчать?

Прот. Почему не такъ. И сказано-то будетъ, что эти искусства много отличаются отъ другихъ; а изъ этихъ са-
Д. мыхъ особенно отличны занимающіяся съ точностію и истинностію мѣрами и числами, и помогающія неимовѣрнымъ усиліямъ настоящихъ философовъ.

Сокр. Пусть это будетъ по твоему; вѣря тебѣ, мы людямъ, сильнымъ въ растягиваніи рѣчей ², смѣло дадимъ отвѣтъ.

Прот. Какой?

Сокр. Что есть два искусства исчислять и два искусства измѣрять,—и таковы всѣ къ нимъ относящіяся ³: они имѣютъ эту двоичность, а имя имъ одно—общее.

¹ Мѣстоименіе въ этихъ, ἐν τοῦτοις, противопоставляется предъидущему ἐν τοῖς ἐμπροσθεν и относится къ тому, что сейчасъ говорено было о наукахъ математическихъ. Эти науки, то есть, ариметика, логистика и геометрія, въ бывшемъ теперь разсужденіи шли подъ однимъ общимъ именемъ—ἡ λόγος ταύτας ὡς ἀριθμητικὴ τέχνη ἐφθεύξατο; но онѣ, одноименныя, должны быть изслѣдованы такъ, какъ будто бы ихъ имѣлось двѣ. Слушатели могли подумать, что каждая изъ этихъ наукъ есть наука единичная; а Сократъ, напротивъ, находитъ важное различіе между ариметикою, логистикою и геометріею народною и философскою.

² Разумѣются эристики и софисты, которые и въ Теэтетѣ изображаются какъ τοὺς λόγους ἀνω κατὰ ἔκδοξας.

³ Говоря, что таковы всѣ къ нимъ относящіяся, Платонъ даетъ чрезъ это понять, что двоичными могутъ быть не эти только науки—аритметика, логистика и геометрія, но и другія, о которыхъ онъ не упоминаетъ, и каковы, напримѣръ, статика, стереометрія, астрономія, музыка, достаточно разсмотрѣнныя съ этой стороны въ Политикѣ—VII, p. 527 C sqq.

Прот. Счастливо ¹, Сократъ! Дадимъ этотъ отвѣтъ тѣмъ, е. кого называешь ты сильными.

Сокр. Такъ этимъ знаніямъ мы даемъ особенно имя точныхъ?

Прот. Конечно.

Сокр. Но насъ, Протархъ, пристыдила бы вѣдь сила собесѣдованія ², если бы мы предпочли ей какуюнибудь иную.

Прот. Какую же опять надобно разумѣть подъ нею? 58.

Сокр. Очевидно ту, которая знала бы всякое недавно упомянутое искусство. Вѣдь, я думаю, всѣ, у кого есть хоть немного ума, убѣждены въ томъ, что знаніе сущаго, существеннаго и всегда тождественнаго есть знаніе самое истинное ³. А ты, Протархъ, какъ ⁴ рассудилъ бы объ этомъ?

Прот. Я часто слыхалъ, Сократъ, какъ Горгіасъ всегда утверждалъ, что искусство убѣждать много превосходнѣе всѣхъ искусствъ ⁵, потому что оно все заставляетъ себя рабствовать по доброй волѣ, а не по принужденію, и от-

¹ О привѣтствіи τῆς ἀγαθῆς см. Criton. p. 43 D; Sympos. 177 E. Мы говоримъ обыкновенно: счастливо! добрый путь! съ Богомъ! дай Богъ благополучно!

² Сила собесѣдованія, ἡ τοῦ διαλέγεσθαι δύναμις, есть не иное что, какъ диалектика. Этотъ перифразъ ея повторяется во многихъ мѣстахъ. De Rep. VII, p. 533 A: ὅτι ἡ τοῦ διαλέγεσθαι δύναμις μόνη αὐτῷ φησὶ ἐμπείρω ἐντι Ibid. p. 537 D: τῆ τοῦ διαλέγεσθαι δυνάμει βασιλεύοντα. Ibid. p. 511 B: αὐτὸς ὁ λόγος ἀπτεται τῆ τοῦ διαλέγεσθαι δυνάμει. Диалектика также вслѣдъ за этимъ (p. 58 C) называется ἡ τοῦ διαλέγεσθαι πραγμатеία. А вмѣсто δύναμις, для означенія диалектики, иногда употребляется ἐπιστήμη. Эту-то диалектику Сократъ поставляетъ теперь выше всѣхъ наукъ, и опасается, какъ бы не предпочесть ей какой другой. Глаголь ἀναίεσθαι, по Гезихію, ἀρνεῖσθαι, заключаетъ въ себѣ понятие стыда и раскаянія. Valckenar. Ad Callimach. Fragm. p. 251.

³ О превосходствѣ диалектики предъ прочими науками прекрасно говорится въ Политикѣ VII, p. 531 D sqq.; 532 A, C; 533 B. sqq.

⁴ Какъ рассудилъ бы объ этомъ? τί πῶς τοῦτο διακρίνοις αὐτῷ. По русски надлежало бы сказать: чѣмъ и какъ; но нашимъ «какъ» иногда указывается столько же на форму, сколько и на содержаніе. Такое значеніе принадлежитъ ему и здѣсь.

⁵ Высказываемое здѣсь Протархомъ мнѣніе Горгіаса можно видѣть въ диалогѣ Платона, озаглавленномъ именемъ этого Софиста: Gorg. p. 452 D, E, гдѣ Горгіасъ самъ превозноситъ свою науку за ея способность убѣждать.

В. того далеко выше, чѣмъ прочія искусства. Теперь я не хотѣлъ бы противорѣчить ни тебѣ, ни ему.

Сокр. Ты какъ будто взялъ противъ меня оружіе, да постыдился и бросилъ.

Прот. Пусть теперь будетъ такъ, какъ тебѣ кажется.

Сокр. Виновать ли я, что ты худо понялъ?

Прот. Что такое?

Сокр. Вѣдь я изслѣдывалъ не то, любезный Протархъ, какое искусство, или какое знаніе превосходнѣе всѣхъ тѣмъ, С. что оно величайшее, отличное и чрезвычайно полезное для насъ,—а то, какое наблюдаетъ за ясностію, точностію и истинностію, хотя бы оно было маловажно и мало полезно. Этого-то теперь ищемъ мы. Смотри же, ты не оскорбишь вѣдь и Горгіаса, уступивъ его искусству способность господствовать надъ людьми чрезъ доставленіе имъ пользы; помни только, что въ настоящую минуту разсматривается такое дѣло, какое имѣлось въ виду, когда я говорилъ о бѣломъ, что бѣлое—хотя бы оно было и мало, да чисто—этимъ самымъ, своею истинностію, превосходить и бѣольшую D. бѣлизну, если она не такова. Такъ вотъ мы теперь сильно задумываемся и много разсуждаемъ—смотря не на какуюнибудь пользу знаній и не на какуюнибудь важность ихъ, а на то, есть ли въ нашей душѣ какая сила, любящая истину и для ней все дѣлающая. Объ этой-то силѣ должны мы говорить, изслѣдывая чистоту ума и разумности, чтобы рѣшить, она ли есть это обыкновенное достояніе человѣка, E. или надобно намъ искать другой, выше ея.

Прот. Я вникаю и думаю, что трудно допустить какоенибудь иное знаніе или искусство, которое больше держалось бы истины, чѣмъ это.

Сокр. Не въ томъ ли смыслѣ надобно понимать эти твои слова, что многія искусства и всѣ, которыя трудятся ¹

¹ Разумѣются тѣ многія искусства и науки, о которыхъ упоминалось прежде, которыя вращаются въ кругу предметовъ, доступныхъ чувствамъ, и если про-

надъ своими предметами, прежде имѣютъ въ виду мнѣнія 59. и дружно изслѣдываютъ то, что относится къ мнѣніямъ? Если же кто и думаетъ, что занимается природою, то,—знаешь ли?—онъ во всю жизнь имѣетъ дѣло съ нашимъ міромъ явленій, рассматривая, какъ здѣсь что произошло, какъ здѣсь что дѣйствуетъ и страдаетъ ¹). Скажемъ ли такъ, или нѣтъ?

Прот. Такъ.

Сокр. Стало быть, такой человекъ трудится не надъ тѣмъ, что всегда существуетъ, а надъ бывающимъ, будущимъ и бывшимъ.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. А изъ этого назовемъ ли мы что яснымъ, относительно къ точнѣйшей истинѣ бытія, когда здѣсь и не было В. никогда ничего тождественнаго, и не будетъ, и въ настоящее время не имѣется?

Прот. Какъ назвать?

Сокр. Но въ томъ, что не заключаетъ въ себѣ ничего постояннаго, найдемъ ли мы для себя что нибудь постоянное?

Прот. Это, думаю, никакъ невозможно.

стираются до тонкостей, то поднимаютъ умъ къ высшей области и возбуждаютъ силу мышления, хотя чрезъ это не дѣлаются еще наукою, достойною своего имени, не приобрѣтаютъ того, что называется знаніемъ—ἐπιστήμη. De Rep. V, p. 477 C; VI, p. 511 B, C, D; VII, p. 533 D sqq. Всѣ эти науки трудятся, πελοῦνται; а πελοῦνται значитъ выносить—особенно въ мастерствѣ—тяжкія работы, подобно Омировымъ циклопамъ, доившимъ овецъ и козъ (Odys. i, v. 250, 310, 343): но всѣ онѣ занимаются только мнѣніями и изъ круга мнѣній не выступаютъ.

¹ Говоря, что всѣ упомянутыя науки дружно занимаются мнѣніями, философъ поприще ихъ трудовъ видитъ ἐν τῷ κόσμῳ τῷδε—въ мірѣ явленій. Въ такомъ именно значеніи употребляетъ онъ слово космосъ, то есть, разумѣетъ его какъ прекрасное убранство природы, не заключающее въ себѣ однако ничего постояннаго и неизмѣняемаго, и потому не доставляющее тѣмъ труженикамъ дѣйствительной истины. Исторія космоса, по ученію Платона, обогащаетъ насъ только свѣдѣніями правдоподобными, на которыхъ наука, стремящаяся къ истинѣ, надежно опираться не можетъ. Tim. p. 29 A sqq.; 42 E sqq.; 46 D. Потому-то и въ извѣстномъ мѣстѣ Федона (p. 97 C sqq.) Сократъ укоряетъ Анаксагора, что онъ, положивъ, будто все въ мірѣ явленій управляется умомъ, при дѣйствительномъ разсматриваніи вещей, не воспользовался этою причиною, но природу вещей изъяснялъ то изъ воздуха, то изъ воды, то изъ огня. Оставивъ эти земныя вещи, Платонъ возносился своимъ умомъ къ идеямъ ихъ, и изъ идей старался объяснять значеніе вещей.

Сокр. Стало быть, ни умъ, ни знаніе, поколику они держатся самаго истиннаго, на этомъ не останавливаются.

Прот. Да и естественно.

Сокр. И такъ, распрощаемся со всѣми—и съ тобою, и со мною, и съ Горгіасомъ, и съ Филебомъ,—и будемъ свидѣтельствовать слѣдующимъ основаніемъ.

Прот. Какимъ?

Сокр. Постоянное, чистое, истинное и называемое подлиннымъ пусть будетъ у насъ либо то, всегда тожественное, себѣ равное и не смѣшанное, либо—новая попытка—¹ съ этимъ сродное; а все другое надобно называть вторичнымъ и послѣднимъ.

Прот. Ты говоришь весьма справедливо.

Сокр. Но къ этимъ прекраснѣйшимъ предметамъ не будетъ ли справедливо приложить и прекраснѣйшія означающія ихъ имена?

Прот. Естественно.

Д. *Сокр.* А имена, особенно почтенныя-то, не суть ли умъ и разумность?

Прот. Да.

Сокр. Стало быть, они, тщательно приложенныя къ помысламъ объ истинно-сущемъ, будутъ сочтены приложенными правильно.

Прот. Конечно.

Сокр. И тѣ-то вѣдь имена, представленныя тогда мною на обсужденіе, были не иныя, а эти.

¹ Новая попытка— η δεύτερος. Stephanus: «Aut δεύτερον scribendum, aut aliquid cum δεύτερος deesse dicendum est». Больше справедливо послѣднее. Нѣкоторые критики думали прояснить дѣло чрезъ измѣненіе δεύτερος въ δευτέρως и въ этомъ случаѣ опирались на нѣкоторыхъ худшихъ спискахъ: но мнѣ кажется болѣе вѣрною догадка Шлейермахера, который полагаетъ, что послѣ δεύτερος здѣсь пропущено слово πλοῦς. Эта пословица δεύτερος πλοῦς, о которой см. Phaedon. p. 99 D, въ самомъ дѣлѣ здѣсь умѣстна; потому что она употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда первый опытъ бываетъ неудаченъ и остается лавировать. А здѣсь то и есть: надобно брать тожественное, всегда себѣ равное, а если это не удастся, нужно обращаться по крайней мѣрѣ къ тому, что сродно съ этимъ.

Прот. Какъ же, Сократъ.

Сокр. Пускай. Но кто, имѣя въ виду смѣшать между собою разумность и удовольствіе, приказалъ бы намъ сложить ихъ и смотрѣлъ бы на насъ, какъ на мастеровъ, которые изъ нихъ или въ нихъ должны что нибудь образовать, тотъ этимъ способомъ могъ бы хорошо уподобить ихъ.

Прот. И очень.

Сокр. Такъ послѣ этого не приняться ли намъ за смѣшеніе?

Прот. Почему же.

Сокр. Не будетъ ли правильнѣе, если мы предварительно скажемъ и напомнимъ себѣ это?

Прот. Что такое?

Сокр. О чемъ и прежде упоминали. Пословица, кажется, хорошо говорить, что хорошее надобно переворачивать словомъ два-три раза ¹.

60.

Прот. Почему же.

Сокр. Такъ давай, съ Богомъ. Сказанное нами тогда, думаю, такъ было сказано.

Прот. Какъ?

Сокр. Филевъ говорилъ, что удовольствіе есть правильная цѣль для всѣхъ животныхъ, и что къ ней должны идти всѣ. Это самое для всѣхъ есть также и добро. И два означенныхъ имени—добро и удовольствіе—къ чему-то одному, къ одной природѣ, прилагаются правильно. А Сократъ сперва говорилъ, в. что это не такъ,—что будто бы два имени—и добро и пріятность—имѣютъ отличную одно отъ другаго природу, и что сторонѣ добра больше причастна разумность, чѣмъ удовольствіе. Не это ли, Протархъ, говорено было теперь и тогда?

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но и тогда, и теперь не въ томъ ли мы соглашались?

¹ Переворачивать словомъ два-три раза, καὶ δις καὶ τρίς τό γε καλῶς λέγειν. Пословица или, лучше, поговорка: δις καὶ τρίς τό καλόν, или δις καὶ τρίς καλόν τὰ καλὰ λέγειν. См. Gorg. p. 498 E.

Прот. Въ чемъ?

е. *Сокр.* Что природа добра отличается отъ прочаго вотъ какъ.

Прот. Какъ?

Сокр. Которому изъ животныхъ оно всегда, всецѣло и постоянно присуще, то ни въ чемъ другомъ никогда не нуждается, но совершенно довольно. Не такъ ли?

Прот. Конечно такъ.

Сокр. И не старались ли мы своими разсужденіями отдѣлать одно отъ другаго, и каждое ввести въ жизнь особо: удовольствіе безъ смѣшенія съ разумностію, а разумность также безъ всякой, даже самамалѣйшей, примѣси удовольствія?

Прот. Это было.

д. *Сокр.* И каждое изъ этихъ состояній не показалось ли намъ въ то время удовлетворительнымъ для всякаго?

Прот. Какъ же.

Сокр. Если же тогда-то мы сбились съ пути, пусть теперь кто нибудь снова возьмется и скажетъ правильнѣе, положивъ въ одной идеѣ и память, и разумность, и знаніе, и истинное мнѣніе, и наблюдая, захочетъ ли кто себѣ безъ нихъ хоть чего нибудь сущаго или бывающаго,—захочетъ ли даже удовольствія,—сколь бы широко или сильно оно ни было, какъ скоро, захотѣвши, ни на минуту не будетъ имѣть ни истиннаго мнѣнія о своей радости, ни самамалѣйшаго познанія о своемъ состояніи, ни памяти о своихъ чувствованіяхъ. То же скажи и о разумности: скорѣе ли захочетъ кто имѣть разумность безъ всякаго, хотя бы кратчайшаго, удовольствія, чѣмъ съ нѣкоторыми удовольствіями, или скорѣе согласится имѣть всѣ удовольствія безъ разумности, чѣмъ съ нѣкоторою разумностію.

Прот. Это невозможно, Сократъ; да и зачѣмъ намъ часто возвращаться къ тѣмъ же вопросамъ?

61. *Сокр.* Впрочемъ совершеннымъ-то, вождѣлѣннымъ и всецѣлымъ для всѣхъ благомъ не можетъ быть нѣкоторое изъ нихъ.

Прот. Какъ быть!

Сокр. Поэтому благо или ясно (само по себѣ), или надобно взять его въ какомъ нибудь очеркѣ ¹, чтобы можно было, какъ мы сказали, дать которому либо изъ нихъ второе мѣсто.

Прот. Ты весьма правильно говоришь.

Сокр. Не нашли ли мы нѣкоего пути къ благу?

Прот. Какого пути?

Сокр. Вѣдь если бы кто, ища человѣка, сперва правильно распросилъ о мѣстопробываніи его, гдѣ онъ живетъ, это В. было бы, вѣроятно, какимъ-то важнымъ способомъ для отысканія искомаго.

Прот. Какъ не важнымъ.

Сокр. Вотъ же и теперь разсужденіе показываетъ намъ, какъ показывало вначалѣ, что блага надобно искать въ жизни не несмѣшанной, а смѣшанной.

Прот. Конечно.

Сокр. Больше надежды, что мы нагляднѣе увидимъ искомое въ хорошо смѣшанномъ, чѣмъ въ не смѣшанномъ.

Прот. И очень.

Сокр. И такъ, молясь богамъ ², Протархъ,—Діонисъ ли ^С это, Ифестъ, или кто другой изъ боговъ получилъ такую честь смѣшенія,—будемъ смѣшивать.

¹ Взять его въ какомъ нибудь очеркѣ, ἢ καὶ τῶν τύπων αὐτοῦ ἀπτεῖν. Слово τύπος между прочимъ употреблется для означенія общаго очерка вещи, за которымъ потомъ слѣдуетъ подробное ея описаніе или изображеніе. Поэтому τύπος здѣсь правильно противопоставляется нарѣчію σαφῶς. Таково употребленіе этого слова выше, р. 32 В: δοκί μοι τῶν γέ τῶν εἶναι. De Rep. II, р. 414 А: ὡς ἐν τύπῳ, μὴ δὲ ἀκριβείας ἐπιθεῖν. VI, р. 491 С: εἶπες γάρ τὸν τύπον ὧν λέγω.

² Приступая къ смѣшенію удовольствій съ искусствами и науками, Сократъ и теперь, какъ прежде при подобномъ случаѣ (р. 25 В), считаетъ нужнымъ обратиться съ молитвою къ богамъ и полагаетъ, что тутъ надобно молить тѣхъ изъ нихъ, которымъ предоставлена власть и сила производить смѣси; а такіи богами почитаетъ Діониса и Ифеста, потому что Ифестъ у Омира (Πιάδ. 1, v. 595 sqq.) подноситъ богамъ кубки:

Улыбнулась богиня, лилейно-раменная Гера,

И съ улыбкой отъ сына блистательный кубокъ пріяла.

Онъ и другимъ небожителямъ, съ правой страны начиная,
Сладостный нектаръ подноситъ, черная кубкомъ изъ чаши.

Соч. Плат. Т. V.

Прот. Конечно будемъ.

Сокр. И предъ нами, будто предъ какими виноразливателями, текутъ два ручья: одинъ, ручей удовольствія, можно уподобить меду; а другой, трезвенный и чуждый вина ручей разумности, походить на суровую и здоровую воду ¹. Эти-то стихіи надобно постараться смѣшать самымъ лучшимъ образомъ.

Прот. Почему не смѣшать.

D. *Сокр.* И вотъ, во первыхъ: все ли удовольствіе смѣшавъ со всею разумностію, получимъ мы смѣсь особенно хорошую?

Прот. Можетъ быть.

Сокр. Но это не безопасно; а какимъ бы образомъ смѣшать безопаснѣе,—кажется, я могу объявить нѣкоторое мнѣніе.

Прот. Говори, какое.

Сокр. Было у насъ удовольствіе, какъ думаемъ, одно по истинѣ больше другаго, также и изъ искусствъ—одно точнѣе другаго.

Прот. Какъ не быть.

Сокр. Равнымъ образомъ, и знаніе отличное отъ знанія: одно, смотрящее на то, что происходитъ и погибаетъ, а E. другое—на то, что и не происходитъ и не погибаетъ, но существуетъ всегда тождественно и неизмѣнно. Имѣя въ виду истину, мы это послѣднее почитали истиннѣе того.

А Діонисъ, какъ производитель вина, конечно, умѣлъ различнымъ образомъ растворять его. Это—простѣйшее объясненіе мѣста; но Платонъ съ именами Діониса и Ифеста могъ соединять также значеніе аллегорическое. Мнѣніе позднѣйшихъ платониковъ объ этомъ можно читать у Олимпіодора.

¹ Ручей удовольствія называя ручьемъ меду, Платонъ, кажется, имѣлъ въ виду взглядъ пифагорейскій; Олимпіодоръ не безъ основанія говоритъ, ὅτι κρήναι μέλιτος μὲν ἢ τῆς ἡδονῆς ὡς γλυκείας καὶ τὸ ἐκστατικὸν ἐχούσης. εἰς καὶ Πυθαγόρειος λόγος, διὰ μέλιτος πίπτειν εἰς γένεσιν τὰς ψυχὰς. Ὑδατος δὲ κρήνη τοῦ νοῦ ὡς νηφατικῆ. Причина, почему ручей мудрости названъ трезвеннымъ, по мнѣнію Винкельмана, заключается въ томъ, что этимъ указывается на жертву, какая приносима была суровымъ богинямъ—Эвменидамъ, также Мнимосинѣ, Афродитѣ, Ураніи, Музамъ, Аврорѣ: имъ приносили νηφάλια, ἄπορα, которыя были безъ вина и состояли изъ одной подслащенной воды, μελιχράτω. См. Reising. Enarrat. Soph. Oed. Col. p. XLIV.

Прот. И весьма правильно.

Сокр. И такъ, смѣшавъ сперва истиннѣйшія части того и другаго, мы можемъ видѣть, достаточна ли эта смѣсь для доставленія намъ жизни вождельной, или понадобится еще что нибудь не такое.

Прот. Я, конечно, думаю, что надобно дѣлать такъ.

Сокр. Представимъ же себѣ человѣка ¹, разумѣющаго бг. самую справедливость, что такое она, могущаго рассуждать соотвѣтственно силѣ своего ума ², и такимъ же образомъ мыслящаго о всемъ, что существуетъ.

Прот. Представимъ.

Сокр. Будетъ ли достаточно его знаніе, если онъ разумѣетъ божественный кругъ и самую божественную сферу, а этой человѣческой сферы и этихъ круговъ не знаетъ ³,

¹ Доказавъ, что счастье человѣческой жизни не состоитъ ни въ одной мудрости (τῷ κέραι), ни въ одномъ удовольствіи (τῷ ἀπείρῳ), философъ идетъ теперь къ третьему роду жизни, смѣшанному изъ тѣхъ двухъ (τὸ ἐπιμετρίμενον). Но, чтобы эта жизнь была установлена правильно, прежде всего изслѣдывается, всѣ ли удовольствія и всѣ ли безъ различія части наукъ и мудрости должны войти въ смѣшеніе, или надобно сдѣлать между ними выборъ? Здѣсь начинается рѣшеніе этого вопроса. Сократъ полагаетъ, что нѣтъ ни одной части науки, которая не была бы необходима для счастливаго провѣденія жизни; ибо хотя знанія, направляющіяся къ созерцанію истины вещей, суть стяжанія дѣйствительно превосходнѣе всѣхъ, однакожъ одни они для счастья жизни недостаточны: для этого нужна помощь и прочихъ. Иначе думаетъ Сократъ объ удовольствіяхъ: изъ числа ихъ онъ допускаетъ только тѣ, которыя истинны и сообразны съ законами мудрости, а сильныя и неумѣренныя, способныя разрушить гармонію всякой смѣси, считаетъ нужнымъ устранять.

² Здѣсь не бесполезно замѣтить различіе между выраженіями τὸν λόγον ἔχειν—рассуждать и νοεῖν—умствовать. Τὸ νοεῖν относится конечно къ τὸν νοῦν или къ уму, который созерцаетъ божественное и безусловное. Напротивъ, ὁ λόγος есть разумъ или рассудокъ, силою котораго мы можемъ находить причины дѣйствительно сущаго и выражать ихъ словомъ. Поэтому формулѣ τὸν λόγον ἔχειν противопоставляется причастіе ἄρῳον. Но, чтобы рассудокъ шелъ правильно и вѣренъ былъ истинѣ, онъ долженъ τῷ νοεῖν ἕλκεσαι.

³ Божественный кругъ и самую божественную сферу, по гречески: κύκλον μὲν καὶ σφαῖραν αὐτῆς τῆς θείας. Это ограниченіе τῆς θείας относится не къ одному σφαῖρας, но и къ κύκλου. Κύκλον и σφαῖραν τῆς θείας надобно понимать въ значеніи идеи, опредѣляющей собою горизонтъ, въ которомъ умъ можетъ созерцать предметы божественные. Идея умственнаго горизонта справедливо называется божественною; потому что заключающіяся въ немъ

между тѣмъ какъ въ домостроительствѣ и другихъ дѣлахъ тѣмъ не менѣе пользуется правилами и упомянутыми прежде в. кругами (циркулями).

Прот. Мы говоримъ, Сократъ, о смѣшномъ нашемъ расположеніи, вращающемся только въ божественныхъ знаніяхъ.

Сокр. Какъ ты сказалъ? Неужели надобно внести сюда и примѣшать непостоянное и нечистое искусство того ложнаго правила и круга ¹ (циркуля)?

Прот. Необходимо, если кто изъ насъ дѣйствительно намѣренъ отыскать дорогу домой.

С. *Сокр.* Неужели и музыка, которая, какъ мы прежде говорили, полна догадокъ и подражанія, не требуетъ чистоты?

Прот. Это, мнѣ кажется, необходимо, если наша жизнь будетъ хоть какъ нибудь жизнію.

Сокр. Видно, ты хочешь, чтобы я, какъ толкаемый и тѣснимый толпою привратникъ, уступилъ и, растворивъ ворота настежь, позволилъ втекать въ нихъ всѣмъ знаніямъ и каждой недостаточной смѣшиваться съ чистою.

Д. *Прот.* Не знаю, Сократъ, какой вредъ получилъ бы тотъ, кто принялъ бы всѣ прочія знанія, когда есть у него первыя.

Сокр. Такъ пустить ли течъ всѣ въ бассейнъ той Омировой весьма поэтической долины ²?

вещи не подлежатъ чувствамъ. Phaedon. p. 80 A: οκόπει δὴ, ἔφη, ὦ Κέρης, εἰ ἐκ πάντων τῶν εἰρημένων τὰ δὲ ἡμῖν ξυμβαίνει, τῷ μὲν θεῷ καὶ ἀθανάτῳ καὶ νοητῷ καὶ μονοειδεῖ καὶ ἀεὶ ὡσαύτως κατὰ ταῦτα ἔχοντι ἑαυτῷ ὁμοιωτάτων εἶναι φύσιν, κ τ. λ. Отсюда уже само собою явно, что разумѣется подъ сферою человѣческаго и что такое—кругъ человѣческой. Это—тотъ горизонтъ, въ которомъ дѣйствуютъ наши чувства, что выражаютъ и прибавленные здѣсь указательныя мѣстоименія ταύτην и τοῦτος.

¹ Сократъ сирапиваетъ: неужели Филевъ думаетъ, что и тѣ простонародныя понятія о практической геометріи, и тѣ орудія, которыми пользуются землемѣры, архитекторы и проч., должны быть внесены въ предѣлы геометріи чистой, которая называется божественною, тогда какъ первая пользуется орудіями (χαῖροι καὶ κύκλοι) ложными, т. е. феноменальными, и для измѣренія феноменовъ?

² Имѣется въ виду мѣсто Омировой Илиады IV, 452 sqq.:

Словно когда двѣ рѣки наводненныя, съ горъ низвергаясь,
Объ въ долину единую бурныя воды сливаются,
Объ изъ шумныхъ истоковъ бросаясь въ бездонную пропасть.

Прот. Конечно.

Сокр. Пускай текутъ. Но теперь надобно опять идти къ ручью удовольствій. Вѣдь намъ не удалось искусства и удовольствія смѣшать, какъ думалось, смѣшивая части только истинныхъ; но, любя всякое знаніе, мы дозволили совмѣститься всѣмъ вдругъ, и притомъ прежде удовольствій.

Прот. Ты говоришь весьма вѣрно.

Сокр. Теперь пора посовѣтоваться намъ и касательно удовольствій,—надобно ли пустить ихъ также всѣ вдругъ, или и изъ нихъ сперва позволить тѣмъ, которыя истинны.

Прот. Для безопасности-то очень важно, безъ сомнѣнія, пустить напередъ истинныя.

Сокр. Пусть будутъ пущены. Что же послѣ этого? Не нужно ли примѣшать и тѣ, которыя, какъ и тамъ, окажутся необходимыми?

Прот. Почему не такъ, если они въ самомъ дѣлѣ необходимы-то.

Сокр. Но когда объ искусствахъ сказано было такъ, что ^{63.} знать всѣ ихъ во всю жизнь не только не вредно, даже полезно, то теперь то же будемъ мы говорить и объ удовольствіяхъ: если, то есть, всѣми удовольствіями наслаждаться во всю жизнь полезно намъ и безвредно для другихъ, то надобно смѣшать всѣ ихъ.

Прот. Что же скажемъ мы объ этомъ? И какъ поступимъ?

Сокр. Объ этомъ, Протархъ, должно спрашивать не насъ, а самыя удовольствія и разумность, и касательно взаимнаго отношенія ихъ выпытывать слѣдующее.

Прот. Что такое? В.

Сокр. Милыя!—какъ васъ назвать: удовольствіями, или какимъ другимъ именемъ?—что предпочли бы вы: жить ли со всею разумностію, или безъ разумности?—На это они, думаю, необходимо отвѣчали бы такъ.

Прот. Какъ?

Сокр. Такъ какъ прежде сказано было, что какой нибудь родъ и не очень возможенъ и не полезенъ, если онъ оди-

нокъ и совершенно обособленъ, то изъ всѣхъ-то родовъ мы С. признаемъ одинъ, которому, вмѣсто уединенной жизни, весьма хорошо жить съ нами: это—родъ знанія какъ всего прочаго, такъ и силы въ каждомъ изъ насъ, сколь совершенно она можетъ быть познана.

Прот. И хорошо-таки сказали вы теперь, примолвимъ мы.

Сокр. Правильно. Послѣ этого опять надобно спросить разумность и умъ: имѣете ли вы сколько нибудь потребности смѣшиваться съ удовольствіями?—Но, какъ скоро уму и разумности предложили бы мы этотъ вопросъ, они, можетъ быть, спросили бы наоборотъ: съ какими удовольствіями?

Прот. Вѣроятно.

D. *Сокр.* Тогда-то наше слово было бы уже слѣдующее. Кромѣ тѣхъ истинныхъ удовольствій, скажемъ мы, нужны ли вамъ еще для сожителства удовольствія величайшія и сильнѣйшія?—Какъ можно, Сократъ? отвѣчали бы они:—вѣдь эти-то удовольствія представляютъ намъ безчисленные препятствія, возмущая своимъ неистовствомъ души, въ которыхъ мы живемъ; да они и самимъ намъ не дадутъ возникнуть, и рожденныхъ нами дѣтей, внушая намъ, по нашей безпечности, забвеніе о нихъ, большею частію совершенно погубять. E. Прочія же удовольствія, которыя ты называлъ истинными и чистыми, признавай почти за сродныя съ нами, да кромѣ ихъ примѣшай и тѣ, соединенныя съ здравомысліемъ и разсудительностію, — всѣ, которыя, какъ сопроводительницы богини, неуклонно слѣдуютъ за всякою добродѣтелію.—Напротивъ, примѣшивать къ уму удовольствія, сродныя съ безуміемъ и другимъ зломъ, было бы крайне безразсудно тому, кто, желая видѣть смѣсь прекраснѣйшую и самую невозму- 64. тимую, старается узнать въ ней, что такое въ человѣкѣ и во всемъ благо по природѣ, и какъ надобно угадывать его въ самой идеѣ. Не разумно ли, скажемъ, и не соотвѣтственно ли себѣ отвѣчаетъ этими словами умъ, — отвѣчаетъ и за себя, и за память, и за правильное мнѣніе?

Прот. Безъ сомнѣнія, благоразумно.

Сокр. Однакожь и это-то необходимо ¹; а иначе ничего не можетъ выйти.

Прот. Что такое? В.

Сокр. Къ чему не примѣшаемъ мы истины, то не произойдетъ и никогда не можетъ быть истиннымъ.

Прот. Какъ этому быть!

Сокр. Никакъ нельзя. Если же требуется и еще какаянибудь примѣсь,—ты и Филебъ говорите. А мнѣ настоящее разсужденіе представляется отдѣланнымъ, какъ бы какой безплотный міръ, прекрасно властвующій въ одушевленномъ тѣлѣ ².

Прот. Будь увѣренъ, Сократъ, что и мнѣ такъ же кажется.

Сокр. Стало быть, если бы мы сказали, что теперь стоимъ уже въ притворѣ жилища, въ которомъ обитаетъ благо, то некоторые образомъ сказали бы правильно?

Прот. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ такъ кажется.

Сокр. Чтò же въ этой смѣси можетъ казаться намъ самымъ драгоценнымъ и вмѣстѣ особенною причиною того, почему

¹ Теперь Сократъ хочетъ рассмотреть причины и основанія, которыми должно уравновѣшиваться смѣшеніе удовольствія и разумности, чтобы оно было хорошо и совершенно. Само собою разумѣется, что это уравновѣживаніе надобно почитать разумнымъ; слѣдовательно, причина его должна скрываться въ разумности. Такимъ образомъ не отъ удовольствій зависитъ опредѣлять мѣру разумности, а отъ разумности—назначать мѣру удовольствій. Притомъ философъ полагаетъ, что добро усматривается въ истинности, соответственности частей и красотѣ; а судить объ этомъ—дѣло разумности.

² Сдѣлавши смѣсь и доказавши, что для ней требуется истина, Сократъ ничего уже болѣе не желаетъ для ея законченности и превосходства. Поэтому продолжавшееся доселѣ разсужденіе уподобляетъ *κόσμος τῶν ἀσώματων*, который одушевленному тѣлу долженъ предписать образъ и цѣль жизни. Разсужденіе Сократа въ самомъ дѣлѣ есть *κόσμος τῆς ἀσώματος*: ибо все, что было въ немъ изъяснено, взято изъ высшей области вещей божественныхъ и пріобрѣтено путемъ идеальнаго созерцанія. Притомъ этотъ *κόσμος ἀρῶν ἐμφύχου σώματος*, потому что человѣческое счастье представляется теперь какъ бы какимъ тѣломъ, надъ которымъ властвуетъ вполне раскрытое Платономъ и завершенное *λόγος*. Такъ понимаемъ мы это мѣсто Филеба. Но Тренделенбургъ (*De Platonis Philebi consilio* p. 13) объясняетъ его иначе. По его мнѣнію, Платонъ, сравнивая свое разсужденіе съ космосомъ, указываетъ этимъ на части діалога и искусственное его построение.

такое состояніе бываетъ всёю любезно? Увидѣвъ это, мы потомъ разсмотримъ, съ удовольствіемъ ли, или съ умомъ сроднѣе и союзнѣе то преимущество въ цѣломъ.

Д. *Прот.* Правильно. И это будетъ намъ очень полезно для его оцѣнки.

Сокр. Впрочемъ причину всей-то смѣси, по которой она или дороже всего, или вовсе ничего не стоитъ, узнать не трудно.

Прот. Какъ ты говоришь?

Сокр. Это извѣстно всякому человѣку.

Прот. Что такое?

Сокр. Всякое смѣшиваніе, какое и сколь великое оно ни было бы, не соблюдая мѣры и естественной соразмѣрности, необходимо губить и смѣшанное, и прежде всего—себя: Е. потому что не смѣсь, а несмѣшанность—истинная скученность—это именно всегда составляетъ несчастіе тѣхъ ¹, которые приобрѣли ее.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Вотъ теперь сила добра ушла отъ насъ въ природу прекраснаго: потому что мѣра и соразмѣрность всегда сходятся для проявленія въ красотѣ и добродѣтели ².

Прот. Конечно.

¹ Несмѣшанность—истинная скученность—составляетъ несчастіе, ἀκρατος ἐμπροσθημένη ἀληθῶς ἢ τοιαύτη γίνεται ἐμφορά. Въ этой греческой фразѣ этимологическая игра словомъ ἐμφορά, которой по русски удержать невозможно. Ἐμφορά собственно значить снесеніе, скучиваніе, сборъ безъ порядка и разсчитанности; ἐμφορά также — опасность, несчастіе. Имѣя въ виду эту двузначательность слова ἐμφορά, философъ говоритъ, что не смѣшеніе разумности и удовольствій губить человѣка, а нерасчитанная скученность, или скучиваніе ихъ безъ смѣшенія: ἀκρατος ἐμπροσθημένη есть дѣйствительное несчастіе,—ἢ ὄντως ἐμφορά человѣка.

² Красота, по ученію Платона, происходитъ отъ соответственности или соразмѣрности частей, примѣнительно къ какой нибудь цѣли, и составляетъ какъ бы завершеніе, полноту, воплощеніе добра, а поэтому и привлекаетъ своимъ видомъ. Politic. p. 284 B: ἀπασι γὰρ αἰ τοιαῦτα που (τέχνη) — τὸ μέτριον σώζουσαι πάντα ἀγαθὰ καὶ κατὰ ἀμετρίαν. Tim. p. 87 D: πᾶν δὲ τὸ ἀγαθὸν οὐ κακόν· τὸ δὲ καλὸν οὐκ ἄμετρον, καὶ ζῶον οὖν τὸ τοιοῦτον ἐσομένον ἐμμετρον θετέον. De Ker. VI, p. 486 E, — дѣ говорится, что и сама истина не можетъ не имѣть симметріи.

Сокр. Между тѣмъ мы сказали, что, при смѣшеніи, при-мѣшивается къ нимъ и истина.

Прот. Конечно.

Сокр. И такъ, если мы не можемъ схватить добро одною идеею, то схватимъ его тремя—красотою, соразмѣрностію 65. и истиною: скажемъ ¹, что эти начала правильнѣйшимъ образомъ сложивъ какъ бы въ одно, мы находимъ въ нихъ причину того, что есть въ смѣси, и, по добротѣ сихъ началъ, называемъ доброю и самую смѣсь.

Прот. Весьма правильно.

Сокр. Такъ теперь у насъ, Протархъ, всякій можетъ быть способнымъ судьею относительно удовольствія и разумности,—которое изъ этихъ явленій сроднѣе съ наилучшимъ и цѣннѣе въ очахъ людей и боговъ. В

Прот. Явно, конечно; однакожь лучше будемъ изслѣдывать.

Сокр. Будемъ же судить о тѣхъ трехъ началахъ, взимая ихъ каждое порознь ², и примѣняя къ удовольствію и уму: ибо надобно видѣть, къ чему сроднѣе будетъ отнести намъ каждое изъ нихъ.

Прот. Ты говоришь о красотѣ, истинѣ и соразмѣрности?

¹ Если мы не можемъ схватить добро одною идеею, то схватимъ его тремя. Метафоры: *θηρευσαι, λαμβάνειν*, очевидно, взяты отъ охотниковъ. Три идеи, нужны для того, чтобы ими опредѣлить добро и овладѣть имъ, суть красота, соразмѣрность и истина. Но такимъ образомъ пойманное нами добро не было бы тѣмъ абсолютнымъ благомъ, о которомъ философъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ. См. *De Rep.* VI, р. 508 D sqq.; VII, р. 517 E. *Legg.* XII, р. 965 C sq. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, подъ какими формами надобно приобрѣтать добро, если мы не можемъ наслаждаться имъ въ безформенномъ его существѣ. Не имѣя силъ соверцать на землѣ высочайшее означаемое, нужно по крайней мѣрѣ присматриваться къ его знакамъ.

² Будемъ судить о тѣхъ трехъ началахъ, взимая ихъ каждое порознь, *καὶ ἕν ἕκαστον τῶν τριῶν—χρίνωμεν*. Критиковъ въ этомъ мѣстѣ очень занимаетъ предлогъ *κατά*. Одни изъ нихъ находятъ его лишнимъ и хотѣли бы изгнать изъ текста; другіе видятъ въ немъ значеніе простого винительнаго падежа, зависящаго отъ глагола и не управляющаго винительнымъ *ἕν ἕκαστον*. Но, кажется, нѣтъ никакой причины прибѣгать здѣсь къ разнымъ тонкостямъ: довольно только знать, что *κατά* не всегда бываетъ предлогомъ; иногда оно употребляется какъ нарѣчіе и значить *порознь*.

Сокр. Да. Прежде-то возьми истину, Протархъ. Взявши же ее и всмотрѣвшись въ эти три—умъ, истину и удовольствіе,— удержишь на долгое время, и потомъ отвѣчай самому себѣ: удовольствіе ли сроднѣе съ истиною, или умъ?

Прот. Зачѣмъ тутъ время? Различія, думаю, много. Вѣдь удовольствіе, какъ говорятъ, всего лживѣе; а въ удовольствіяхъ любовныхъ, которыя кажутся притомъ величайшими, признается простительнымъ предъ богами даже клятвopеступленіе ¹; такъ что удовольствія, будто дѣти, не имѣютъ нисколько ума. Напротивъ, умъ—или то же, что истина, или всего подобнѣе ей,—самое истинное ².

Сокр. Послѣ этого разсматривай такимъ же образомъ мѣрность: удовольствіе ли больше имѣетъ мѣрности, чѣмъ разумность, или разумность—больше, чѣмъ удовольствіе?

Прот. Легко рѣшить и этотъ предложенный тобою вопросъ. Я думаю, что изъ всѣхъ явленій нельзя найти ничего по природѣ неумѣреннѣе удовольствія и радости, равно какъ ничего—умѣреннѣе знанія.

Сокр. Ты хорошо сказалъ. Однакожь говори еще о третьемъ: умъ ли у насъ воспринимаетъ больше красоты, или родъ удовольствія, то есть, умъ ли прекраснѣе удовольствія, или напротивъ?

Прот. Но что касается разумности и ума, Сократъ, то никто никогда ни наяву ни во снѣ не видывалъ и не мыслилъ какимъ нибудь образомъ, чтобы умъ или въ прошедшемъ, или въ настоящемъ, или въ будущемъ былъ нѣчто безобразное.

Сокр. Правильно.

¹ Клятвы въ дѣлахъ любовныхъ изстари почитаемы были какъ выраженія легкомыслія, и нарушеніе ихъ въ вину не вѣнялось,—боги за клятвopеступленіе въ этомъ отношеніи не наказывали. Plat. Symp. p. 183 B: ἀφροδίσιον ἔργον οὐ φασὶ εἶναι. Объ этомъ писали многіе. Barthius ad Claudian. De Nupt. Honor. v. 84. Casaubon. ad Athen. p. 827. Тоур. Emendatt. in Suid. T. I, p. 170 al.

² Сила и природа человѣческой души и вещей божественныхъ, или идей, по учению Платона, одна и та же. Phaedon. p. 79 и 80 B: θεῶν καὶ ἀθανάτων καὶ νοητῶν καὶ μονοειδέων—ὁμοίωτάτων εἶναι φύσιν συμβαίνει.

Прот. А удовольствія-го, и притомъ почти величайшія, бываютъ таковы, что, видя кого нибудь наслаждающагося ими, мы ради ихъ находимъ въ немъ или смѣшное, или до того безобразное, что, смотря на него, сами стыдимся, 66. и скрываемъ, заботливо прячемъ все такое, предоставляя это ночи: потому что при свѣтѣ смотрѣть на это не годится.

Сокр. Такъ ты будешь говорить, Протархъ, и чрезъ отправляемыхъ вѣстниковъ, и лично присутствующимъ,—что удовольствіе есть приобрѣтеніе не первое и даже не второе, но что первымъ будетъ относящееся къ мѣрѣ, мѣрности и благовременности,—все, почитаемое такимъ, что имѣетъ природу вѣчную.

Прот. Изъ сказаннаго теперь это, въ самомъ дѣлѣ, явно.

Сокр. Затѣмъ второе будетъ относящееся къ соразмѣрному, прекрасному, совершенному, долѣющему и ко всему, В. что заключается въ этомъ родѣ вещей.

Прот. Въ самомъ дѣлѣ вѣроятно.

Сокр. На третьемъ же мѣстѣ, какъ я угадываю, если положишь ты умъ и разумніе, то недалеко уклонишься отъ истины.

Прот. Можетъ быть.

Сокр. А на четвертомъ не поставимъ ли то, что есть въ самой душѣ, то есть, знанія, искусства и правильныя мнѣнія? Вѣдь все это, послѣ трехъ, есть четвертое, если все это съ добромъ-то сроднѣе, чѣмъ съ удовольствіемъ.

Прот. Можно полагать.

Сокр. Слѣдуетъ пятое,—и тутъ мы помѣстимъ удовольствія, которыя опредѣлили какъ безпечальныя, и назвали чистыми удовольствіями души, направленными къ чувствамъ.

Прот. Можетъ быть.

Сокр. Но на шестомъ колѣнѣ, говоритъ Орфей, прервите мелодію пѣсни ¹. Должно быть, и наша рѣчь прервется на ше-

¹ Приведенный здѣсь стихъ Орфея читается и у Плутарха, II, р. 391. Сравн. Orphic. Fragm. ed. Hermann. p. 473. Lobesck. Aglaopham. p. 788 sqq.

Д. стомъ присужденіи. Вѣдь послѣ этого намъ ничего не остается болѣе, какъ своему изслѣдованію придать голову ¹.

Прот. Да, надобно.

Сокр. Хорошо; такъ, въ третій и послѣдній разъ ², пересмотримъ тѣ же положенія, которыя засвидѣтельствованы нами.

Прот. Какія?

Сокр. Филевъ почиталъ у насъ добромъ всякое и полное удовольствіе.

Прот. Въ третій разъ:—это сказалъ ты, Сократъ, видно, съ намѣреніемъ обозрѣть бывшее разсужденіе.

Е. *Сокр.* Да; такъ выслушаемъ же дальнѣйшее-то. Предвидя все, что теперь уже разсмотрѣно, и досадуя на положеніе не только Филеба, но и весьма многихъ другихъ, я говорилъ, что въ человѣческой жизни умъ далеко лучше и превосходнѣе удовольствія.

Прот. Было такъ.

Сокр. Подозрѣвая же, что есть и многое иное, я говорилъ: если откроется нѣчто лучшее этихъ обоихъ, я буду бороться по крайней мѣрѣ за второе мѣсто для ума, противъ удовольствія,—и удовольствіе лишится даже второй степени.

67. *Прот.* Да, ты говорилъ.

Сокр. Но потомъ всего удовлетворительнѣе показалось то, что изъ обоихъ этихъ некоторое не удовлетворительно.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Въ тогдашнемъ разсужденіи и умъ вовсе оставленъ, и удовольствіе; и добромъ-то самимъ въ себѣ не оказалось ни то ни другое изъ нихъ, такъ какъ они въ нашихъ глазахъ

¹ Придать голову, κεφαλήν или τέλος, или еще κολοφώνα ἐπιθεῖναι,—формула очень употребительная. См. Gorg. p. 505 D; Politic. p. 277 B; Legg. IV, p. 707 C; XII, p. 957 B; Alcib. 1 p. 105 D; Epist. VII, p. 340 C, al. Но мы не знаемъ, кто бы говорилъ ἀποδοῦναι κεφαλήν: потому что ἀποδοῦναι значитъ отдать, какъ бы заплатить долгъ, какъ: Politic. p. 267 A; De Republ. p. 612 B. C, al. Поэтому, вмѣсто ἀποδοῦναι, не слѣдуетъ ли читать ἐπιθεῖναι?

² Въ третій и послѣдній разъ, τὸ τρίτον τῷ σωτηρί. Объ этой словицѣ см. Charm. 167 A.

лишились самодовлѣемости и силы, свойственной тому, что достаточно и совершенно.

Прот. Очень правильно.

Сокр. Когда же явилось и третье, лучшее каждаго изъ этихъ, тогда умъ, сравнительно съ удовольствіемъ, оказался далеко ближе и свойственнѣ побѣдившей теперь идеѣ. В.

Прот. Какъ не ближе.

Сокр. Такимъ образомъ, по приговору, который произнесло наконецъ наше изслѣдованіе, сила удовольствія должна находиться на пятой степени.

Прот. Вѣроятно.

Сокр. А на первой—никакъ, хотя бы говорили это всѣ быки, жеребцы и прочіе, сколько ихъ есть, звѣри, такъ какъ они гоняются за удовольствіемъ. Вѣря имъ, будто гадатели—птицамъ, многіе судятъ такъ, что удовольствія суть наилучшее въ нашей жизни ¹, и думаютъ, что лучшими въ этомъ отношеніи свидѣтелями служатъ скорѣе скотскія похоти, чѣмъ всегдашнія разсужденія жрецовъ музы фило- С. софской.

Прот. Теперь мы всѣ уже соглашаемся, Сократъ, что ты говоришь весьма справедливо.

Сокр. Такъ отпустите ли меня?

¹ Люди, державшіеся этого мнѣнія, доказывали его, вѣроятно, такъ же, какъ у Цицерона (De Fin. I, 9) доказывалъ свое ученіе Эпикуръ. Hoc Epicurus in voluptate ponit (т. е. высочайшее благо), summumque malum in dolore; idque instituit docere sic: Omne animal, simul atque natum sit, voluptatem appetere eaque gaudere ut summo bono, dolorem aspernari ut summum malum et, quantum possit, a se repellere, idque facere nondum depravatam, ipsa natura incorrupte atque integre judicante. Sext. Emp. Pyrgon. Hypoth. III, с. 24, § 194: Ὅθεν καὶ οἱ Ἐπικούρειοι δεικνῶναι νομίζουσι φύσει αἰρετὴν εἶναι τὴν ἡδονήν. Τὰ γὰρ ζῶα φασὶν ἅμα τῷ γενέσθαι ἀδιάστροφα ὄντα ὀρμᾶν μὲν ἐπὶ τὴν ἡδονήν, ἐκκλίπειν δὲ ἀλγηδόνας. И такъ, настоящее мѣсто Платона показываетъ, что эпикурейцы были еще до Эпикура, и что ихъ было много, какъ это видно изъ словъ: οἱ πολλοὶ κρίνουσι κ. τ. λ. De Rep. IX, p. 586 A; VI, p. 505 C sqq. Legg. IX, p. 874 E. Aristotle. Ethic. Nic. I, 5. Это мѣсто Платона имѣлъ въ виду и Порфирій, De esu anim. III, I: Σωκράτης πρὸς τοὺς ἡδονῶν διαμφιροβητούντας εἶναι τὸ τέλος, οὐδ' ἂν πάντες, ἔφη, σύες τε καὶ τράγοι τοῦτω συναινοῖεν, πεισθῆσθαι ἂν, ἐν τῷ ἡδῆσθαι τὸ εὐδαίμον ἡμῶν κείσθαι, ἔστ' ἂν νοῦς ἐν τοῖς πᾶσι κρατῆ.

Прот. Остается еще немного, Сократъ,—и ты-то, вѣроятно, не уйдешь отсюда прежде насъ. Я напомню тебѣ объ остальномъ ¹.

¹ Протархъ хочетъ напомнить Сократу объ остальномъ; но что еще остается касательно этого предмета не разсмотрѣннымъ, изъ хода діалога не видно. Напротивъ, послѣдніе, сдѣланные Сократомъ выводы относительно степеней блага, равно какъ изложенное имъ обзорѣніе всего, что и какъ въ діалогѣ было изложено, показываютъ, что діалогъ законченъ совершенно. Можно, конечно, догадываться, что Протарху хотѣлось бы узнать, какое мѣсто и значеніе въ человѣческой жизни надобно указать удовольствіямъ не чистымъ. Но такъ какъ здѣсь говорится о благахъ, и притомъ о такихъ благахъ, которыя оказываются достойными своего имени предъ судомъ идеи блага высшаго,—а не чистыя удовольствія подобными благами быть не могутъ:—то Сократъ и не обратилъ вниманія на предложеніе Протарха напомнить о нихъ, и замолчалъ.